

Ричард ТУИТУ

Золото Мудрецов

Примечание для читателя,

Я назвал природный сульфид сурьмы, Стибин или Sb_2S_3 вероятным сырьем для великой работы, следуя обнародованным рекомендациям Канселье (и других авторов).

Я думаю, что был неправ, есть другой природный сульфид, Galena который мог бы совершенно подойти для нашей работы.

В остальном я сделал все возможное, чтобы интерпретировать тексты и привести их в гармонию.

Со всей дружбой и искренностью.

Я поддерживаю тезис о том, что наука, как любая форма мысли, это просто организованная система убеждений.

Жан-Пьер ПЕТИТ

История золота

Мы находимся в 1924 году, сцена разворачивается в скромной маленькой комнате на улице Taillieried, в старом Сарселе.

Два персонажа молча заняты перед маленьким камином под озорным взглядом третьего друга. В то время как один разжигает огонь под тиглем, содержащим дымную серую массу, второй, немного моложе, покрывает плотный, темно-красный порошок, на листе бумаги, который затем падает в расплавленном свинце.

Слышен потрескивающий звук, как фейерверк, сопровождаемый ослепительным блеском. Расплавленный металл теперь излучает мерцающие зеленые цвета, и дым постепенно исчезает над тиглем. Молодой человек захватывает тигель длинным металлическим зажимом, а затем сразу же переворачивает его содержимое в форме слитка. Как только операция завершена, он погружает форму, полную светящегося зеленого металла, в таз с водой, приготовленный для этого случая. Слышен длинный свист, и, как один человек, наши три персонажа опираются на слиток, выходящий из воды.

Алхимическое золото наконец появляется, искрясь.

Самый старый из трех персонажей, используя нож, царапает поверхность слитка, чтобы собрать несколько стружек. Это сразу относится к таинственным манипуляциям на заднем столе, усыпанном различными пробирками и инструментами. Через несколько минут, которые кажутся бесконечными, он оборачивается, выглядя совершенно изумленным:

- чистота 99,9%! Может быть, даже больше! - Воскликнул Гастон Дикарь, инженер-химик Пуленк.

Таинственный порошок поступил из запаса философского камня, подаренного молодому Канселиету Фулканелли.

Третьего свидетеля звали Жюльен Шампань, художник-анархист.

Так произошла последняя известная алхимическая трансмутация двадцатого века, в течение которой около 120 граммов свинца были заменены на золото.

1 - Эта дата кажется более вероятной, чем упомянутая Эженом Канселие в «Ответе на заявку, в которой он называет 1921 год годом знаменитой трансмутации.

Действительно, похоже, что Фулканелли не завершил Великую работу в лучшем случае до 1924 года, согласно словам его ученика в одном из предисловий «Тайны соборов».

Два дракона философии.

Предисловие

Мое самое первое знакомство с алхимией датируется шестидесятью, когда я был молодым студентом в отделе Ecole Technique в Женеве, один из моих преподавателей дал мне указание подробно рассказать об истории химии.

Чтобы приблизиться к этому исследованию, мне удалось легко собрать несколько интересных книг по этому обширному предмету, наша университетская библиотека была очень хорошо снабжена. К счастью, современные авторы, такие как Серж Хутин и М. Карон¹ или Мирча Элиаде², опубликовали захватывающие работы в пятидесятые годы, что значительно облегчило мою задачу. Веком ранее известный химик Марселин Бертелло³ предпринял замечательную исследовательскую работу, связанную с изучением древних документов и договоров до 8-го века, папируса Лейдена, рукописей Святого Марка, а также старых рукописей итальянского музея. Его «История химии» можно считать памятником обучения.

Я признаю, что мои предшественники оказали мне значительную помощь в написании этой диссертации, охватывающей более тридцати веков истории. Моя скромная презентация привлекла все внимание амфитеатра.

Я только что нашел новое занятие, которое собиралось монополизировать все мои часы досуга на ближайшие десятилетия.

Я помню, как испытывал большое разочарование после первого контакта с алхимией. Вопросы запутались в моей голове, возбужденные невероятным любопытством.

Кто были эти алхимики? Были ли они коварными фальсификаторами, шарлатанами или настоящими учеными? Что это был за таинственный процесс создания Философского Камня? Какие основные материалы использовали алхимики? На каких теоретических основах основывались Адепты? Были ли успешные трансмутации веса на протяжении веков? Почему вы скрывали все секреты, накопленные за два тысячелетия исследований?

Все эти вопросы, казалось, никогда не могли найти ответы, настолько эта загадочная вселенная казалась недоступной для простых смертных и полностью анахроничной. Мое любопытство было определенно задето, мне совершенно необходимо было обнаружить, что скрыто за этими памятниками загадок, символов и секретных аллегорий, доступных только для небольшой касты посвященных или просвещенных. Это было недопустимо.

Я дал обещание принять этот наглый вызов, чтобы раз и навсегда разобраться с огромным обманом, который составлял поиск абсолюта. Я мечтал о том, чтобы раскрыть истинные грани герметизма среди бела дня.

Что за претензия!

Я явно недооценил эту задачу.

Потребовалось почти четыре десятилетия исследований. Почти сорок лет, в течение которых я хранил большую массу данных, которые я классифицировал, изучал, анализировал, анализировал и перепроверял, только чтобы извлечь то, что я считал квинтэссенцией.

Для этого мне пришлось сравнить эти открытия с современными возможностями химии, металлургии и физики, выучить французский язык, который не использовался веками, и преодолеть языковые трудности латинского и древнегреческого языков.

Этого было недостаточно. Мне также пришлось запоминать десятки произведений, разгадывать невероятные загадки, загадки, притчи или аллегории, и все это, чтобы избежать ловушек и ошибочных рецептов, намеренно созданных, чтобы сбить с толку жадных и нетерпеливых мирян.

Я постараюсь кратко изложить основные выводы, которые вытекают из этого необычного исследования для современного ученого. Они будут охвачены меню ниже:

- существует значительное количество алхимических сочинений, которые были предметом сотен публикаций за последние десять веков, а также еще более значительного числа неопубликованных работ. Более того, большинство этих работ спят на полках больших библиотек или частных коллекционеров, ожидая, когда счастливый художник наконец решит расшифровать контент.

- Книги по алхимии могут выглядеть монументально, и это не образ. Древние адепты, передававшие секреты великого искусства, строили соборы, усадьбы. Они делали статуи, тканые гобелены, рисовали картины, рисовали гравюры и делали много предметов, специально посвященных алхимии. На них были выгравированы амулеты и скульптурные камины, печи. Золотые и серебряные монеты и медали были брошены во время успешных превращений. Наконец, Фулканелли мастерски продемонстрировал, что все эти шедевры являются самыми безопасными и наиболее информативными «книгами» всего алхимического корпуса.

- за последние двадцать веков алхимическое течение, более сильное, чем американская золотая лихорадка, затронуло все слои населения, мужчин и женщин всех вероисповеданий; Здесь практиковали раввины, монахи, епископы и папы, а также поэты или писатели, художники или скульпторы, известные врачи, юристы, принцы и принцессы, короли и королевы. буржуа, крестьяне, кузнецы, джентльмены из стекла и стекла, ювелиры, архитекторы, не забывая ученых, конечно.

- за период, охватывающий последние десять веков, мы видим, что существует определенная преемственность в определении основных принципов, материалов и алхимического процесса, хотя есть несколько школ (понимают несколько путей). Сегодня их как минимум четыре:

- нормативный маршрут (металлический маршрут)
- древний путь (животный путь)
- естественным или растительным способом
- киноварный маршрут, еще один металлический маршрут китайско-индийского происхождения.

Изучение этого маленького теста касается только металлического трека. Я не могу хранить влажный способ, не имея точных данных, но знаю, что в большинстве химических процессов кинетика реакции ускоряется при повышении температуры реакции. Это научно установленный факт; грубо говоря, скорость химической реакции удваивается с каждым повышением температуры на 10°C . Таким образом, доказано одно из главных утверждений о продолжительности процесса шорт-трека. В самом деле, вполне может быть два рабочих процесса одной и той же реакции или одной и той же группы реакций: один медленный, развивающийся при умеренной температуре, другой очень быстрый, с гораздо более высокими температурами.

- алхимический процесс или процессы никогда не прекращали развиваться и совершенствоваться на протяжении веков, ни для увеличения трансмутативной способности Камня, ни для сокращения времени его разработки.

- для каждого из двух регулирующих каналов существует несколько возможных вариантов, при условии, что в философском компосте можно сосредоточить «универсальный дух».

- с моей точки зрения, текущая ртуть (Hg) не является первичной материей великого труда, хотя некоторые адепты, такие как Фламель, Филалете, Урбигер или Цициани, применяют ее на определенной стадии процесса и там, где она будет вмешиваться. как простой адъювант, гипотетический «беглый слуга». Некоторые современные авторы, такие как Каро или Дюшен, работали над этим путем и опубликовали множество работ. Они даже утверждают, что достигли конкретных результатов. Я воздержусь от публикации каких-либо комментариев об этих процессах, потому что я лично не изучал их.

- Фулканелли, Эжен Канселиет, а также многие другие современные алхимики, по-видимому, игнорировали все, что касается мокрого процесса, часто нося обманчивый квалификатор.

- явления, описанные в первых алхимических препаратах, были известны и объяснены химиками в течение длительного времени, но явления второго и третьего режимов полностью избегают любого научного объяснения, они, кажется, держат чудо.

- аллегорические фигуры могут быть поняты только тем, кто работает в печи, они являются наглядным отражением явлений, наблюдаемых во время соприкосновения.

- на окраинах канонического алхимического процесса существуют спатирические или археологические процессы, приводящие к взвешенным трансмутациям. Они были предметом нескольких публикаций, наиболее полной из которых была публикация Б. Хуссона⁴.

- большинство так называемых «особых» процессов используют процессы, порожденные Великой Работой и в которых они включают «свет природы».

- что касается химических веществ, используемых адептами в металлическом виде, два элемента принадлежат к одному семейству в классификации Менделеева: азот, объединенный в одном из солевых адъювантов, и сурьма, один из компонентов секреты. Они взаимозаменяемы? Это совпадение?

Азот и огонь достаточно для тебя, гласит пословица. Азот, несомненно, скрывает самые тайные тайны Великой Работы.

- сухое алхимическое соединение в тигле придает компосту невероятно высокую плотность и свойство для Камня бесконечно улучшаться по качеству и количеству. Окончательное слияние отмечается звуковым проявлением, отмечающим увеличение веса и плотности, что является верным признаком успеха.

- Алхимику на пути к искусству удалось украсть огонь с неба? В настоящее время в научных кругах много говорят о энергии нулевой энергии. Таким образом, энергия, которая концентрируется в Камне, может исходить из этого неиссякаемого источника, открытого нашими предшественниками несколько тысячелетий назад?

- заключительная фаза размножения постепенно изменяет физические свойства Камня, который больше не склонен коагулировать и покидает твердое состояние, превращаясь в жидкость, проявляя повышенную фосфоресценцию. Переход из твердого состояния в жидкое состояние предполагает окончательное преобразование в газообразное состояние, если умножения продолжатся ...

Вы только что увидели часть ноу-хау наших предшественников, а также основной объект их забот. Адепты утверждают, что способны разработать химический объект - философский камень - материал с неизвестными свойствами химии и современной физики, синтетический материал, имеющий вид дробленого стекла, гранатового цвета в твердой форме, очень плавкий и с невероятно высокой плотностью. Камень будет действовать как катализатор, способный вызывать превращения в расплавленных металлических телах.

Другие свойства относятся к Камню; это лечения многих болезней и продления жизни.

Какое увлечение произвело простое упоминание слова «алхимия» за прошедшие века, помимо всех философских, мистических, паранормальных или магических соображений?

Нужно ли указывать, что трансмутация является неоспоримой физической реальностью? Именно она управляет атомными электростанциями и, к сожалению, взрывает атомные бомбы.

Трансмутация - это естественное свойство радиоактивного материала, которое деградирует в соответствии с процессом, связанным с определенной вероятностью элемента, этот процесс принадлежит квантовой механике и до сих пор не может найти рационального объяснения.

Наука постулирует, что массивные трансмутации не могут быть осуществлены без привлечения колоссальных энергий. Эти аргументы не убедительны, и ускорители частиц еще не исчерпали всех своих ресурсов. Поэтому загадки, окружающие атом, далеко не все раскрыты.

Сегодня мы вступаем в новую эру, и физика отчаянно пытается объяснить атом с помощью квантовой механики, а Вселенную - с помощью теории относительности. Ученые сталкиваются с проблемой размеров, касающейся двух диаметрально противоположных вселенных: с одной стороны, бесконечно малого, с другой - бесконечно большого, двух, казалось бы, непримиримых понятий.

В микромире фундаментальные исследования - очень эффективное предприятие по сносу. Мы разбиваем материю, чтобы объяснить, что это такое, во все более крупных и мощных коллайдерах. Это правильный метод?

Двадцать четыре элементарных частицы были обнаружены в пузырьковых камерах. Они являются лишь остатком столкновений атомных осколков, которые мы считаем основными составляющими. Это немного света. Чтобы подтвердить эти результаты, чтобы доказать теорию, созданную на протяжении полувека, потребуются однажды экспериментальное доказательство обратимости наблюдаемых явлений, то есть воссоздание разрушенных атомов с использованием их обломков. Это сложная игра.

В том же духе, с теорией струн в процессе конституирования, мы создали чисто математическое существо для объяснения атома или частицы: вибрирующая струна бесконечно малой длины, длина Планка. Самое неприятное, что экспериментального аналога еще нет, и это ставит эту теорию в ранг простых курьезов после более чем двух десятилетий исследований.

Наконец, текущие исследования в области вакуумной энергии, темной материи, антивещества и холодного синтеза, в случае успеха, несомненно, подтвердят эмпирические теории древних философов.

Алхимия – дисциплина, ближе к физике твердого тела, металлургии и ... космологии, чем к химии. Основные принципы основаны на реализации ограниченного числа материалов, которые в определенных условиях способны захватывать и накапливать неизвестную форму энергии, немного похоже на то, как заряжается электрический конденсатор, но сохраняя свой специфический, неопределенный характер. Именно эта энергия позволит Философскому Камню управлять трансмутациями.

Физические процессы, осуществляемые алхимиками, имеют возможность глубоко модифицировать структуру атома. Утверждается, что ненаправленный выступающий порошок, полученный в результате этих процессов, обладает удивительными терапевтическими свойствами.

Что это за материалы и что это за неизвестная энергия? Какие методы разработали алхимики для выполнения Великой Работы?

Ответы на эти фундаментальные вопросы разбросаны по всему огромному алхимическому корпусу, который нам завещали Адепты, чтобы эта наука не была потеряна. Они позволяют нам верить, что их труды доступны всем, но они предназначены исключительно для других адептов.

К счастью, некоторые Мастера Искусства, следуя внушительному наследию, оставленному Фулканелли, были вежливы, чтобы проложить много вех, чтобы мы могли найти дорогу назад.

1. М. Карон и С. Гутин, *Les Alchimistes*, Paris Editions du Seuil, 1959. 1 том.

2. Мирча Илиада, Кузнецы и Алхимик, Париж. 1 том

3. Marcelin Berthelot, *Les Origines de l'Alchimie*, G.Steinheil Publisher 1885.

4. Бернард ХУССОН. Алхимические превращения. Париж. Я читал, 1974, 1 том.

ГЛАВА I

Немного истории

За последние три столетия было предпринято несколько попыток определить происхождение алхимии в пространстве и времени. Среди наиболее серьезных исследований мы отмечаем исследование отца Ленглета-Дюфресной в 1742 году, Марселина Бертелло в 1885 году, исследования Сержа Хутина и М. Карона³ в 1951 и 1959 годах, и, наконец, исследование философа-историка Мирчи Гелиады⁴,

Представляется целесообразным исправить несколько грубых ошибок, неустанно повторяемых, часто из-за предвзятых идей, но иногда в результате поверхностных исследований.

Прежде всего, мы должны игнорировать в этом историческом исследовании любые соображения, касающиеся алхимии Китая и Индии, слишком недавние и очень далекие от европейской герметической традиции, как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Большую часть времени большинство герметиков и большое количество историков, за исключением Бертелло и Фулканелли, приписывали египетское или греческое происхождение алхимии, вероятно, из-за очень раннего нарушения верований таинственного персонажа, представляет Гермеса, более божественного, чем сановник или месопотамский священник, изгнанный, согласно легенде, в Египте. Кроме того, неисчислимы ссылки на Платона, Аристотеля или Демокрита, сделанные несколькими арабскими или христианскими авторами, мало способствовали распространению этой частой ошибки, которая заключается в определении колыбели алхимии в Греции.

Марселин Бертелло в своей «Истории химии» подвергает очень критический анализ этих ошибок:

«Если алхимики присоединились к Герму, если они посвятили ему ртуть, сырье Великой Работы, то это потому, что Гермес, другими словами Тот, считался изобретателем всех искусств и всех наук. Платон уже говорит об этом в своих

диалогах, таких как Филеб и Федон. Диодор Сицилийский прослеживает до Гермеса изобретение языка, письма, поклонения богам и поклонению музыке; Точно так же открытие металлов, в частности золота, серебра, железа. Гермес, кажется, олицетворял науку египетского священства. Он был Господином божественных слов, Владыкой священных писаний.

Да, но Бертелот не указал здесь, что мифический Гермес был не египтянином, а ... вавилонянином.

Вопреки распространенному мнению никогда не было типично египетской алхимической традиции. Не ставя под сомнение египетский гений, важно знать, что секреты, «ревниво» хранимые египетскими священниками, касались только металлургических процессов, связанных с обработкой и плавкой золота, его фальсификацией и удвоением. как рецепты приготовления красителей, эмалей и химических основ для бальзамирования. Более того, некоторые из этих техник четко представлены на фресках гробниц.

По мере углубления истории шумерских цивилизаций появляется еще одна правдоподобная гипотеза о происхождении алхимии – месопотамский сектор. Глиняные таблички Ниневии учили нас, что шумеры развивали науки по крайней мере за четыре тысячи лет до нашей эры. Они освоили математику, астрономию, металлургию, химию и, прежде всего, письменность, используемую для передачи и сохранения знаний. Евреи, происходящие из Месопотамии, эмигрировав в Египет за 2000 лет до нашей эры, привезли на Запад эту культуру научного уровня, самого высокого в мире за все время,

Первые химические операции по очистке золота, такие как, например, купелирование, были использованы по крайней мере за 3000 лет до нашей эры, на северо-востоке Малой Азии,

Вавилоняне. Более того, мы находим точные намеки на рафинирование золота в Ветхом Завете, а также на очень древний еврейский договор, написанный на иврите, "Месаф Аиш" или очищающий огонь.

Также в Ветхом Завете появляются первые ссылки на железо и его металлургию, еще один фундаментальный элемент в разработке Философского Камня.

С другой стороны, на сегодняшний день не обнаружено ни папируса, ни иероглифа, относящегося к настоящей египетской алхимии до Птолемея и Клеопатры.

Бертело провел исчерпывающее исследование папируса Лейдена, обнаруженного в гробнице Фив, и убедительно вспомнил еврейский сектор:

«Таким образом, – пишет он, – в папирусе Рувена № 75 появляется алхимический рецепт, приписываемый Осии, царю Израильскому. В других папирусах той же семьи мы читаем имена Авраама, Исаака, Иакова, слова Саваоф и несколько других отрывков, касающихся евреев.

Папирус № 76 содержит магическое и астрологическое произведение под названием: Священная книга, называемая восьмой Монадой Моисея, ключ Моисея, секретная книга Моисея. Поэтому еврейские имена и воспоминания смешались с оккультными науками во времена первых алхимических писаний, то есть примерно в третьем веке нашей эры. "

В древнем Египте процветали только рецепты фальсификации золота и серебра. Это была не алхимия.

Рукопись Фив, написанная примерно за 350 лет до нашей эры, также является первым документом, описывающим способы имитации или увеличения золота и серебра, а также искусство подделки драгоценных камней.

Фальсификаторы эмпирически узнали из искусства огня, что внешний вид материи может быть изменен по желанию, оставляя большую часть суеверия, чтобы объяснить то, что осталось для них загадочным.

Стекло было взято из песка, свинца из галена и т. Д. Относительно простыми методами с использованием реагентов, которые легко собирались и тривиализировались в это время. Таким образом, считалось, что для преобразования свинца в золото, например, было бы достаточно найти способ увеличить его плотность и изменить его цвет, используя соответствующий реагент.

Но это были далеко не алхимические методы.

Около 340 г. до н.э. Аристотель, ученик Платона, развил свою физику качества и четвертичных элементов, а также принципы эволюции материи. С распространением этих революционных теорий наступает эра неоплатоников. Затем оппортунистические фальшивомонетчики начали изучать поведение материи со всех сторон и использовать ее свойства наилучшим образом с целью подражания золоту и серебру. Для достижения своей цели они произвели полный синтез искусств огня и вскоре стали очень хорошими универсалами, возможно, первыми настоящими химиками в истории науки.

Ученики-фальсификаторы стали учеными, не колеблясь, приступая к опасным операциям, обращаясь с токсичными или взрывоопасными продуктами для производства сплавов, имеющих вид драгоценных металлов. Мошенничество стало обычным явлением, потому что процедуры тонкого анализа были применимы только в мастерских, оснащенных современным оборудованием. В то же время постепенно устанавливаются все основы нашей химии.

Во втором веке до нашей эры Архимед усовершенствовал простой способ обнаружения фальсифицированных сплавов золота: двойное взвешивание, первый метод быстрого неразрушающего анализа, который таким образом появился.

Однако алхимия, которая продолжает развиваться, имеет мало общего с поколениями фальшивомонетчиков, упомянутых выше. Принципы, к которым он относится, более благородны, они выходят за рамки простого охвата хризопеи, трансмутация является лишь конечным показателем успеха.

Эта наука, которая требует овладения очень сложными техниками, не могла возникнуть самопроизвольно, как, например, наука о производстве стекла. Потребуется многие столетия проб и ошибок, которые, безусловно, будут продолжаться до Ренессанса.

Три условия должны были быть выполнены, чтобы позволить возникновение алхимии и особенно развитие металлических путей:

- совершенное владение искусством огня, духовок и пиротехнических материалов,
- знание горно-металлургических методов добычи, а также химических и физических методов обогащения руд,
- знание материалов, необходимых для выполнения Великой Работы, и их химико-физических свойств.

Поэтому, вернувшись во времени, мы сможем установить точный календарь:

- открытия сурьмы и меди датируются 4000-5000 годами до нашей эры.
- методы очистки золота были разработаны около 3000 лет до нашей эры
- железо необходимо для алхимического процесса, первые метеорные железные объекты датируются 1900 годами до нашей эры, в то время как железный век, строго говоря, датируется только 13 или 14 веками до нашей эры. против

Таким образом, мы можем оценить, что с начала железного века должно было пройти несколько столетий, прежде чем алхимические методы были усовершенствованы и достигли зрелости.

Таким образом, эмбриональная алхимия, в лучшем случае, не могла увидеть свет до двенадцати или тринадцати веков до нашей эры.

В Библейском Исходе Бертелот отметил этот очень показательный отрывок из металлургических методов, использованных евреями: «И Господь сказал Моисею: я выбрал Беселеила, священника племени Иудейского, для обработки золота, «Серебро, медь, железо и все, что связано с камнями и изделиями из дерева, и быть мастером всех искусств ...»

«... Затем идет серия чисто практических рецептов, помещенных под патронажем Моисея и Беселеила. Мы знаем, что последний дан в Исходе как один из строителей Ковчега и Скинии. Во всем этом есть раввинская связь, и как первая подсказка к источникам и секретным доктринам масонства в средние века.

"

Последнее замечание, касающееся масонства, очень актуально. Кто не знает этого восхитительного стихотворения, приписываемого Царю Соломону, Песни Песней? Это первая аллегорическая алхимическая поэма, на которую, кроме того, уже указал Фулканелли. Сырье появляется в облике прекрасной черной богини со сладострастной грудью ...

Легендарные шахты царя Соломона, которые никогда не были обнаружены, были бы сильным искушением приписать алхимическое происхождение богатству Соломона.

Тогда есть большая дыра в несколько веков в нашей хронологии. Мало писаний, ни папируса, ни свитков. Все ли алхимические рукописи этого периода были уничтожены во время пожара, разорившего великую александрийскую библиотеку во время правления Цезаря? Это очень вероятно. К счастью, однако, устная традиция сохранила это наследие до аристотелевского периода, когда появилась теория четырех элементов.

Кто будет способствовать распространению новых алхимических идей с этого времени? Евреи, еще раз.

По словам Марселина Бертело: «Роль, приписываемая евреям для распространения алхимических идей, напоминает то, что они играли в Александрии во время контакта между греческой культурой и египетской и халдейской культурами». Мы знаем, что евреи имеют первостепенное значение в этом слиянии религиозных и научных доктрин Востока и Греции, которые руководили рождением христианства. Александрийские евреи какое-то время были во главе науки и философии. "

Таким образом, мы снова находим евреев, когда алхимии начинается последний поворот, ей около 2300 лет. Мы не должны забывать, что первые алхимические писания, которые пришли к нам, датируются только вторым веком нашей эры, когда рецепты фальшивомонетчиков распространились за три или четыре столетия до нашей эры.

Древняя рукопись, Книга Мистерий, приписываемая некоему Аполлонию Тианскому, будет распространяться из рук в руки, по крайней мере, до 10-го века, это один из самых герметичных трактатов в истории алхимии. Аполлоний Тианский был бы вымышленным персонажем, по словам Фуканелли, который считает, что под этим псевдонимом скрывается секрет производства философской ртути (Аполлоний относится к Солнцу и Тиане, то есть к Диане, к Луне). Во всяком случае, арабские авторы также приписывают эту противоречивую фигуру, написание «Изумрудного стола», самой эзотерической, самой отредактированной и самой комментированной сжатой работы.

Арабские алхимики выдвинули в число последователей нескольких греческих философов, таких как Пифагор, Архелус, Сократ, Олимпиодор, Платон, Аристотель, Порфирий, Гален, а также таинственный Болос, известный как демократ Мендес. Они ошибочно считали их своими предшественниками.

Но важно отметить, что первая известная практическая рукопись алхимии приписана Мириам, еврейке, которая жила бы в третьем веке в Александрии (историке называли ее Мари, плохая западная адаптация этого прекрасного имени, которое все еще используется нашими днями).

Мириам изобрела знаменитую «водяную марию», дала описание многих лабораторных приборов, некоторые из которых до сих пор используются сегодня, сублимационные вазы, кадры и афанеры.

Что касается *athanor*, то необходимо исправить ошибку, связанную с происхождением этого слова, которое происходит от иврита, а не от арабского, как можно было бы в это поверить: *ha-thanour* буквально означает «печь», на арабском языке лучше было бы сказать «*al-tanour*», слово, которое в любом случае происходит от иврита. Однако издатели словарей французского языка, которые систематически воспроизводят этот тип ошибки, должны это знать. Не следует забывать, что иврит предшествовал арабскому языку на несколько веков и что арабы заимствовали ряд слов из древнего иврита, что объясняет, но не прощает этого заблуждения. Тройной корень слов в арабском языке также построен по образцу иврита, так же как отсутствие письменных гласных в алфавите встречается в письменном арабском языке. Тем не менее, многие слова, заимствованные из арабского языка, остались в нашем повседневном языке, такие как неподвижное (*al inbic*) или алкогольное (*al kohol*). Позже мы увидим, что слово «алкоголь» скрывает одну из главных загадок Великой Работы.

Но давайте вернемся к Мириам, еврейке, которая цитируется в эльфийской энциклопедии «Эль Фирхист». Эль Фистист рассказывает, что Мириам представила Зозиму Панополитану в алхимии, несмотря на предупреждение, которое она дала ему: «Как ты смеешь трогать Камень Философов, ты, не принадлежащий к Аврааму 1»? Этот отрывок ясно показывает, что в начале нашей эры были группы еврейских посвященных, которые более или менее открыто культивировали алхимию.

Мириам пользовалась отличной репутацией у арабских философов. Она считалась ученицей или дочерью Платона Аль Надимом, который, таким образом, выразил свое уважение к еврейскому химику. Поэтому она была бы автором самой первой настоящей алхимической рукописи (настоящей алхимической рукописи, в отличие от рукописей авторов фальшивомонетчиков, рецептов магии или колдовства, которые я решительно исключаю из этого исследования).

С 4-го века Александрийская школа с Zozime в качестве инициатора и его учеников, Pseudo-Democritus, затем Synesius, а также Olympiodorus, выросла в бассейне Средиземного моря. Многие алхимические лаборатории работают в это время по всей дельте Нила. Мы также найдем след нескольких александрийских рукописей, также цитируемых в энциклопедии Аль Надима.

Тогда алхимия начинает распространяться в христианской среде сразу после периода иудейско-христианского раскола, то есть около 325 г. н.э.

Затем, к концу 4-го века, фанатизм христианских монахов, воспитанный архиепископом Феофилом, приведет к уничтожению школы и Александрийской библиотеки, а также к разрушению большинства александрийских химических лабораторий, которые из великолепного Мемфисского Серапеума.

Это была большая потеря для цивилизации и неудача для развития науки.

В седьмом веке Мориен, ученик алхимика по имени Адфар, преподавал священную часть арабскому принцу Халиду ибн Джазиду, и поэтому, по словам Сержа Хутина, алхимия культивировалась среди мистических общин ислама и особенно суфии.

Великое мусульманское вторжение в Северную Африку и Испанию, безусловно, будет способствовать алхимическому течению в Европе. Великие персонажи, такие как Чалид, Рас и Аверо, оставили глубокий след в средневековье, о чем свидетельствуют многие тексты. Но не все эти персонажи могут быть поставлены в ранг последователей или даже алхимиков.

Расес (Абу Бакр Мухаммад ибн Закарийя аль-Рази), как и Авиценн, был известным врачом.

Авиценны не верили в возможные трансмутации.

Наконец, Авероэс был истинным гуманистическим философом во всем современном смысле этого слова. Следует отметить, что он также имел привилегированные отношения с главным раввином Маймонидом.

Артефий, по прозвищу Аль Тохра'и, безусловно, самый образованный из всех арабских алхимиков и, возможно, даже величайший последователь средневековья. Предшественник Фламелья и Василия Валентина, его рукопись «Тайная книга очень древнего философа Артефия» – это современный трактат большой дидактической ценности, написанный на едва завуалированном языке. Он бы жил в двенадцатом или тринадцатом веке.

Что касается великого Гебера, Джабира ибн Хайяна, его «Сумма совершенства» выглядит как очень современное произведение химии или спагьрии, написанное на латыни ... через два-три столетия после его смерти. Мы никогда не находили оригинал, написанный на арабском языке.

Поэтому ясно, что было немного арабских адептов за пределами Arterphuis, Calid или Rases. По правде говоря, есть немного интересных арабских алхимических текстов, кроме обычных трактатов по магии или спагьрии. Был бы какой-нибудь секретный арабский алхимический корпус, о котором мы бы забыли из-за отсутствия переводчиков или информированной читателей?

Передача ноу-хау христианам, по-видимому, происходила совершенно независимо от исламского нашествия, между 9-м и 12-м веками (это вскоре предшествует взрыву готического искусства в Европе).), как раз во время крестовых походов.

Какая власть смогла передать внушительное ноу-хау крестоносцам в Иерусалиме? Откуда берутся знания, которые привели к строительству и распространению соборов между двенадцатым и четырнадцатым веками в Европе, а также едва закодированные алхимические сообщения, записанные на витражах, статуях и фресках на больших порталах соборы Парижа, Амьена и Шартра или Толедо? Объяснения Фулканелли, который видит отпечаток католицизма и христианской религии во всем, что связано с алхимией, слишком пристрастны. Секреты этих переводов, возможно, скрыты в каком-то мрачном подвале Ватикана.

С двенадцатого века европейская алхимия была быстро структурирована, чтобы принять новое измерение до Ренессанса.

Алхимия никогда не была заморожена, она неизменна, поскольку некоторые утверждают, что, наоборот, процессы будут совершенствоваться по мере распространения алхимических договоров по всей Европе с изобретением печатного и подвижного типа. Отныне алхимия будет культивироваться во всех слоях населения, и знаменитые ученые отметят эту эпоху: Йехан де Мехунг, Арно де Вильнёв, Николя Фламель во Франции, Базилика Валентин и Анри Хунрат в Германии, Рипли, Нортон и Кремер в Англии, а затем Сетон али ле Космополит, Филадельфия.

В то же время, Адепты или их эмиссары постоянно прилагают усилия в европейских столицах, чтобы продемонстрировать эффективность своих проекционных порошков и алхимическую реальность. Свидетельства имеются в большом количестве, и многие медали получают в память о публичных или частных трансмутациях.

Упадок алхимии начался в 18 веке, с эпохи великих химиков. У нас останется очень мало посвященных и еще меньше адептов, таких как Цилиани в 19 веке и Фулканелли в первой четверти 20 века.

К счастью, великие герметики, такие как Рене Алло, Клод д'Иге, Эжен Канселиет, Бернар Хуссон и Аторен, оставили нам драгоценное наследие очень маленьких завуалированных философских работ, редкое наследие такого значения во всей истории алхимии. ,

Сегодня, в эпоху космических завоеваний, сторонники алхимии не сказали своего последнего слова. Таким образом, в одной только Франции несколько тысяч «любителей искусства» и, конечно, несколько сотен алхимиков, тайно работающих в их подвале.

Эти новые "художники" очень современны. Их вентиляторы работают на газе или электричестве, их печи оснащены электронными регуляторами, датчиками температуры, и теперь они могут анализировать и понимать механизмы, которые они задействуют в запускаемых ими операциях.

Феномен цивилизации, передача информации теперь осуществляется через Интернет, и есть сайты, на которых вы можете скачать бесчисленные и ценные алхимические произведения, очень мало распространенные ранее, и некоторые форумы, где обмениваются идеями.

Малая Алхимическая Хронология

До Рождества Христова

20 000 - 10 000

Открытие первых красителей в наскальных рисунках Ласко.

5000 - 4000

Открытие меди (телло) и сурьмы (шумера), золота уже известно.

4000 - 3000

Начало бронзового века. В Египте мертвые забальзамированы.

3000 - 2500

Изобретение методов очистки золота купелляцией в Вавилоне.

1900-1800

Использование метеоритного железа.

1350-1250

Начало железного века.

800 - 700

Производство стеклянных предметов, эмалей, использование сурьмянистых солей, оксидов меди, кобальта, олова.

350 - 320

Написание рукописи Фив, относящейся к искусству подражания золоту и драгоценным камням.

Аристотель развивает свою физику из четырех принципов и из "matera prima".

200

Архимед изобрел так называемый метод двойного взвешивания, первый неразрушающий анализ для точного определения плотности твердых веществ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

200 - 300

Пророчица Мария (Мириам) преподает алхимию Зозиме. Диоклетиан запрещает алхимию и сжигает все книги, посвященные трансмутации.

400 - 500

Византийцы составляют обширные сборники произведений, приписываемых Марии, Зозиме, Синезию, Олимпиодору.

500 - 600

Христиане Александрии уничтожили большую библиотеку, а также большинство лабораторий под разрушительным авторитетом архиепископа Феофилова.

650 - 700

Мориен, римский отшельник, преподает алхимию арабскому принцу Халиду ибн Джазиду, который опубликует "Le livre de Cratès".

Халид пишет «Книгу тайн».

720 - 800

Джабир ибн Хайян (Гебер) описывает соли мышьяка и ртути.

900 - 950

Rhases экспериментировал с minium, litharge, orpiment и развивал сульфиды металлов.

Авиценна в своем «Китабе-сифе» заявляет, что если возможно подражать золоту и серебру, трансмутация невозможна.

Аль Надим публикует энциклопедию "Китаб аль Фихрист".

1100

Открытие висмута, серной кислоты.

Артефий, арабский автор, подписывает свой главный договор.

1182

Роберт Кастенсис пишет "Liber De Compreh Alchemiae".

1200-1250

Мишель Скотт посвящает свой «De Secretis» своему мастеру, императору Фридриху II.

Альберт Великий изучает действие азотной кислоты на металлы, готовит соли калия.

1247

Роджер Бэкон изобретает порох.

+1260

Святой Фома Аквинский придерживается аристотелевской философии «Материя прима», но не культивирует сакральное искусство.

1310

Арно де Вильнев осуществляет трансмутацию перед римской курией, он публикует «Le Chemin des Chemins».

Гийом де Лоррис и Джехан де Мехунг пишут «Романс Розы», шедевр алхимической поэзии.

Эту эпоху отметили другие известные алхимики: Петрус Бонус (из Феррары) (хороший железный камень), Джехан из Руспессики, Ортолан, Джон Кремер ...

1312

Рэймонд Люиль и его тезка написали полдюжины небольших договоров. «Ключица» описывает особый процесс, в котором серебро и азотная кислота играют очень важную роль, он выполняет трансмутацию в Англии.

1382

Николя Фламель превращает ртуть в золото 25 апреля 1382 года

Он пишет, в частности:

«Книга иероглифических фигур», «Книга шайб», «Желаемое желание», «Философское резюме» и «Бревиарий».

1400-1500

Николя Валуа, Николя Гропарми и Вико завершили Великий Шувр в 1420 году.

Jehan de la Fontaine публикует «Фонтан любителей науки».

Базилик Валентин устанавливает серию всех солей сурьмы и разрабатывает лекарства от венерических заболеваний. Он написал «Двенадцать ключей к философии», «Трактат о природных и сверхъестественных вещах», «Триумфальная колесница сурьмы».

Бернар Ле Тревизан публикует две книги: «Естественная философия металлов» и «Заброшенное слово».

Жорж Рипли, английский алхимик, религиозный августинец, публикует «Книгу Двенадцати Дверей».

1500-1600

Агриколь пишет первый минералогический договор "De Re Metallica" в 1530 году. Августель написал знаменитую поэму «Хризопея».

Biaise de Vigenère пишет внушительный соляной договор, а Salomon Trimosin публикует его «Splendor Solis». Парацельс черпает вдохновение у Базилика Валентина, чтобы усилить представление о третьем принципе (Соль), и занимает первую кафедру химии в Базельском университете.

Денис Захар пишет «Истинная естественная философия металлов»

Издание на латыни анонимного договора «Искусство делать золото, которое называется химией».

Келли и Джин Ди выполняют публичные трансмутации в Германии и Англии.

1600-1700

Сетон, шотландский последователь, более известный под псевдонимом Cosmopolitan, заключен в тюрьму герцогом Саксонским, Кристианом II, за то, что он отказался раскрыть тайну Философского Камня. Он сбежал благодаря джентльмену польскому человеку Сендивиогусу и оставил в наследство великую классику: «Новый Химический Свет».

Stolcius публикует «Viridarium Chymicum» на латыни

Президент Espagnet пишет «Герметические тайны философов», произведение удивительной эрудиции.

Хлодвиг Нюссемант пишет свои алхимические стихи.

Жан-Батист Ван Хельмонт, фламандский врач и химик, обнаружил углекислый газ, изобрел термометр и произвел трансмутацию с использованием порошка, подаренного ему неизвестным лицом.

Пьер-Жан Фавр пишет свой договор «Abrégé des secrets secrets».

Анри Кунрат, алхимический доктор, сочиняет «Амфитеатр вечной мудрости», а Валентин Андреа - его «Нимские чимики»

Майер Мишель публикует «Беглеца Аталанта» и «Chansons Intellectuelles Sur La Resurrection du Phénix»

Huginus à Varma публикует «Царствование Сатурна превратилось в золотой век».

Американский последователь Филаеттс пишет самый популярный в истории алхимии договор: «Открытый вход в закрытый дворец короля».

Исаак Ньютон изучает алхимию и эксперименты в печи.

Лимоджон де Сен-Дидье комментирует договор, озаглавленный «[Древняя война рыцарей] в его «Герметическом триумфе».

Гельвечий осуществил трансмутацию в 1667 году благодаря порошку, полученному от последователя с причудливым названием голландского происхождения, Элия Артиста.

Козндерс Барент Ван Хелпен публикует свой трактат Гронингу «L'Escalier des Sages».

В Англии Роберт Фладд систематизирует доктрины розенкрейцеров и подражает в Германии: сапожник Якоб Беме.

1700-1800

Жорж Шталь изобрел теорию флогистона.

Бруно де Лансак (BDL) комментирует замечательные песни Марка-Антуана Красселлама "Свет, выходящий из тьмы один".

Дом Пернети пишет свой «Мифо-герметический словарь».

В 1732 году анонимный автор написал превосходный трактат под названием «Герметические развлечения».

1800-1900

Луи-Поль-Франсуа Камбриэль публикует свой «Герметический курс философии за 19 уроков».

Cyliani Cold превращает ртуть в золото и посвящает потомству «Hermès Unveiled». Альберт Пуассон пишет «Теории и символы алхимиков».

1900 - 2000

Пьер Дюжоль, друг Фулканелли, публикует свою «Гипотипоз» (комментарий к пластинкам «Mutus Liber» Якоба Сулата).

Фулканелли, последний известный последователь, завещал своему единственному ученику Э. Канселию два шедевра алхимической литературы: «Le Mystère des Cathédrales» и «Les Demeures Philosophales»

Клод д'Иге, ученик Канселиет, публикует свою «Новую сборку философов химии».

Эжен Канселиет, самый плодовитый автор алхимиков 20-го века, завещает нам важное наследие: «Два алхимических дома», комментарии из «Двенадцати ключей к философии» Базилии Валентин, «Алхимия», комментарии от «Mutus Liber», « Три древних договора алхимии », « Алхимия объяснила свои классические тексты ». Эжен Канселиет также предвосхитил произведения многих современных авторов.

Рене Алло, автор книги «Аспект традиционной алхимии», руководит коллекцией алхимических работ, не опубликованных в 1970-х годах.

Бернард Хуссон, великий посвященный, выдающийся герметик, превосходный многоязычник, историк, кроме того, дает нам ценные комментарии к нескольким переизданным произведениям: «Два алхимических договора 19-го века», «Антология алхимии», «Verger Chymique» (перевод) книги на латыни; Viridarium Chymicum), а также небольшая книга под названием «Алхимические превращения».

Atorene, друг и ученик Канселье, отличный практик, публикуют исследование бесспорной практической сферы: «Алхимическая Лаборатория»

И, наконец, мы отметим щедрый вклад двух современных авторов, международная репутация которых хорошо известна.

В 1961-1992 годах Роджер КАРО, под псевдонимом Камала-Джнана, 58-й Император Старших Братьев Креста Розы +, завещал нам свои «Мастера» Врехапады, несколько несравненных алхимических работ на пути киновари, которые он знал прекрасно.

- Словарь алхимической философии. +1961
 - Алхимический Плеяд. 1967
 - Все великие сфотографированные работы. +1968
 - Алхимическое соответствие. 1968 (другие названия)
 - По адресу: <http://perso.orange.fr/cabanis/>
- Издания Массанна.

С 2002 года Piorro DUCHESNE, Настоятель Святилища Сына Гелиоса Адама, предлагает нам, со своей стороны, работы, имеющие большое значение на пути Cinabro Ouvorto с 1961 года Rogor CARO.

Alchimio, los Vraios Lumiбros do l'Oouf do la Philosophie Normétique
 Фотографическая панорама Гранд Оувро
 Сладкие Великие Сокровища Горметической Сакральной Философии.
 Маленькие философские сокровища
 С Ассоциацией Холиос Адам: <http://holiosadam.alchimio.froc.fr/>

Алхимия и религии

Мы только что видели, что алхимия была не чисто египетского происхождения, а, скорее всего, вавилонской. Очевидно, что вклад евреев был решающим в развитии этой науки до пятого века нашей эры, периода, когда христиане и арабы взялись за факел.

До 8-го века алхимия была прежде всего металлургической дисциплиной, которая смешивала огненное искусство и суеверия в тесной взаимосвязи со светскими шаманскими практиками. Герметическое, духовное или философское отклонение, которое будет вмешиваться, является результатом непрерывного вторжения христианских и мистических и религиозных течений, а также, возможно, частично мусульманских (суфиев), с начала средневековья.

Это мистическое проникновение отмечено прежде всего в умозрительной и псевдореторической части герметических трактатов, потому что именно это делает все эти работы с сильно религиозным подтекстом непостижимым, псевдореторическая часть не имеет отношения к операционному процессу.

Вот почему все современные исследователи и историки, не проводя глубоких исследований, которые заслуживает этот предмет, или его практических экспериментов, немедленно классифицировали алхимию в категорию мистически-

духовных курьезов. Таким образом, они удалили все научное и материальное значение из алхимии.

Однако, если некоторые мистические алхимики хотели одухотворять это искусство, смешивая практику и религию, они делали это не для того, чтобы скрыть то, что уже было достаточно неясным, а для того, чтобы претендовать на членство в определенной элите, сектах или тайных обществах, таким как, например, розенкрейцеры и масоны.

Это наблюдение подтверждают М. Карон и С. Хутин, которые пишут: «В 14-м и 15-м веках европейская алхимия имела тенденцию представлять собой секретный гнозис, утверждая, что дает герметичное толкование догм христианства. »

В эту галерею мистических авторов мы можем поместить Mynsicht, Khunrath, Valentin Andreae, Fludd, Jacob Boehme, Maier, Grillo de Givry, просвещенных писателей или герметиков 20-го и 21-го веков.

Эти мистики построили мост между алхимией и христианской религией, чтобы поддержать сектантское видение герметизма, следуя примеру некоторых из своих предшественников, таких как Грилло де Живри, например.

Для этих авторов алхимия – это конкретизация послания Евангелия, и вот как они развивают свои концепции:

- сырье сопоставимо с незапятнанной девственницей, которая должна рожать,
- прокаливание относится к смерти Христа и тайне креста (крест, представляющий тигель), а железо, используемое для сокращения руды, символизирует три гвоздя распятия, или копьё Лонгина ,
- очищение или сублимация материи ассимилируется с воскресением Христа,
- троичный алхимический принцип (ртуть, сера и соль) сравнивается со Святой Троицей.

Для секты Братьев города Гелиоса (FCH), созданной учеником Фулканелли, алхимия – это дар от Бога (donum dei), зарезервированный для достойной элиты, которая вознаградит пылкую веру и работу в печи.

Нужно ли понимать, что мусульмане, евреи или агностики просто исключены из круга адептов? Это очень неудачно для истинных предшественников и основателей древней философии, нехристиан, которые являются единственными изобретателями этой науки и единственными

векторы прогресса, по крайней мере, в Европе и до первого тысячелетия.

Почему необходимо подвергать коварный расизм, интеллектуальную дискриминацию предшественникам современной науки? Тем более смешно, что пропагандисты этого расизма радостно взламывали все ноу-хау тех самых людей, которых они исключают из своих сфер.

Истина, как продемонстрировал Бертелло, состоит в том, что алхимия постепенно создавалась из основ, несомненно, заложенных в Месопотамии в древние времена, экспортируемых и развивавшихся евреями в бассейне Средиземного моря, а затем, наконец, распространены арабами в средние века. Так почему эта глупая религиозная задержка?

Мы должны положить конец этому гротескному интеллектуальному пиратству. Алхимия ни в коем случае не является религией и не принадлежит какой-либо конкретной религии. Это искусство и научная дисциплина. Как и все виды искусства, алхимия универсальна. Если в средние века вообразители увековечивали герметические доктрины на стенах, витражах и статуях готических соборов, то это было для того, чтобы секуляризовать методы работы старой химии, а не служить для целей религиозная пропаганда сомнительного характера. В средние века великие мастера использовали греческую и египетскую мифологию, а также аллегорию и клику, с большим умом, и демонстрировали исключительную эрудицию, чтобы скрыть свое учение. Так, Дом Пернети подробно объяснил в греческих и египетских баснях, раскрытых и в своем словаре «Мой тогерметик», отношения, связывающие процесс Великой Работы с баснями древней мифологии. Эта идея была выдвинута ученым Жаком Толлом в 1635 году, и это также объясняет ученый Бернард Хуссон в «Антологии алхимии».

Мифологическая техника шифрования, использовавшаяся старыми Мастерами, заключалась в том, чтобы связать с каждым из материалов Великой Работы персонажа, сказочного животного или божество. Предполагалось, что басни с участием действующих лиц должны были представлять одну или несколько рабочих

фаз алхимического процесса. Работа Геркулеса, поиски Золотого Руна с Одиссеей Аргонавтов, аллегоризовала все операции, необходимые для получения философского Камня. В алхимическом бестиере мы узнаем Гриффона, символизирующего результат первого соединения, Гидру с семью головами, представляющими семь Орлов или философских сублимаций, и Феникса, эмблему завершеного Камня, восставшего из пепла. Превыше всего,

Упоминания и шифрования различных фаз в печи было недостаточно, также необходимо было заштриховать процесс эталонов, легко идентифицируемых учениками.

Чтобы секреты не были утеряны, старые мастера были достаточно любезны, чтобы указать на множество подсказок, которые появляются во время режимов. Это, например, цвета, внешний вид материала, запах, отличительный знак или иногда звук.

Мифологическое шифрование было мощным камуфляжем: раскрытие, чтобы секреты не потерялись, а завеса, чтобы они не попали в недостойные руки, была одной из главных забот адептов.

Богатство басен Античности и все возможные комбинации с аллегорией или герметической кликой позволяли распространять секреты, чтобы передавать знания только ученым и интеллектуалам, у которых были хорошие ключи – ключи от языка птиц, герметическая клика или сленг, как продемонстрировал Фулканелли.

Но изучения всех этих стилей клики и эзотерического языка недостаточно. По правде говоря, исследователь должен неустанно проводить эксперименты в печи, чтобы установить связь между алхимическим символизмом и метаморфозами компоста.

Алхимия и Спагирия

Мы часто путаем алхимию, отрасль, которая занимается трансмутацией металлов и поиском философского камня, и спагирией, весьма вероятным предком нашей современной химии. Фульканельф справедливо поддержал и развил этот тезис в "Les Demeures Philosophales".

Spagyria в основном занимается практическими и конкретными разработками в лаборатории и использует обычные материалы, в то время как алхимия выступает за использование канонических материалов с секретными свойствами и включает в себя неизвестные энергии, обычно называемые «духами», в некоторых случаях. реакции. Спагирия – это ветвь, которая влияет на выработку лекарств из растительных, органических или минеральных экстрактов. Он участвует в промышленных производственных процессах (красители, мыло, сахар), в металлургии (очистка металлов и производство сплавов), а также в стекольной промышленности. Если в прошлом сообщалось о многих спагирических трансмутациях, они имели ограниченную область применения на конкретных субстратах, приготовленных определенными процессами, то есть неалхимическими.

Другая ветвь, по словам Фулканелли, также занималась трансмутациями, архимиями или архдумией. Один из мастеров этой отрасли прошел бы обучение у тунисского ученого. Это Винсент де Поль, сначала раб, а затем освобожденный, который вернулся в Европу с непогрешимым рецептом изготовления золота из серебряного листа, подверженного действию таинственного порошка. Этот процесс странным образом напоминает процессы, разработанные американцами Эмменсом и французским Тиффером.

Изучение алхимии обязательно включает в себя изучение спагирии. Никакие манипуляции в лаборатории невозможны без полного знания химических свойств используемых материалов. Эта мера предосторожности остается в силе и сегодня из-за опасности отравления или взрыва, которым управляет нарушитель. В связи с этим было бы хорошо проконсультироваться с отличной работой Лемериб.

Алхимики или воздуходувки?

Алхимический корпус содержит много неполных, усеченных, неполных или измененных произведений. Это также включает в себя невероятное количество книг, написанных ложными алхимиками, блестящими иллюзионистами, словом от воздуходувок, которые копировали стиль и выражения великих мастеров. Эти работы представляют реальную опасность для непосвященных, потому что в дополнение к бесполезной трате времени и денег для тех, кто пытается воспроизвести запутанные эксперименты, существует опасность взрыва или отравления токсичными испарениями в буквальном смысле этого слова. ложные рецепты, увы, банальны.

Когда мы вызываем древние рукописи или алхимические гримуары, мы не должны полагать, что они представляют собой мгновенную возможность популяризации. Эти тексты зашифрованы, закодированы, подделаны, они написаны только для инсайдеров. Очень часто они включают отшельники или анаграммы, которые более или менее легко расшифровать или значение которых иногда раскрывается благотворительным комментатором. В других случаях речь идет о решении реальных головоломок, смысл которых можно раскрыть только в том случае, если в лаборатории вы овладеете совершенным мастерством владения магистерием.

Один из самых необычных аспектов алхимических иллюстраций связан с дидактическим характером символизма, который является наглядным отражением инкриминируемой доктрины. У Рене Аллео⁴ было замечательное предложение: «В алхимии, по его словам, все, что символично, является наблюдаемым, так же как все, что наблюдаемо, является символическим».

Чтобы понять алхимические символы, вы должны испытать себя в духовке.

Это просто расстраивает. Как найти себя в беспорядке слов или очень красочных, поэтических и иррациональных выражений, таких как «похотливая Венера, объятия голубей Дианы, дух Меркурия, философский Меркурий, философский Меркурий, Меркурий мудрых» Меркурий Философский, простой, двойной или тройной Меркурий, Меркурий Меркурий, философское золото, Понтийская Вода, Сухая вода, которая не смачивает руки ... »¹

Поскольку несколько ветвей нашей древней химии сосуществовали на протяжении веков с алхимией, путаница, добровольно поддерживаемая используемой терминологией, еще более затрудняет попытки исследований.

Это еще не все, здесь не только один-единственный алхимический процесс. Существует несколько методов достижения трансмутации веса. Эти так называемые «кособые» процессы, в отличие от так называемого «универсального» алхимического процесса, иногда осуществляются. Эти «ключи» по большей части разработаны с использованием материалов, специфичных для работы, но не следуют всему алхимическому процессу. Как правило, они дают худшие результаты с точки зрения количества и качества. Что касается чисто алхимических процессов, есть два пути с несколькими вариациями, которые некоторые последователи оспаривают из-за зависти или невежества.

Как объяснить эту манию для шифрования алхимических операций? Отдаленные предшественники, вавилоняне, евреи, греки, шаманы, признанные или возведенные в ранг первосвященников и часто защищаемые императорами и королями этого времени, политическими или экономическими стратегиями, изобрели религиозные обряды, а также жаргоны, предназначенные для их касты, для каждой научной области, в которой они ревностно охраняли свои секреты. В качестве меры предосторожности необходимо было любой ценой предотвратить любую вульгаризацию, сравнимую с кошунством, и не допустить, чтобы секреты не попали в руки врага. По словам Мирсеи Элиаде, эти церемонии включают в себя выбор определенных месяцев для плавления сплавов, в зависимости от зодиака, в жертву животных и шаманских заклинаний. В любом случае,

Методы разработки, а также герметические теории были разработаны по мере экспериментирования или совершенствования новых процессов. Конечно, в отсутствие какой-либо рациональной системы оценки, по аналогии, проводились параллели между тремя царствами: животным, растительным и минеральным.

В самом начале истории алхимии, вероятно, было много фальшивомонетчиков и шарлатанов, которые пытались делать сплавы, имитирующие золото или серебро, и

фальсифицировали названия валют с большим или меньшим счастьем. Существует большое количество рукописей, гримуаров и других произведений, содержащих совершенно эксцентричные рецепты, абсолютно не имеющих ничего общего с алхимией. Так, например, эта книга под названием «Маленький и великий Альберт», ложно приписываемая Альберту Великому, остается образцом жанра.

«Трансмутации», приписываемые этим воздуходувкам, не обманули многих людей. В средние века пробный камень быстро позволял с высокой точностью определить название золота, а техника двойного взвешивания была известна уже давно. Кроме того, адепты не стеснялись осуждать мошенников и предостерегать своих читателей от подобных действий.

Один из самых распространенных видов мошенничества, осуждаемый адептами, заключающийся в осаждении меди из водного раствора железным лезвием, сразу же представлял собой облако золотого осадка, имеющего вид золота. В наши дни такие свойства используются фокусниками в уловках, которые все еще дают иллюзию.

Следует также отметить, что большое количество работ ошибочно приписывают настоящим алхимикам, даже если они являются работами известных авторов, и что другие, не менее многочисленные, имеют дело только с конкретными процедурами.

1. FULCANELLI, *Le Mystère des Cathédrales*, третье издание, Париж Жан-Жак Поверт, 1964. 1 том. Три предисловия Эжена Канселие.
2. Эжен Канселиет, *Алхимия, различные исследования герметического символизма и философской практики*. Paris, J.-J. Pauvert 1964, 1 Vol.
3. Claude d'YGE DE LABLATINIÈRE, *Новое собрание философов химии*, Париж, Dervy Books 1954, 1 Vol.
4. Фулканелли, философия *Les Demeures* и их связь со сакральным искусством и эзотеризмом великого произведения, третье издание, Париж Жан-Жак Поверт. 2 тома Три предисловия Эжена Канселие.
5. VEZE, Marcus, *L'Or alchimique*, Lyon, Ed. Du Cosmogone, 2001, 1 Vol.
6. LEMERY, Nicolas, *Cours de chymie, с его приложениями в медицине*, Paris, Houry, 1757, 1 том

Химическая лаборатория 18 века.

Оборудование в этой лаборатории все от алхимических исследований.

Глава II Посвящение в 21 век

Для первого контакта с *Palchimie* важно начать с чтения *Fulcanelli1*, даже если поначалу человек поражен абстрактным характером его учения. В отличие от многих эзотерических авторов, Фулканелли – захватывающий писатель, его стиль непревзойденной чистоты, и он манипулирует глаголом, как величайшие классические авторы.

Пусть не будет никакой ошибки, если Фулканелли является экспертом, который владеет языками, науками и техниками, его необычайное мастерство заставляет ваше воображение предвидеть все виды процессов, часто далеких от герметичной истины. Как и большинство авторов, Адепт Фулканелли пишет под печатью Гермеса в чистейшем уважении к традиции.

С другой стороны, его единственный ученик, Эжен Канселиет², с гораздо менее прямой торговлей, в довольно решительном стиле, заимствованном из предыдущих веков, однако, применил себя, чтобы обеспечить значительное образование без обходных путей, которые невозможно найти в другом месте.

После изучения Фулканелли и Канселиета, когда кто-то думает, что наконец-то получил удовлетворительные знания по алхимической философии, следующий шаг состоит в том, чтобы заполнить пробелы, оставленные преднамеренно великим Мастером и его учеником.

В течение своих удивительных демонстраций, которые очевидны только для опытных герметиков, Фулканелли цитирует, чтобы поддержать его слова, целые отрывки текстов, заимствованных из алхимического корпуса, для того, чтобы

вызвать любопытство читателя и подтолкнуть его к открытию. секреты, скрытые от других авторов. Инстинктивно вы попытаетесь проконсультироваться со всеми работами, которые он вам указал, чтобы дополнить информацию, добровольно урезанную. Какое будет ваше разочарование! Если вы новичок, вы часто не найдете ничего, что не представляло бы интереса, в большинстве случаев расплывчатых подсказок, разбросанных тут и там, достаточно, чтобы заставить вас испугаться. Вы должны быть очень наивными, чтобы думать, что Адепт может позволить вам раскрыть секреты, что он сам ставит люстры, и что он тщательно скрывает,

Кстати, теперь вы знаете, что все философы пишут под печатью секретности, что все их книги закрыты и, к счастью, одна книга часто может открыть другую. Когда вы закончите эти литературные эскапады, которые помогут пополнить ваши знания, вы привыкнете к языку древних. Это то, что гроссмейстер нашел лучше всего для вашего обучения. Вы быстро научитесь рассуждать как алхимик, и это единственный путь для продвижения в этой дисциплине другой эпохи, когда у вас нет хорошего инициатора.

Чтобы сэкономить драгоценное время, новичок заинтересован в приобретении работ, опубликованных хорошими современными авторами, такими как Клод д'Иге³, Бернард Хуссон⁴ или Аторен⁵. Он быстро поймет, что чем больше мы погружаемся в прошлое, тем сложнее усваивание текстов. Важная деталь: знание, даже базовые, мертвых языков, таких как латынь или древнегреческий, является основным преимуществом в этом искусстве. С годами на любителя будет накапливаться большая коллекция произведений. К счастью, есть много благотворительных издательств, которые регулярно возвращаются из прошлых шедевров и классических трактатов «Химия Древних». Слово благотворительность, ставшее обычным явлением в алхимии, вполне уместно. В настоящее время вы не можете разбогатеть, публикуя книги тиражом менее тысячи экземпляров. Давайте приветствуем длинную цепь тех, кто способствует увековечению Древней Традиции, авторов, переводчиков, комментаторов, издателей и продавцов книг.

После прочтения и перечитывания «Фулканелли» и «Канселиет» рано или поздно необходимо заняться последовательным блюдом, которое представляет всю алхимическую литературу прошлых веков. Как определить критерии выбора в области, где литературные критики выделяются своим отсутствием? Я признаю, что купил несколько десятков книг, абсолютно пустых от какого-либо обучения, просто потому, что на них ссылался другой автор, или потому что название показало очень многообещающим. С одной стороны, это не несколько повторяющихся прочтений договора, которые позволят извлечь из него существенный мозг, а, с другой стороны, невозможно судить об эзотерической книге, только просматривая несколько страниц. Поэтому мы должны учитывать, что это цена, которую нужно заплатить, чтобы завершить это обучение.

Что также важно знать, это то, что очень часто кто-то смущается, читая полностью герметичные тексты и исследуя, какой из них будет искушен поспешно сделать вывод, что они не имеют ничего общего с алхимией. Авторы этого вида работ весело проводят время со стиливыми эффектами, чтобы произвести впечатление на читателя. Эта литература выдерживает все экзамены, поскольку она неясна. Как я уже говорил, некоторые книги были написаны предполагаемыми посвященными или мистиками, часто посещающими странные секты. Это, безусловно, относится и к двум книгам Грилота де Живри⁵, одна из которых называется «Великий Шувр», а другая – «Лурд». Их изучение не позволяет извлечь какие-либо положительные уроки. Первая книга больше похожа на сборник молитв, чем на трактат по алхимии, вторая полностью посвящена поклонению марианцам. Однако, если честно, авторский «Музей колдунов, магов и алхимиков» – это произведение, достойное интереса.

Также остерегайтесь авторов, которые, притворяясь, что пишут под покровом философа, пропагандируют ошибочные теории. Тонкие предложения заставят вас усомниться в своих знаниях и потерять все знания, которые вы приобрели болезненно. Также избегайте попадания в опасные манипуляции и ничего не делайте, если у вас нет твердого фундамента в химии, вы рискуете подвергнуть опасности свою жизнь и жизнь своих близких.

Герметик начала прошлого века, доктор Марк Хейвен, который должен был прокомментировать переиздание Mutus Liber в изданиях Chacornac в 1914 году, поклялся, что все понял из сообщения, оставленного Altus, пятнадцать досок в этом случае очень плохо воспроизведены. Этот предполагаемый комментатор, делая вид, что не хочет нарушать клятву Гарпократа, посоветовал читателю «читать, читать и перечитывать и т. Д.» 15 фигур Mutus Liber. Это очень оригинально, потому что именно эта легенда находится в конце рассматриваемой работы.

К счастью, те же листы, великолепно переизданные в 1967 году Жаном-Жаком Повером, на этот раз будут блестяще освещены объяснениями философа и ученого. современник, Эжен Канселиет. Цель этого отступления – показать вам, как можно злоупотреблять даже людьми, которые утверждают, что являются философами.

В алхимическом корпусе есть прекрасные авторы, охватывающие период от средневековья до 19 века. Среди этих многочисленных авторов важно сохранить тех, кто, в дополнение к репутации опытных Адептов, подталкивает щедрость к тому, чтобы делиться своим ноу-хау.

Для любознательного читателя приведен список известных авторов в алфавитном порядке.

Алтус или Сулат Якоб – Арно де Вильнёв – Артефий,
Аурах, Жорж – Баррент Коэндерс Ван Хелпен – Базилик Валентин – Белин, Дом – Жан-Альберт – Ле Космополит, союзник Александр Сетон – Цициани-Д'Эспань, Жан-Дю Бонай, Жан-Фабр, Пьер-Жан-Фламель, Николая – Грассо, Луи – Гобино де Монлюазан – Гроспарни, Николая – Угинус а Барма – Ле Тревизан, Вернар – Лиможон де Сен-Дидье, Александр-Туссен – Линтау, Анри де Ланзак, Бруно де Монте-Снайдерс, Йоханнес

– Планис Кампис, Давид – Филалетес, Эйрене – Столциус, Даниэль – Стюарт де Шевалье, Сабина

– Толл, Джейкоб

– Валуа, Николас – Урбигер

Вот другие названия от анонимных авторов, столь же интересные, как они редки:

– Герметичные воссоздания, сопровождаемые Scholies

– Свет, выходящий из тьмы сам по себе,

– Псалтырь Эрмофила отправил в Филадельфию,

– Розарий Философов,

– Письменная наука всего герметического искусства.

Теперь, если вы хотите завершить свои знания в практической алхимии, из любопытства или из любви к искусству, и если вы кто-то современный и спешащий, вы можете спасти себя от нескольких лет ошибок и разочарований, начав с изучения работы некоторых великих современных деятелей, особенно компетентных и щедрых экспертов, которых я особенно рекомендую вам, не исключая, конечно, Фулканелли и Канселиет.

Сначала я процитирую моего инициатора, Бернарда Хуссона⁸, опытного герметика, великого посвященного, отличного лингвиста, честного и скромного ученого. Гусон обнаружил настоящие сокровища из алхимической литературы. В своих «Двух алхимических договорах XIX века» он воспроизвел всю книгу «Герметические воссоздания», неопубликованную алхимическую рукопись, имеющую большое значение для герметика, некоего вдохновителя работы под названием «Hermès Unveiled», приписываемой Цициани. Таким образом, он смог поставить имя под инициалами BDL, ученого комментатора «Света, выходящего из себя из тьмы» – Адепта Бруно де Ланзак – и он написал превосходную «Антологию алхимии», мастерски прокомментировал «Viridarium Chemicum», а также работу под названием «Речь неуверенного автора на камне». Мы также должны ему чрезвычайно интересное и отлично документированное исследование истории трансмутаций. Бернард Хуссон, который умер в конце прошлого века, прекрасно владел греческим, латинским, немецким и английским языками. Его различные таланты позволили ему перевести и прокомментировать многочисленные работы, в частности, для коллекции, созданной Рене Аллео, «Biblioteca Hermetica».

Бернард Хуссон, никто не знает причину, был лишен авторства своих открытий некоторыми современными авторами. Он осмелился бросить вызов Фулканелли в исследовании, касающемся статуи Сен-Марселя, убивающего дракона во время

переиздания «Курс философии в девятнадцати уроках» Камбриэля. Эти «коллеги» часто публиковали целые отрывки, заимствованные у Hermetic Recreations, раскрывали персонажа, который прятался под инициалами BDL (Бруно де Ланзак), даже не называя работу, из которой были взяты эти выдержки, и их автора, Бернарда Хассона, как хорошо сложившаяся традиция между писателями или из-за простейшей вежливости.

Но, несмотря на это позор, Эжен Канселиет как честный философ был одним из немногих, кто цитировал его в своих комментариях к Mutus Liber, а затем в своей алхимии объяснял в своих классических текстах:

«Насколько нам известно, пишет Канселиет, именно Бернард Хуссон выделил это в своей первой работе. Поэтому второй раз наш друг опубликовал в extenso, в конце своей «Антологии алхимии», эту брошюру, вероятно, с автографом и что ее совершенно неизвестный автор под названием «Не без каббалистического юмора художников» огонь: герметичный отдых. »

Второй достойный интереса современный автор известен мне только по его псевдониму Atorene. Кажется, он был близким другом Эжена Канселие, с которым у него была близкая переписка. Atorène написал только одну книгу под названием «Алхимическая лаборатория». Это работа подлинного посвященного, богатого практическими деталями, которую лишь немногие Адепты посмели раскрыть до сих пор. Эта книга, которая обязательно должна быть включена в любую коллекцию, очень приятна для чтения и содержит множество иллюстраций. На него ссылается библиографический указатель, появляющийся в конце книги «Алхимия» 10, изданной Dervy. В связи с этим автор этого указателя поздравляет Аторена с «его глубокими спагетрическими знаниями». Я задал вопрос по этому вопросу, автор очень содержательной и оригинальной библиографии, которая появляется в этой работе, Мистер Ричард Карон, чтобы заставить его указать причину эпитета "спагетрик", использованного в данных обстоятельствах. Мистер Карон, с чрезвычайной добротой, дал мне знать, что это слово нужно было воспринимать в том смысле, в каком оно было среднего возраста, так как его любили использовать Базилик Валентин или Парацель, что равносильно, очень элегантно, Аторену, за качество его обучения. Поэтому не следует ошибаться относительно настоящих алхимических навыков Аторена, за качество преподавания.

Наконец, я также рекомендую изучить двух других современных авторов, которые мне нравятся, их книги содержат отличные выводы. Это Жак Садул¹¹ и Фабрис Бардо¹².

1. ФУКЛАНЕЛЛИ,

- Le Mystère des Cathédrales, третье издание, Париж Жан-Жак Повер, 1964. 1 том. Три предисловия Эжена Канселие.
- Философы Les Demeures и их отношение к сакральному искусству и эзотерике Великого произведения, третье издание, Париж Жан-Жак Повер., 1965, 2 том. Три предисловия Эжена Канселие.

2. ЭЖЕН КАНСЕЛЬ,

- Два алхимических дома на окраинах науки и истории, Париж, изд. Жан Шемит, 1945, 1 том.
- Алхимия, различные исследования герметической символики и философской практики, Paris chez J.-J.Pauvert, 1978, 1 vol.
- L'Alchimie et son livre muet, Paris Chez J.-J.Pauvert, 1967, 1 vol.
- Алхимия объяснила в своих классических текстах, Paris chez JJ Pauvert, 1972, 1 vol.
- Три старых трактата по алхимии, Париж в JJ Pauvert, 1975, 1 том.

3. Claude d'YGÉ de LABLATINIÈRE, Новое собрание философов химии, Париж, Dervy Books 1954, 1 Vol.

4. Бернард ХАССОН,

- Два старых договора об алхимии XIX века, Париж, Omnium Littéraire, 1964 - 1 том. Содержит следующие договоры:
 - CAMBRIEL, курс герметической философии в 19 уроках, 1843.
 - CYLIANI, Hermès представлен, посвященный потомству, 1932.
 - Аноним, Герметические Отдых, рукопись конца 17-начала 18-го века.
- Anthologie de l'Alchimie, Paris, Pierre Belfond 1978, 1 vol.

- Viridarium Chemicum, перевод и комментарии, Париж, Librairie de Médecis, 1975, 1 том.
- Alchemical Transmutations, Paris, Editions, 1974, 1 vol.
- Неопределенная речь автора на камне философов, (презентация), в Cahiers de l'Hermétisme, Alchimie, Dervy edition 1996, 1 vol.
- 5. ГРИЛЬО ЖИВРИ, Эмиль ^ Жюль
 - Le Grand Œuvre, Paris, ed. Chacornac, 1960, 1 том.
 - Лурдес, инициатор города, Париж, изд. Чакорнак, 1930, 1 том.
 - Музей колдунов, волхвов и алхимиков, Париж, Lib. де Франс, 1929, 1 том.
- 6. Д-р Marc HAVEN, Le Mutus Liber, Paris, ed. Чакорнак, 1914, 1 том.
- 7. Эжен CANSELIET, L'Alchimie et son livre muet, opus cit.
- 8. Бернард ХУССОН, соч. Цит.
- 9. ATORENE, Le Laboratoire alchimique, Paris, TrédanielLa Maisnie, 1982, 1 том.
- 10. Ричард Карон, Библиография работ, посвященных алхимии, опубликованных на французском языке с 1900 по 1995 год. В алхимии.
- 11. Жак САДУЛЬ, Сокровище алхимиков. Париж, Деноэль 1970, 1 том.
- 12. Фабрис Бардо, Секретные ключи химии древних. Paris, Robert Laffont, 1 vol.

Рождение и эволюция науки

Алхимия родилась в кузницах металлургов, в печах ювелиров или в печах стеклодувов и гончаров глубокой древности.

Именно путем наблюдения за расплавленными металлами, плавления олова, меди, серебра, золота или сурьмы, путем применения эмпирических процессов рафинирования, естественным образом возникли первые убеждения. Минеральная или металлическая материя, казалось, рождалась, жила и умирала, подобно животному или растительному царству в этом мире, но в незаметном ритме процесс казался таким медленным. Минералы для этих прекурсоров должны были развиваться в соответствии с таинственным циклом в естественных лабораториях их геологических месторождений и под влиянием астрологических планет, управляющих их судьбой.

В соответствии с доктринами, которые должны были быть постепенно введены в действие, кто-то пришел к выводу, что все металлы, живые тела, должны были эволюционировать в направлении совершенства, а неподкупность золота является последней стадией эволюции минералов.

Исследователи, практики или ученые этих отдаленных эпох изучали изучение явлений, вызванных используемыми материалами, во время операций по рафинированию металла, изготовлению стекла, кислот, оснований или Лайм. Они отправились на поиски необходимости объяснить преобразования, которые претерпел материал, чтобы, возможно, рационализировать производство и разработать новые методы.

Прежде всего, необходимо было создать аналоговую базу данных, упорядочить материалы, используемые по категориям, и, для наблюдаемых реакций, классифицировать их по группам или семействам легко идентифицируемых реакций.

Так родились первые определения, непосредственно связанные с основными состояниями материи, такими как Элементы:

- Земля, атрибут всего, что является твердым,
 - вода, определяющая любое жидкое состояние,
 - воздух, газообразное состояние,
 - Огонь, рассматриваемый как элемент, предвещает понятие энергии.

Четыре элемента были связаны с физическими свойствами, которые чувства могли оценить

- горячий,
- холодный,
- сухой,
- Мокрый.

Этих определений было недостаточно для описания всех явлений, возникающих в результате модификаций, возникающих в веществе в результате химических реакций. Поэтому древние добавили понятие «Принципы»:

- Меркурий,
- сера,
- соль.

Наконец, неспособные объяснить некоторые метаморфозы, из-за нехватки соответствующих аналитических средств, алхимики затем создали концепцию Духа, чтобы объяснить динамизм жизни и всего, что способно вызвать преобразования.

Четыре Элемента, четыре Свойства, три Принципа и Духи – больше ничего не хотелось описывать с определенной достоверностью все физические модификации, которые они могли бы напечатать к этому вопросу.

Более того, современная наука распознает три состояния материи, а также псевдо-энергетическое состояние с релятивистской эквивалентностью массы-энергии ($E = mc^2$). С другой стороны, это несколько сложно на уровне принципов, потому что, на самом деле, мы не можем объективно установить эквивалентность между нашими кислотами, нашими основаниями и нашими солями – полученными из комбинаций первых двух – и ртути, серы и Соль старых мастеров, кроме «духов», которые не следует путать с кислотами или основаниями спагиристов.

Некоторые теоретические или гиперхимические авторы не колебались делать умные комбинации между земной водой, огненным воздухом, горячим, холодным или сухим, чтобы развить чисто символическую алхимию. Они даже создали детские сборки геометрических фигур и смешанной астрологии и магии. Эти комбинации иногда называют каббалистическими, какими бы тонкими они ни были, они не вносят ясности в действия Великой Работы, они несовместимы с основными принципами, которые мы находим в большинстве герметических аксиом и афоризмов, и не сопротивляются глубокий анализ.

Полностью изучив древние тексты, мы можем, как и в свое время великий ученый химик Шевроул, сделать вывод, что умозрительная часть алхимии не имеет отношения к практике в печи и не соответствует не то, что мы называли бы сегодня теорией науки. Действительно, не благодаря соединению нашего Меркурия с нашей Серой (оба философских) алхимики получили сульфид ртути, киноварь!

Chevreul² добавляет, что эта практика, вызывая создание философского камня:

«Состоял в том, чтобы дать жизнь неорганической материи, управляя соединением с душой, посредником духа, средней субстанции, участвующей одновременно в материи и душе».

Таким образом, знаменитый химик в нескольких словах мастерски раскрыл природу и цель всей герметической философии. Он прав, говоря, что все теории, разработанные в алхимических писаниях, от античности до французской революции, совершенно не соответствуют практике, к которой они не имеют абсолютно никакого отношения.

Иногда эти теории трогают своей наивностью. Часто так называемые философские концепции заимствованы из платоновских или аристотелевских школ, просто проявляя стиль или служа интеллектуальной гарантией. Это то, что делали арабские авторы до десятого века, и даже некоторые европейские авторы, такие как d'Espagnet³, например.

Алхимики от Средневековья до 19-го века верили в существование «Универсального Духа», своего рода энергетического или магнитного агента, невидимого, привязанного к жизни, обладающего способностью конденсироваться и накапливаться в определенных телах. специально подготовлен для Великой Работы. Это был также тайный огонь, который, возбуждаемый внешним теплом, мог вызвать изменения в структуре вещества, и это придало ему невероятно высокую плотность. По мнению некоторых авторов, этот секретный огонь, обладающий каталитическими свойствами, неизвестными современной науке, будет действовать ощутимо только при определенных условиях и в определенное время года.

В конечном счете, как полагают некоторые из «Изумрудного стола», оперативная алхимия заключалась в идеальной адекватности Высшей Вселенной и Нижнего Мира путем захвата и уплотнения определенной воздушной духовности, духа, чтобы поднять хороший экспресс. -

В субстрате, способном его принимать, сохраняя его недифференцированную природу.

Конденсация этого универсального агента вызывает при соответствующей поддержке все метаморфозы, необходимые для поднятия алхимического зародыша до уровня Философского Камня.

Вся Герметическая Философия находится в этих двух стихах, взятых из Изумрудной Таблицы:

«То, что сверху и похоже на то, что внизу, так же, как то, что внизу, похоже на то, что сверху»,

В неопределенный период операционная практика остается с двумя параллельными процессами, которые должны привести к одному и тому же результату: философскому камню.

Эти два процесса, сухой процесс и влажный процесс, сами включают в себя множество вариантов, подпроцессов, но включают одни и те же основные материалы. Для некоторых авторов существует даже третий способ, называемый «кратким».

Выше мы видели, что для того, чтобы скрыть относительно простой рабочий процесс для тех, у кого есть несколько ключей и правильные принципы, большинство алхимиков передают основные принципы процесса в форме головоломок, например, изменяя порядок операций, названия материалов. Более того, чтобы еще больше затруднить понимание рабочего процесса, сухой маршрут очень часто описывался в разделе *modus operandi* влажного маршрута. Таким образом, злоупотребляющий читатель понимает, что на определенной стадии необходимо использовать жидкий элемент, когда речь идет о «воде, которая не смачивает руки», следовательно, о твердом веществе. Какая путаница!

После некоторых исследований и небольшого здравого смысла мы обнаруживаем, что весь процесс был разделен на три основных фазы, называемые режимами с определенным сходством между ними.

Это побудило самых умных авторов сделать добровольные смеси между тремя режимами и двумя путями, и в частности, Eyrénée Philalèthe⁴ в ее *Introitus*.

В дополнение к алхимии, следует помнить, что еще две химические дисциплины появились из средневековья:

- архимия, химико-металлургическая технология, включающая реакции, вызванные «духами» на сплавах золота или серебра с основными металлами, такими как медь, ртуть или свинец,
- спагырия, дисциплина, в которой превосходил Василий Валентин, которая была позже взята на вооружение и развита Парасельсе. Его главная цель заключалась в том, чтобы сделать средства правовой защиты.

Это было также предлогом для некоторых Адептов смешать ложные манипуляции с их алхимическим трактатом.

Действительно, между алхимией, спагирией и архимией есть некоторые сходства, и, согласно Бернарду Хуссону, эти три дисциплины, несомненно, все апеллируют, хотя и по-разному, к «универсальному агенту».

Рабле назвал Entéléchie этим агентом, очень вежливо добавив: «Иди и посрал, кто еще назначает ее» и не ошибись, это настоящий стержень искусства.

Василий Валентин⁵, говоря о природе Камня в своих Двенадцати Ключах, уверяет, что ни в чем не лежит все, но это он дух или универсальный агент, это также он, этот знаменитый свет природы, которому часто ссылаются на герметиков прошлого. Вы поймете, как легко обмануть читателя с помощью этого типа ссылки.

Это то, что позабавило многих последователей, которые предшествовали нам.

Бернард Хуссон расскажет об этом загадочном агенте:

«В то время как алхимия предусматривала накопление агента на временной основе, но способного вызвать эту конденсацию, спагыристы занимались подготовкой лекарств, иногда включающих этот универсальный агент, с большим или меньшим успехом, в в составах экстрактов растительных или животных веществ, а также в том, что архимисты участвовали в этом агенте, захват которого немедленно сопровождался соответствующей трансмутацией, иногда увеличением массы присутствующего драгоценного металла».

Вот основные черты согласно алхимическим аксиомам.

Чтобы алхимически получить эту конденсацию универсального агента, важно использовать только материалы, подходящие для выполнения Великой Работы.

Теоретически, эти материалы встречаются повсюду, во все времена, но если мы рассмотрим возможности природы, согласно фундаментальной аксиоме алхимии, только руды и металлы могут участвовать в этом великом онтогенезе. Поэтому мы отбросим все, что является животным, растительным и органическим.

Кроме того, мы должны отвергнуть все, что вытекает или израсходовано в огне, а также благородные металлы, потому что последние завершили свой цикл трансформации, и в своем состоянии совершенства они не могут передать какую-либо добродетель. Вульгарная ртуть слишком молода, и конкретного агента, которого мы ищем, нет, природа никогда не вводила его.

Алхимическая традиция также указывает, что человек должен стремиться к совершенству в несовершенных вещах, в базовой материи. В этом ничто из Базилики Валентин, или в этом старом драконе, который заражает все своим ядом, разрушает несовершенные металлы и затем превращает их в нечто большее, чем совершенное лекарство.

В алхимической мифологии Дракон является символом субъекта, обеспечивающего Меркурий, это темная чешуйчатая материя, которую художник должен выбрать в начале работы и над которой он должен сначала работать. Это последнее предложение работы, совершенно безвредное, скрывает большой секрет. По словам Фулканелли, этот дракон будет побежден рыцарем, вооруженным копьем и щитом, чтобы чуть позже стать отцом, или дельфином, или, тем более, единственной рыбой, пойманной в море мудрецов и которую художник должен знать, как приправить. возродить его, как Феникс, из пепла.

Такой способ самовыражения встречается в большинстве классических произведений. Иногда алхимическая работа представлена в форме драмы, которую материал должен пройти. Они ни в коем случае не являются фантазиями, рожденными в мозгах людей с незапамятных времен, как провозглашают некоторые психоаналитики, не обладающие компетенцией критиковать химическую дисциплину, основные правила которой они игнорируют.

Эта драма была поставлена Данте, который использует тонкий каббалистический стиль шифрования, чтобы скрыть секретный процесс. Художник играет роль спасителя, придя, чтобы доставить металлическую душу, заставляя его шаг за шагом подниматься по ступеням искупления путем последовательных сублимаций к состоянию совершенства, которое символизирует Философский камень. Затем секретный процесс позволит восстановить основные металлы или прокаженных, которые ждут воскресения за кулисами, услышат их превращение в золото.

При таком анимистическом подходе мы подвергаемся настоящим мучениям в тигле. Мы должны убить живых и воскресить мертвых, чтобы выполнить этот великий замысел. Позже мы увидим, что за этой аксиомой скрыт еще один великий секрет производства.

В алхимии ни одно предложение не имеет пустого практического значения.

Но, похоже, преувеличению нет предела.

В других случаях камень будет ассимилирован прямо с Христом: «Наш Камень должен быть заключен в контейнер, подобный Христу в гробнице» (Арно де Вильнев), и, к сожалению, это видение заимствовано у католицизма, что некоторые христианские алхимики будут нести в течение нескольких веков столько, что некоторые авторы, похоже, захотят сделать алхимию мощным вспомогательным средством христианского прозелитизма.

Ассоциация алхимического процесса с христианскими мистериями, возможно, изначально была предназначена для поддержки эзотерических исследований в средние века и для избежания любителей искусства

костры инквизиции. Это больше не было делом из Ренна.

Сегодня, к счастью, мы больше не сжигаем волшебников, но вредные привычки приняты, и есть много дел, чтобы вернуть эту дисциплину к тому, чего она никогда бы не остановила: открытая светская дисциплина всем честным ученым. Наконец, чтобы перейти от одной крайности к другой, некоторые авторы ассимилировали алхимическую ртуть с вавилонской проституткой Великой Работы. В алхимии мы безразлично переходим от вульгарного к сакральному или наоборот.

1. (CHEVREUL, Journal des Savants, июнь 1851 г.

2. ШЕВРЕЛЬ, *Journal des Savants*, декабрь 1851 г.
3. D'ESPAGNET Жан, Тайная работа философии Hermès. Paris, EP Denoël, 1972. 1 том.
4. ФИЛАЛЕТ, Эйрине, Открытый вход в закрытый дворец короля. Paris, SGPP Denoël, 1970, 1 vol.
5. Василий Валентин, Двенадцать ключей философии, соч.
6. HUSSON, Bernard, *Viridarium Chemicum*, предупреждение, введение, перевод и комментарии.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ
МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ
ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Алхимическая лексика

- Предмет мудрецов, Предмет искусства: один из видов сырья алхимиков в необработанном виде.
- Магнезия: еще одно название предмета мудрецов.
- Дух магнезии: название герметичного растворителя
- Сырье: природная руда, добытая из шахты
- Первома́терия: предварительно обработанная руда, обогащенная ликвацией.
- Обычная ртуть или простая ртуть или вторая ртуть: регулирует
- Меркурий: женский принцип, первый принцип
- Меркурий Мудрецов или двойная ртуть, философская ртуть: материя, полученная в конце сублимации путем растворения философского золота.
- Наш Меркурий: текущая ртуть (Hg) или гидрагир.
- Меркурий Тройной или Тримегист: ртуть используемая в трех операциях
- Первый Адам: железо, золотой узел, сера, мужской элемент, извлеченный из железного шлака первой работы.
- Ребис, Ремор или Ремора, рыба, Дельфин: Меркурий из сублимаций второго произведения, который должен пройти через последний обжиг.
- Голуби Дианы: ртуть второй работы.
- Сера: мужской принцип, второй принцип.
- Соль: третий принцип.
- Селитра, нитритная соль: одна из солевых добавок.
- Гармоническая соль: двойная соль, смесь селитры и винного камня, не путать с хлоридом аммония.
- Тартар: вторая солевая добавка, часто сохраняется путаница между тартаром и битартратом калия.
- Философский купорос: соль из кальцинаций первой работы.

Некоторые определения, чтобы запомнить.

- Адепт означает алхимика, приступившего к разработке Камня. Сейчас этот термин относится к фанату или энтузиасту.
- Художник или любитель искусства, слова, которые раньше означали алхимика.
- Архимия и спагирия развивали гиперхимии в средние века.
- Атанор: от древнееврейского Танор означает секретную печь алхимиков.
- Caput Mortuum (мертвая голова или Мавр), темный остаток, полученный после операции прокаливания в тигле в сухом процессе или дистилляции во влажном процессе.
- Компост: относится к смеси, готовой к приготовлению.
- Компостела относится к звездному компосту первой работы.
- Слово Философ обозначает ученого или алхимика средневековья (друга науки). Герметическая философия раньше означала алхимию, как и химическая философия.
- Матра - это стеклянная колба, используемая во влажном процессе.
- Воздуховки составляли ареопаг исследователей, которые применяли ложные рецепты без учета алхимических аксиом.
- Реинкрудация - это термин, используемый для обозначения возврата материала в предыдущее состояние. Для Canseliet реинкрудация просто означала тонкое измельчение материала.
- Вытяжной шкаф: застекленная и вентилируемая ниша, в которой химики выполняют операции, способные образовывать токсичные газы.

Глава IV

Философская моча Секреты изготовления

По словам Фулканелли, оба процесса разработки философского камня – сухой и мокрый – начинаются с одинаковых операций.

Прежде чем войти в экспериментальную фазу, необходимо знать:

- 1 – основные материалы,
 - 2 – количество и пропорция использованной продукции,
 - 3 – лабораторное оборудование и необходимые приборы,
 - 4 – характер операций, выполняемых на каждой стадии процесса,
 - 5 – свойства промежуточных продуктов и побочных продуктов,
 - 6 – правила, которым нужно следовать на каждом этапе,
 - 7 – время, необходимое для каждой фазы,
 - 8 – количества и пропорции промежуточных продуктов и побочных продуктов,
 - 9 – все явления, наблюдаемые во время процесса,
 - 10 – средство контроля,
 - 11 – правила использования для проектирования.
- Другие авторы добавили бы:
- 12 – зная подходящий момент для каждой операции.

Предупреждение

Как обычно, чтобы поддержать и закрепить выводы, представленные в следующих главах, я воспроизведу многие выдержки из лучших и самых надежных авторов.

Эти выдержки, сгруппированные под заголовками, уже позволяют первый подход, доступный любому любителю искусства. Я, конечно, мог бы сократить это исследование, перейдя прямо к делу и избегая определенных повторений, но это имело бы последствия, сводя на нет всю достоверность откровений, которые следуют за пределами библиографического контекста.

Чтобы перейти к порядку и методу, я попытаюсь определить основные ингредиенты в сыром виде и подготовительную работу под названием «закуска».

Производительные процессы, строго говоря, будут дальше.

По признанию всех великих Учителей, весь процесс разработки Философского Камня так и не был раскрыт. Аналогичным образом, так называемые предварительные приготовления закуски никогда не были раскрыты до того, как герметик Эжен Канселиет упомянул все эти подробности в своих комментариях к «Двенадцати ключам» Василия Валентина: «*Mutus Liber*», затем, наконец, в «Алхимии, объясненной по его классическим текстам». Если бы он этого не сделал, нет сомнений, что эти секреты будут потеряны навсегда с его исчезновением в прошлом веке.

Главный камень преткновения находится во всех путаницах, поддерживаемых лучшими авторами.

В алхимии все взаимозаменяемо, согласно выражению Бернарда Хуссона. Меркурий одного режима может быть серой другого, Меркурий также может быть ассимилирован с солью, которая здесь становится принципом, а не посредником, необходимым для трех работ. Аналогичным образом, соль будет принята за один из пожаров, зная, что есть другие пожары и т. Д.

Бернард Хуссон несколько раз указывал на сложность разгадывания тайн Великой Работы, демонстрируя, что главные герои произведения меняют свой костюм и имя с одного режима на другой.

Таким образом, комментируя первый ключ от Базилики Валентин (в «Химическом саду»), Бернард Хуссон не преминул указать на эту ловушку:

Вот почему, если для начала операции, вызванной в этом первом ключе, действительно необходимы четыре тела, химически определенные в текущем смысле этого слова, каждое из которых играет роль одного из традиционных космических элементов, то в этом нет необходимости. Не верьте, что каждому однозначно соответствует одна из четырех цифр на доске. Фактически он символизирует две

подобные последовательные операции: суперпозиция или сдвиг (в аналитическом дешифровании), представляющие сущность оперативного секрета всей алхимии. Процесс воздействия, преднамеренно сибиллин, здесь точно такой же, как и в *ITntroitus of Philalethes*. Предупреждение о том, что мы, вероятно, первыми в явной форме обратились к исследователям, которые уже продвинулись в изучении алхимических текстов, относится также к персонажу на костыле, несущему косу и переступающему через очищающую чашку, как Сатурна, так и Вулкана, как для волка, перепрыгивающего через тигель Гессена, окруженный огнем. Не исключая его общеизвестного спагирического значения (когда символ, теряющий множественность, сводится к однозначной аллегории и более не интерпретирует совершенно удовлетворительным образом текст, который выражает его намеренно противоречивым образом), серый волк также здесь зеленый волк, праздник которого около Юмья, до кануна Сен-Жан, отмечался примерно до 1830 года.

Предмет искусства, *prima materia*

Черный дракон философии.

Бруно де Ланзак: «Сущность, в которой дух, который мы ищем, вошел и выгравирован в нем, хотя и с несовершенными чертами и чертами; то же самое говорит английский Риплей в начале своих Двенадцати Дверей; и Агидий де Вадис в своем «Диалоге природы» ясно показывает, как золотыми буквами в этом мире осталась часть этого первого Хаоса, известная всем, но презираемая всеми и продающая публично, тот же автор также говорит, что этот предмет встречается в нескольких местах и в каждом из трех королевств; но если мы посмотрим на возможности природы, то несомненно, что единственной металлической природе должна помочь природа и природа; поэтому только в минеральном царстве, где находится металлическое семя, мы должны искать предмет, соответствующий нашему искусству. »

«Вы должны быть осторожны, чтобы металлическая сущность была не только в действии, но и в силе».

Откровения Адепта, который скрывал свое имя под инициалами BDL, формальны, предмет искусства металлический, ему должен помочь другой предмет того же характера.

Бруно де Ланзак, он предпринял много мер предосторожности, чтобы не разглашать название секретного сырья, поэтому многие меры предосторожности связаны с открытым секретом.

Сырье было прекрасно известно по крайней мере за 3000 лет до нашей эры шумерами, о чем свидетельствуют глиняные таблички, обнаруженные на остатках Ниневи. Действительно, стибнит, иными словами природный сульфид сурьмы, использовался во множестве применений, в металлическом состоянии для изготовления ваз, в природном сульфидном состоянии, для очистки золота или наконец, в виде порошка для макияжа глаз. Естественно, эта руда при умеренной температуре плавления (550 градусов) была очень распространена.

Прежде чем продолжить, чтобы избежать путаницы, необходимо уточнить, что сегодня мы называем сурьму металлом и стибинном – природный сульфид сурьмы, а термин сурьма означает для алхимиков руду или сульфид естественно.

Philalethes: «Я взял часть магматического дракона и две части магнитного тела. Я приготовил их вместе с помощью колесного огня, и к пятой подготовке было сделано около восьми унций настоящего философского мышьяка. »

Philalethes: «Это хаос или дух, потому что наш магматический дракон, хотя и преодолевает все, все же пронизан запахом растительной сатурнии. Благодаря союзу, который сделан из его крови с соком сатурнии, он образует восхитительное тело, которое, однако, не является телом, потому что оно все изменчиво и не так, как дух, потому что похоже на расплавленный металл в огне. Поэтому действительно существует хаос, который касается всех металлов, таких как их мать, потому что я знаю, как извлечь и извлечь из него все вещи, и даже я знаю, как преобразовать им солнце и луну без эликсира. И кто видел это как я, может засвидетельствовать это.

Мы называем этот хаос нашим мышьяком, нашим воздухом, нашей луной, нашим магнитом, нашей сталью, однако по разным соображениям, потому что наша материя проходит через различные состояния [и претерпевает различные изменения], прежде чем королевская диадема извлечена из менструации нашей девушка легкого поведения.»

Philalethes: «чтобы решить эту трудность, внимательно прочитайте: мы должны взять у нашего магматического дракона, который скрывает магическую сталь в своем животе, четыре части; нашего магнита, девять частей. Смешайте их горящим огнем в виде минеральной воды, над которой всплывет пена, которую вы отложите. Оставьте раковину и возьмите яму. Очистите это и очистите это три раза с огнем и солью; и это будет легко сделать, если Сатурн видел и рассматривал свою красоту в зеркале Марса.»

Именно с сурьмы, следовательно, с антимонита, Артефий начинает свое изложение: «Сурьма является частями Сатурна, имеющими во всех отношениях свою природу, поэтому эта сурьма подходит для Солнца, имеющего в себе серебро. – быстро, в котором не погружается ни один металл, кроме золота: то есть на самом деле только солнце погружено в сатурниальную сурьмяную ртуть, без которой ртуть не может побелить ни один металл. Поэтому он отбеливает латунь, то есть золото, и восстанавливает идеальное тело до его изначальной природы ...»

Здесь Сатурн можно спутать со свинцом. Много раз поддерживал двусмысленность!

Сатурн, в алхимическом смысле, является отцом металлов, он также является анаграммой природы, говорит нам Фулканелли, который продолжает в другом месте: «Когда речь идет о грубом предмете Работы, некоторые называют его «Магnezия лунная»; другие, более искренние, называют это «Ведущий мудрецов», овощная сатурния. Филалет, Василий Валентин, космополит, скажем, сын или дитя Сатурна. В этих различных названиях они иногда считают его намагничивающим и привлекательным свойством серы, иногда его легкоплавким качеством, его легким разжижением. Для всех это Святая Земля (Terra Sancta); наконец, этот минерал имеет для небесного иероглифа астрономический знак Овна (Ariès)».

Сурьма также имеет в качестве анаграммы осла Тимона, и это легендарное одеяние Алиборон и Шкура осла. Это также псевдоним вымышленного алхимика Марка Антуана Крейзеллама Кита, автора знаменитой алхимической поэмы «Свет, выходящий из себя из тьмы». Этот псевдоним очень показателен, Марс поставлен для железа (Mars), сурьмы, стибнита для Антуана, Меркурия, Соли и Серы для Crasellame (тела, соли, души).

Сурьма является старшим сыном Сатурна, говорит нам Фламель, ненасытный серый волк Василий Валентин. «Вот почему, если вы хотите действовать нашим телом, возьмите серого и жадного волка, которому, по его имени, подчиняется Воинственный Марс, но, по его рождению, дитя старого Сатурна, брось ему тело царя, чтобы он нашел там свою сущность, и когда он поглотит царя, разожги большой огонь и брось туда волка, так что он полностью потребляет его, чтобы король мог быть снова освобожден. Когда это будет выполнено трижды, лев одолеет волка, и он больше не найдет еды, и наше тело станет идеальным для начала нашей работы». В другом месте адепт уточняет: Сурьма – ублюдок свинец, как висмут или марказит, является ублюдком из олова. Сурьма находится между оловом и свинцом,

Михаэль Майер: «У художников есть сурьма, отличная от сурьмы, хотя они не отвергают правило воинских звезд, которое получают от последнего, но используют его для разных целей. "»

«Мы не могли бы описать наше сокрушенное яйцо более четко, при условии, что мы знаем кого-то из детей Сатурна, а именно, триумфальную сурьму», – пишет анонимный автор.

Жак Толл: «И, наконец, вы, кем бы вы ни были, и кто все еще сомневается в том, что я вам говорю, просто растопите Сурьму и постарайтесь точно увидеть, что происходит; вы увидите все эти вещи там, вы увидите там голубей Филалетов, вы услышите там песню лебедей Василия, и вы увидите там это море философов, которое я объяснил более подробно в моем трактате о случайных и непредвиденных событиях "»

Космополит: «Это камень, а не камень: его сходство называют камнем; во-первых, поскольку вначале добыча камня была действительно каменной, когда его вытаскивали из подземных пещер, это твердое и сухое вещество, которое можно уменьшить в небольшой части и которое можно измельчить, как камень. , Во-вторых, потому что после его разрушения, которое представляет собой только вонючую серу, которую нужно сначала удалить из нее ... И, если говорить более четко, это наш магнит, иначе наша сталь; и в этом смысле Гермес хочет, чтобы его отцом было Солнце, а матью - Луна, и чтобы ветер нес его в животе. Вульгарный воздух порождает или создает видимость этого магнита, и этот магнит порождает или создает видимость Воздуха или Меркурия Философов, сына Солнца, Луны, потому что он оттягивается от лучей Солнца и Луны силой и притягательной силой этого физического магнита или этой магнитной стали, которая находится в любом месте и в любое время; и именно эту щелочную соль Философы называли арманиевой и растительной солью, спрятанной в животе магнезии. Его называют магнезией, потому что благодаря намагничивающей и оккультной добродетели он притягивает к себе сына Солнца в то же самое время, когда он принимает свое нынешнее существование.»

Фламель: «Во-первых, обратите внимание на старшего из первых детей, сына Сатурна, который не является вульгарными 9 частями, на чалибскую саблю бога воина в 4 частях. Сделайте так, чтобы они покраснели в тигле, когда помадная помада разливает 9 Сатурна, о которых я вам говорил, внутри, когда этот вдруг съест другой: чисто очистите фекальный мусор, поступающий на гору Сатурния, с селитрой и татарским Четыре или пять раз это будет хорошо, когда вы увидите на нем астральный знак, который регулирует его в режиме звезды. »

Бретонец: «Истинным ученым известен минерал, спрятанный в их произведениях под разными именами, который в изобилии содержит фиксированное и изменчивое. »

Лимоджон де Сен-Дидье: «Наш камень рождается в результате разрушения двух тел, из этих двух тел одно минеральное, другое металлическое и оба растут в одной и той же почве. »

Согласно этому отрывку из работ М. Гримальди, главы Медицинского университета Шамбери, легко понять важность алхимического минерала, единственного дозатора ртути. «Давайте перейдем к выбору сурьмы и к различным конфессиям, которые ей дали те, кто хотел скрыть ее приготовление и тайны, чтобы она служила разуму их загадок и объяснению их иероглифов. . .

Философы-химики изображают этот минерал с характером, который представляет мир с крестом выше, чтобы показать нам, что, как тайна креста, очищает и спасает душу от всех ее духовных загрязнений, сурьму и ее лекарства хорошо и аккуратно подготовленные, очищают и избавляют организм от всех загрязнений, которые вызывают и поддерживают болезни, которые его поражают. Они называют его несколькими загадочными именами, такими как Волк, потому что он потребляет и поглощает все металлы, кроме золота. Другие назвали это Протей, потому что он принимает все виды форм, и потому что он принимает все цвета посредством огня. Другие называют это корнем металлов, потому что они находятся недалеко от шахт, и потому, что есть те, кто считает, что это корень принцип металлов. Или назовите это Священным Ведом, Ведущим Философов и Ведущим Мудрецов, потому что он имеет какое-то отношение к природе Сатурна, который пожирает своих детей, поскольку он пожирает металлы, и потому, что есть некоторые, кто его принимает для предмета Работы Философов и их квинтэссенции. Глаубер описывает его как первое существо из золота. »

Но великий адепт Фулканелли, похоже, не разделяет этого мнения: «самый образованный из наша традиционная клика, несомненно, была поражена отношениями, существующими между путем, путем, прослеженным иероглифом, который принимает форму числа 4, и минеральной сурьмой, или сурьмой, четко обозначенной под этим топографическим термином. Действительно, природный оксисульфид сурьмы был назван среди греков или Στιρμι; тем не менее, Στιβι, Στιβια - это путь, путь, путь, который исследует если бы мы не знали, что не было ни одной молекулы стибнита в платиофтальмоне греков (сублимированный сульфид ртути), в коле арабов и в кохале или коэле турок. Последние два, на самом деле, были получены путем прокаливании смеси дробеструйной олова и желчных орехов, таков химический состав Коля восточных женщин, который древние

алхимики использовали как сравнительный термин для использования секрет приготовления их сурьмы. " который древние алхимики использовали как термин сравнения, чтобы использовать секретный препарат своей сурьмы. " который древние алхимики использовали как термин сравнения, чтобы использовать секретный препарат своей сурьмы. "

Я специально выделил два предложения из приведенных выше выдержек жирным шрифтом. Действительно, сурьма, когда речь идет о минерале, известном как стибнит, действительно является предметом великой работы, несмотря на утверждение Фулканелли. Но, как другие авторы до меня так хорошо поняли, осудив ловушку, Фулканелли, играя словами, усугубляет путаницу, добровольно выдвигая природный оксисульфид сурьмы и общую сурьму. Действительно, ни то, ни другое не имеет отношения к стибниту, единственному минералу, действительно для Великой Работы.

Следует отметить еще одну ошибку, она наверняка вызовет у меня гнев поклонников великого адепта Фулканелли. Я хочу поговорить о его интерпретации Коля.

Кол по-арабски эффективно обозначает тонкоизмельченный стибнит, который тысячелетиями использовался шумерскими женщинами, затем евреями, а затем египтянами для подбора век и бровей. Это не смесь дробеструйной олова и желчных орехов, как Фулканелли заставил бы нас поверить в надежде размыть следы, намеренно путая кермесит с химической формулой Sb_2S_2O и стибнит, Sb_2S_3 , который на самом деле своего рода Коля. Слово «Коля» происходит от трехбуквенного корня, что по-арабски означает черный, а «Аль-Коля», мужское слово, означает черный. Коля, черная руда, превращенная в неощутимый порошок, который, среди прочего, используют арабские женщины, ясно указывает на истинного субъекта мудрецов и способ превращения его в ультратонкий порошок. Галена тоже разновидность Коля.

Я красивый и черный, говорит об искусстве царь Соломон в Песне Песней.

Это слово «Аль-Коля», взятое из арабского языка, которое в Европе дало слово «алкоголь», а затем «алкоголь», первоначальное значение которого всегда было связано с таинственным материалом, необходимым для изготовления камня. Позже он будет обозначать, но ошибочно, алкоголь, продукт, полученный путем перегонки вина.

Чтобы подтвердить тезис, изложенный выше, вот очень явный отрывок из «Священного свинца» Шартье: «Вы знаете, что сурьма в своем шрифте представляет все цвета других металлов; что из его недр мы рисуем различные красители, чтобы окрашивать драгоценные камни, а также сохранять и украшать глаза, которые являются органами, способными различать различные виды цветов, где халдеи, раввины и арабы, имея Относительно великих достоинств Antimonialles, одним словом, говорит Alcoh1 на их языке, означал Цвет, Глазные капли и Сурьму, чтобы выразить, что сурьма подходит для окраски, то есть, что ее части внутри мы рисуем несколько видов цветов, как для украшения глаз, так и для удаления и остановки потоков, которые могут причинить им неудобства;

воспламенение, или решение непрерывности.

Это слово должно служить указанием на то, что использование сурьмы было так особенно известно великим дамам того времени, что они использовали его, чтобы украсить свои лица и глаза. Пророк Езекия упрекает этих дам в том, что они были приукрашены, чтобы угодить ассирийцам, халдеям и египтянам, объясняет эту истину следующими терминами: он говорит о недержании, вы вымыли и смягчили глаза сурьмой, и взяли ваши украшения чтобы доставить им удовольствие ... Ибо слово в еврейском тексте гласит: это значит, что вы приспособлены и омыли глаза сурьмой. Халдейский парафраз объясняет; Вы позвонили ассирийцам, халдеям и египтянам, послали их искать послов-экспрессов, чтобы оскорбить их Бога и доставить им больше удовольствия, как вы нескромно вымыли, украшенный и головорез сурьмы, откуда халдеи называли его Cohal, и арабский алкоголь, который украшает зрелище, греки сказали Vibi из-за его красителя, который своей чернотой приукрашивал Женские ресницы и брови, даже в Испании у женщин до сих пор есть обычай чернить свои ресницы и брови сурьмой, которую они называют диекцией Пьедра-де-Акуольс, переносимой от арабов в эти места, взятые из корня Кахала, откуда взялся Кахала аль-Хайна, что означает, что он надел

глазные капли, он потер глаза сурьмой, в Священном Писании услышал Иезавель, и нарисовал глаза сурьмой, текстом на иврите говорит: Vattasem baprouch eneha: она сочинила свои глаза сурьмой, или объясняет Халдейский Парафраз; она придала цвет своим глазам сурьмой,

* NB; Какхала аль-Хайна: правильный перевод: «Чернота глаза».

Коль, выпускаемый в форме порошка, до сих пор используется в качестве макияжа сегодня в Северной Африке и на Ближнем Востоке. За исключением Марокко, где галена, то есть природный сульфид свинца, иногда продается Коле за базары Касабланки или Маракеша, что я имел возможность реализовать во время из недавней поездки.

Это не ускользнуло от того, что Фулканелли, продолжая размыть след, предположил, что буква G была инициалом вульгарного имени субъекта мудрецов. На самом деле это только полулеж, потому что G также является инициалом Геи или Гайи, Земли, нашей алхимической Земли. На языке птиц все разрешено, включая попутные пузыри для фонарей. Фулканелли, возможно, подмигивает адресам своих братьев по традиции, масонов, для которых буква G имеет значение инициации.

Для Dom Pernety Алкоголь означает сурьму, и последнее сомнение в оригинальном предмете работы, таким образом, снято. Вышеуказанные выдержки сходятся.

Больше нет никаких сомнений, поэтому стибнит - единственная руда сурьмы, пригодная для этой работы - будет нашим чешуйчатым драконом.

Марта доблестный рыцарь

Дозатор серы.

Сырье известно, есть еще один шаг, чтобы найти его главного героя.

Philalethes: «Когда сталь тянет магнит к себе, магнит поворачивается к стали. Это то, что магнит мудрецов делает в отношении своей стали. Вот почему, уже сказав, что наша сталь - золотой рудник, следует также отметить, что наш магнит - настоящий стальной рудник мудрецов. »

Цилиани: «Не забывайте, что таинственное решение материи или волшебное бракосочетание Венеры с Марсом было совершено в храме, о котором я говорил вам ранее, в прекрасную ночь, в спокойном и безоблачном небе, и солнце находится в знаке Близнецов, а Луна находится в своей первой четверти в полном объеме, используя магнит, который притягивает астральный дух неба, который семь раз выпрямляется до тех пор, пока может кальцинировать золото. »

Василий Валентин: «Добавляя тартар и соль, мы производим регулирование с сурьмой, которая, плавясь, если мы добавляем сталь секретным препаратом, становится звездной, что было передо мной звали звезду мудрецов. Если иногда его расплавляют с помощью сальпестра, он становится желто-жёлтым ... »

Фулканелли, не колеблясь, назвал железо истинным поставщиком серы. Для Фулканелли, мужчина или главный герой, часто кажется замаскированным под маской Марса, Рыцаря или Святого, убивающего Дракона, (Сен-Марсель, Сен-Мишель, Сен-Жорж, Сент-Март). Он - Король или Лев Василия Валентин в битве, символизирующей подготовку первого материала.

Железо - это рыцарь Арес, снова говорит нам Фулканелли. Этимологически, Арес - то, что формирует людей. Именно наш Магнит привлекает нашу Магнетию, астрологическим символом которой является Овен - стибнит или Овен - вот почему он рекомендует различать Арль, Арес или Овен. Магнит - это железо, взятое за любовника, именно он обладает этим сродством к сере (S), содержащейся в стибните, магнетию, которую он будет притягивать, когда магнит притягивает железо.

Железо - это также добыча золота доктором Линто и президентом Espagnet, чье выражение Фулканелли берет на себя в двух своих книгах, где он посвящает многочисленные главы основному металлу и обзорам. различные свойства, которые приписывают ему последователи и спагиристы. Он также упоминает железо, которое исходит из девиза великого финансиста Жака Кера, - «Вайланс заботится о невозможном» - железо, которое является вульгарным названием основного материала, пишет Мастер.

В другом месте, анализируя иероглиф Гриффона, в битве за «рыцаря, вооруженного копьем и щитом, и старого мышьякового дракона», он описывает процесс по аналогии со страстью Христа; «Распи с тремя железными шипами, так что тело умирает, а затем может реанимировать». Позже, комментируя книгу Авраама-еврея, Учитель еще раз подчеркивает оперативные детали: «он, – говорит он, говоря о старом гримуаре, – написан с железной точкой, чья тайная собственность меняет интимную природу». нашей магнезии ».

Все эти замечания о железе очень актуальны. Metallurg хорошо знает свойства железа и его полезность при восстановлении руды сурьмы до получения звезды (compos stellae). Выбор железа в качестве антагониста также подтверждает выбор стибнита, примитивной ртути, которая в тесной связи с железом, единственным дозатором серы, породит Ребис.

Посредник, третий агент, соль

Тайный Огонь, Вода Мудрых и т. Д.

У нас есть старый мышьяковый дракон (stibnite), рыцарь, вооруженный копьем и щитом (железо), мы просто должны найти Посредника.

Соль, двойная, согласно Эжену Канселию, – это не просто зрение ума. Это один из важнейших элементов Великой Работы. Он представлен священником, празднующим союз Короля и Королевы на шестом ключе Василия Валентина. Канселиет показал, что другое символическое изображение часто встречается в облике маленьких ангелов (parvuli). Фулканелли считает соль, когда он вызывает мифический Эрос-Купидон.

Для Фулканелли: «Из этих принципов два считаются простыми: сера и ртуть, потому что они встречаются естественным образом в совокупности металлов; только одна, соль, кажется, состоит частично из фиксированного вещества, частично из летучего вещества. В химии мы знаем, что соли, образованные из кислоты и основания, повышают за счет своего разложения летучесть одного, а также устойчивость другого. Поскольку соль участвует как в ртутном принципе своей холодной и летучей влажностью (воздух), так и в серном принципе своей магматической и фиксированной сухостью (огнем), она, следовательно, служит посредником между серой и ртутными компонентами нашего зародыша. »

Де Понтан: «Поэтому все наше применение и забота должны касаться только истинной практики в первой, второй и третьей работе. Это не огонь бани, навоза или пепла, ни любой другой огонь, который философы поют нам и описывают нам в своих книгах.

Что же это за огонь, который совершенствует и завершает всю работу от начала до конца? Конечно, все философы скрыли это; но для меня, тронутого движением жалости, я хочу объявить это с полным завершением всей работы.

Философский камень уникален и един, но спрятан и окутан множеством разных имен, и, прежде чем вы узнаете его, вы приложите немало усилий; вы вряд ли найдете его в своем собственном гении. Это водный, воздушный, магматический, земной, флегматичный, злой, кровавый и тоска. Она – сера, а также яркое серебро.

В нем есть несколько излишков, которые, уверяю вас, живым Богом, благодаря нашему огню становятся истинной и уникальной Сущностью. И тот, кто отделяет что-то от предмета – считает это необходимым, – конечно, ничего не знает о философии. Для лишних, грязных, грязных, уродливых, грязных и, как правило, всей субстанции субъекта, посредством нашего огня совершенствуется в неподвижное духовное тело. Что Мудрецы никогда не открывали, и что мало кто приходит к этому Искусству; воображая, что что-то грязное и непослушное должно быть отделено.

Теперь мы должны появиться и вытянуть свойства нашего огня; если это соответствует нашему вопросу согласно тому, как я говорил, то есть превращается ли оно в материю. Этот огонь не сжигает материю, он не отделяет ничего от материи, не разделяет и не разделяет чистые части нечистоты, как говорят все философы, но превращает весь предмет в чистоту. Он не сублимирует, как Гебер делает сублимации, и Арно, и все остальные, кто говорил о сублимациях и перегонках. Это сделано и идеально в кратчайшие сроки.

Этот огонь минеральный, ровный и непрерывный, он не испаряется, за исключением того, что он слишком возбужден; он участвует в сере, его берут и

приходят не из материи, а из других источников. Он разрушает, растворяет и замораживает все, а также замораживает и кальцинирует; трудно найти по промышленности и по ст. Этот огонь – сокращение и кратчайший путь всей работы, не беря ничего другого, по крайней мере, немного, и этот же огонь введен и имеет слабое воспламенение; потому что с этим небольшим огнем вся работа совершенна, и вместе сделаны все необходимые и должные сублимации.

Те, кто будет читать Гебера и всех других философов, когда они будут жить сто миллионов лет, не смогут этого понять; ибо этот огонь может быть открыт только посредством одной и глубокой медитации мысли, тогда мы поймем это в книгах, а не иначе. Ошибка в этом искусстве состоит только в том, чтобы овладеть этим огнем, который превращает материю в камень философов.

Поэтому изучите себя в этом огне, потому что, если бы я сам нашел его первым, я бы не стал блуждать двести раз по своему собственному делу. Из-за этого я больше не удивляюсь, если так много людей не могут достичь выполнения работы. "

Канселиет цитирует отрывок из Розария Философов: «Соли и квасцы – не камень, а носитель камня. Тот, кто не попробовал аромат солей, никогда не достигнет желаемой закваски закваски; потому что это волнует определенное, а не превосходство.

Высшее такое, как низшее.

Гореть в воде, мыть в огне.

Готовьте и готовьте, и готовьте снова.

Очень часто растворяются и постоянно коагулируют.

Убить живых и воскресить мертвых.

И это семь раз. И вы действительно получите то, что ищете, если знаете режим огня. Меркурия и огня достаточно для вас.

Николя Фламель: «Сначала оповестите старшего из первого ребенка, сына Сатурна, который не является вульгарными 9 частями, чалибской саблей бога воина 4 части. Сделайте так, чтобы они покраснели в тигле, когда помадная помада разливает 9 Сатурна, о которых я говорил вам, внутри, когда этот вдруг съест другой: чисто очистите фекальный мусор, поступающий на гору Сатурния, с селитрой и татарским Четыре или пять раз это будет хорошо, когда вы увидите на нем астральный знак, который регулирует его в режиме звезды. Таким образом, золото сделано ключом и режущим элементом, который открывает и разрезает весь металл или даже особенно золото, серебро и ртуть, которые все едят, пожирают и держат в своем животе, и здесь все верно, очевидный путь истины, если туз работал как мстремья, потому что эта сатурнальная машина является триумфальной царственной травой для того, что является Серебряным и несовершенным маленьким королем, которого мы продвигаем до степени линьки славы и чести, и даже является королевой, то есть луной и женщиной Солнце. "

Canseliet: «Селитра философов, в соответствии с неоспоримой этиологией ее названия, латинского и согласного, обозначает соль для камня или даже для камня: Sal petræ. "

Канселиет, комментируя отрывок из «Trois livres du Potier» Киприана Пикколпасси, цитирует этот отрывок: «Это правда, что у нас осадок вина собирается больше в ноябре и декабре, чем не в другие времена, до тех пор, пока можно собирать тартар, чтобы в нем было множество каракатиц, я имею в виду тех, где вина оставались в течение длительного времени. Ceste-су побрился изнутри с каким-то неприятным ощущением, он поднимет корку невезения или два пальца, это тартар ...

«Мы добавим совет, конечно, не менее важный, чтобы не использовать выдумку для того, чтобы решение от зубного камня стало легче. Двойной фактор времени и терпения в этом случае играет большую роль ... »

Huginus à Barmâ: «Где мы находим воду мудрецов? 1 Гермес пишет: « Мы получаем воду из грязного и вонючего менструального периода », а Дантин: « Наша вода находится в старых конюшнях, уборных, выгребных ямах; знай, что глупцы не слышат этих слов, они верят, что здесь ртуть; заметьте, однако, что не ртуть, о которой говорят философы, а сухая вода, которая собирает все минеральные духи, душу и тело, заставляет их проникать и которая, собрав их, покидает их, получает отделяется от них и оставляет их в состоянии фиксации. "

Бернард Хуссон: «Воспитатели, благодаря своему тесному союзу с алхимической парой, трансформируют к этому моменту внешний вид и функции его главных героев, которые используют лучшие авторы, для описания провоцируемой ими операции, условий обращения или погашение. Ничто не может объяснить эти внезапные явления лучше, чем внезапное появление на сцене химического театра непредвиденных актеров, под костюмом и новой маской, из которых неопиту придется распознать одного из старых персонажей (или несколько выцветших в одного) , Вот почему, если четыре химически определенных тела в текущем смысле этого слова, каждое из которых играет роль одного из традиционных космических элементов, фактически необходимы для начала операции, упомянутой в этом первом ключе,

Лиможон де Сен-Дидье: «Все, что вы можете разумно ожидать от меня, – это сказать вам, что естественный огонь, о котором говорит этот Философ, – это потенциальный огонь, который не обжигает руки; но это заставляет его эффективность проявляться, если он возбуждается внешним огнем. Поэтому это действительно секретный огонь, который этот Автор называет Вулкан Лунатик в названии своей истории. Артефий описал это больше, чем любой другой философ. Понтан скопировал его и показал, что он блуждал двести раз, потому что он не знал этого огня, прежде чем он прочитал и понял Артефия: этот загадочный огонь естественен, потому что он та же природа, что и философская материя; художник тем не менее готовит оба ... Рассмотрим только с применением, что этот естественный огонь, тем не менее, является искусственным изобретением художника, что он способен кальцинировать, растворять и сублимировать камень философов, и что в мире существует только один вид огня, способный производить такой эффект. Учтите, что этот огонь имеет известковую природу и что он никоим образом не чужд предмету философии. Наконец, рассмотрим, каким образом Гебер учит делать сублимации, необходимые для этого искусства: для меня я могу сделать не больше, чем загадать для нас то же желание, что и другого философа: Sydera Veneris et Corniculatae Dianae tibi propitia funto.

Космополит: «Бери то, что есть, но чего нельзя увидеть, пока художнику не понравится; это вода нашей росы, из которой извлекается селитра философов, которой все растут и питаются. "»

Де Гримальди: «Соглашаясь с тем, что все, что философы говорят о Нитре, возвышенно, является правдой, в то же время следует согласиться с тем, что они слышат о воздушном Нитре, который притягивается солью белее снега, силой лучей Солнца и Луны, магнитом, который притягивает невидимый дух; это магnezия философов. "»

Фулканелли: «Поэтому, если вы хотите завладеть грифффином – нашим астральным камнем – возьмите две части целинной земли, нашего чешуйчатого дракона и одну из огненного серебра, которой является этот доблестный рыцарь, вооруженный копьем и щитом». Арес, более энергичный, чем Овен, должен быть в меньшем количестве. Распылите и добавьте пятнадцатую часть этой чистой, белой, замечательной соли, несколько раз вымытой и кристаллизованной, которую вы обязательно должны знать. Хорошо перемешать; затем, взяв пример из страсти нашего Господа, распни с тремя железными шипами, чтобы тело умерло и затем могло оживить. Это сделано, вытеснить самые грубые отложения из трупа, раздавить и размолоть кости; замесить все на слабом огне с помощью стального прута, затем добавьте в эту смесь половину второй соли от росы, которая в мае месяце оплодотворяет землю, и вы получите более легкое тело, чем предыдущее. Повторите ту же технику три раза, вы доберетесь до шахты нашей ртути, и вы поднимитесь на первую ступеньку лестницы Мудрецов. "»

Василий Валентин: «Все, что превращено в пепел, показывает и проявляет свою соль. Если в процессе растворения вы знаете, как хранить отдельно серу и ртуть, и из этих двух, чтобы передать промышленности то, что необходимо для соли, можно будет сделать то же тело, что и до ее растворения ... В день На последнем суде мир будет судим по огню, а то, что было сделано мастером из ничего, огнем будет снова превращено в пепел, из которого Феникс произведет свою молодость, потому что в этом пепле спрятан настоящий татарин, и после его роспуска можно открыть крепкий замок Королевского дворца.

«Мастер, у которого нет пепла, этот также не может приготовить соль для нашего искусства, потому что без пепла наша работа не может быть разделена на части, потому что соль – единственная, которая управляет ожесточением всех». предмет.

«Как соль сохраняет все вещи и предохраняет их от разложения, так и соль наших мастеров защищает и сохраняет металлы и предотвращает их полное разрушение, сохраняя их бальзам и их дух, потому что в противном случае останется мертвое тело. , из которого больше не могло быть произведено что-то плодотворное, потому что металлические духи оставили бы его, и их бальзам и духовная соль, объединенные природой, погибают, тело будет мертвым. »

Монте-Снайдер: «Тартар улучшает металлы, делает их податливыми, и поэтому он согласен с металлической солью, которая, благодаря тартару, размножается ... Так же, как земля в присутствии воздуха таким образом, также найдена соль по отношению к духу; и, опять же, подобно тому, как воздух является посредником между огнем и землей, так и Руа мудрецов является посредником между телом и душой, истинным узлом того, что соединяет душу с телом; и этот посредник, о котором я говорю, следует сравнивать с каким-то двойным магнетиальным человеком: в великом философском труде он двойен и, более того, благодаря получению своей магматической гермафродитной бодрости, поскольку жизнь состоит в огне который ни от кого, если не только от себя, живет и движется, и так далее.

«Но чтобы получить доступ к предмету и моей цели, знайте поэтому, что минеральный и металлический огонь, сам по себе и для себя, является сырьем, которое находится в добыче Сатурна или в его сосуде, или Универсальный Дом: из этого универсального дома, который является его, он должен время от времени делать отступление из-за поражения воспламеняющегося летающего дракона ... »

Канселиет: «Под воздействием тепла, приложенного с мудростью, благодаря своему тонкому нитру, роса поднимает и облагораживает любую соль и, предпочтительно, те, которые природа сохранила для Великой Работы. В компании этой пары соленых потоков ночная конденсация подвергается действию огня легко и без ущерба;

Canseliet: «Какую белую соль мы должны использовать, предпочтительно, кристаллизованную в снегу, и которая легко смешивается с нашим минералом и нашим металлом, разделенными друг с другом, одна в виде порошка, другая в виде опилки?

«Наша соль или, если хотите, наш фонд, двойная, потому что она физически состоит из двух разных солей. »

Читатель понял, что необходимо использовать две соли, термин «ана», используемый г-ном Канселиетом, означающий в равных пропорциях.

Первая соль, селитра или селитра были извлечены из нильских аллювионов в глубокой древности. В Египте это было самым известным за его оплодотворяющие свойства.

С химической формулой NO₃K, другими словами, нитрат калия, он был получен в средние века, путем чистки старых стен и штукатурки, затем ему дали название селитры для капюшонов. Не путайте селитру с натроном египтян.

Вторая соль, тартар, фактически обозначает тартрат калиевой кислоты или битартрат, натуральный продукт, собираемый во время брожения вина. Термин зубной камень сегодня более широко обозначает определенные солевые отложения, такие как, например, карбонат кальция в водопроводных трубах.

роса

Здесь мы приближаемся к таинственному и магическому царству алхимии. Несомненно, использование этого агента принесло ему астрологическую и мистическую коннотацию, учитывая условия его захвата ночью в день равноденствий восходящей луны.

В отличие от других главных героев Великой Работы, чьи следы можно проследить в течение длительного периода, который восходит к Марии Еврейке, редкие намеки на росу появились только в середине средневековья. История росы, возможно, начинается с романа де ла Роз, написанного Иеганом де Мёнгом. Никто не может утверждать, что такие последователи, как Артефий, Фламель, Тревизан, Арно де Вильнев, Базиль Валентин или Филалет, эффективно внедрили росу.

С другой стороны, это действительно роса, которую Джейкоб Сулат, также называемый Altus, использует в своей Mutus Liber на четвертой пластине, воспроизведенной ниже, а также Cyliani в его Hermès Unveiled, а также анонимный автор. Ученые и Герметические Отдыха.

Таблички Mutus Liber очень красноречивы, несмотря на то, что автор использовал немой классификатор. На четвертой пластине мы увидим присутствие барана и быка, символизирующих два весенних месяца, космическое сияние в веере, придающее операции свой мистический характер, и треугольное расположение листов, натянутых на кольях, осторожно подчеркивая определенная аналогия с тайным огнем.

Космополит указывает: «Бери то, что есть, но чего нельзя увидеть, пока художнику не понравится; это вода нашей росы, из которой извлекается селитра философов, которой все растут и питаются. »

Это также роса, которую Лимоджон де Сен-Дидье использует в своем комментарии к «Старой рыцарской войне», и что нимфа Циляни объявляет себя основным проводником.

Лимоджон де Сен-Дидье: «Поскольку мудрец берет на себя обязательство сделать что-то с помощью нашего искусства, которое превосходит обычные силы природы, такие как размягчение камня, и заставить расти металлический зародыш, он абсолютно обязан «войти глубокой медитацией в самый секретный внутренний мир природы и использовать простые, но эффективные средства, которые она предоставляет; Теперь вы не должны игнорировать эту природу с начала весны, чтобы обновить себя и поместить все семена, которые находятся в сердце земли, в движение, характерное для растительности, пронизывающее весь воздух, который окружает земля с подвижным и ферментирующим духом, происходящим от отца природы; по правде говоря, это тонкая селитра, которая делает плодородие земли, душой которой она является, и которую космополит называет солью и тестом философов. »

Далее, приравнивая росу к тайному огню: «Все, что вы можете разумно ожидать от меня, это сказать вам, что естественный огонь, о котором говорит этот философ, - это потенциальный огонь, который не обжигает руки; но это заставляя его эффективность проявляться, если он возбуждается внешним огнем. Поэтому это действительно секретный огонь, который этот Автор называет Вулкан Лунатик в названии своей истории. »

Обратите внимание на сумасшедшего персонажа, приписываемого Вулкану.

Автор книги Récréations Hermétiques, рукописи, обнаруженной ученым-герметиком Бернардом Хуссоном, является первым, кто осветил поляризационную силу луны в научных терминах: «Сегодня все знают, что свет, который посылает нам луна, это только заимствование у Солнца, с которым приходит свет других звезд. Поэтому луна - это общий сосуд или очаг, о котором все философы слышали; это источник их живой воды. Поэтому, если вы хотите уменьшить солнечные лучи до воды, выберите момент, когда луна передает их в изобилии, то есть когда он приближается к своему полному; таким образом, вы получите изверженную воду лучей солнца и луны в ее величайшей силе. »

Выводы

Мы только что рассмотрели наиболее важные моменты этого искусства, касающиеся как сырья, так и его свойств.

Благодаря нашим новаторским ученым, Канселиету, Хуссону и Аторене, было не очень трудно раскрыть эти секреты, столь желанные за последние два тысячелетия.

Поэтому у нас есть не только точное и конкретное представление о секретных материалах, используемых последователями, но и обзор используемых методов.

Философский камень в 5 баллов

Процесс состоит в создании драгоценного камня с экстраординарными физико-химическими свойствами, неизвестного современной физике, Философского камня.

Этот драгоценный камень, который появляется в форме разбитого стекла, тяготеющего к темно-красному гранату, обладает необъяснимо высокой плотностью, в двадцать-тридцать раз превышающей плотность воды. Предохранитель при низкой

температуре очень хорошо растворяется в воде или спирте, когда не ориентирован на трансмутацию, и становится в этом состоянии знаменитым эликсиром молодости (употребляется с большой умеренностью).

В своем недифференцированном состоянии он может бесконечно увеличиваться как по качеству, так и по количеству. Для этого достаточно возобновить процесс из режима Орлов или сублимаций, с новой порцией Философа Меркурия, и повторить великий союз. Каждый этап увеличения и умножения потребует лишь доли времени предыдущего, примерно восьмой, по словам Фулканелли, и половину, по мнению других авторов. Камень также увидит, что его мощь увеличивается в десять раз с каждым умножением, а его плавкость заметно возрастает до тех пор, пока точка не станет жидкой, а затем газообразной, если она превысит предельное количество повторений. В этом состоянии он излучает сильный свет и становится очень таинственным вечным светильником.

Чтобы сориентировать Камень в направлении металлического превращения, достаточно будет ферментировать Камень в четыре-десять раз больше его веса золота в тигле на открытом огне в течение нескольких часов. В этом состоянии это не повлияет на два других королевства.

В зависимости от степени умножения, его сила тока может варьироваться от нескольких сотен до нескольких тысяч раз, связанных с массой металла. Тинкториальная сила Камня зависит от природы металла, используемого во время проекции. Сообщалось о трансмутативных силах 1: 20000.

Наконец, во время большинства трансмутаций, о которых сообщил и прокомментировал Бернард Хуссон в «Алхимике трансмутации», были отмечены необъяснимые нарушения принципа сохранения массы, придающие философскому камню удивительные свойства, такие как увеличение массы металла, а также способность синтезированного золота к дальнейшей трансмутации основного металла путем расщепления и слияния.

Короче говоря, сухой процесс, подробно описанный ниже, можно обобщить следующим образом:

В самом начале алхимик должен избрать канонические материалы, раскрытые выше, честно говоря, и заставить их пройти самые первые приготовления, которые являются обязанностью химии-физики или металлургии.

Из предшествующего следует понимать, что для всех четырех тел необходимы две соли, минерал и металл.

Аксиома объясняет, что Работа не допускает и не получает того, что приходит извне. Это означает, что после начала процесса к Камню не следует добавлять ничего постороннего.

Предварительные осмотры проведены:

1 - Первая операция заключается в получении Астрального Камня или Гриффона. Эта операция также называется разделением, поскольку необходимо нанести резкий удар по тиглю, охлажденному после испытания на огнестойкость, чтобы отделить регуляторную часть (очищенный металл), чтобы отделить ее от шлака. По словам Фламель и Фулканелли, это также паломничество в Компостелу, которое Художник выполняет метафорически, чтобы получить помеченный компост.

2 - Вторая операция, которую алхимики часто называют первой, потому что самая важная и самая секретная, приводит к выработке ртути мудрецов в конце длинной серии манипуляций, называемых философскими сублимациями, и которая «Это не следует путать с современной химической операцией. Начиная с материалов, полученных в первой работе, алхимик выполняет жидко-твердое извлечение, чтобы получить субстрат, символически называемый Реморой, Королем, бобом, Ребисом и т. Д., Который он восстанавливает, снимая поверхность компоста. переохлаждается. Эту операцию также называют орлами, по аналогии с хищником, который удаляет свою добычу, то есть летучим, который удаляет неподвижную. Причина нашего прикрытие иллюстрирует эту операцию, считающуюся наиболее важной в магистратуре: Кадуцей Гермеса - крылатый шлем, преодолевающий скипетр, вокруг которого обвиваются две змеи, - связан с морским якорем. Композиция граничит с двумя рогами изобилия, что свидетельствует о важности конечного результата. Два копыта, скрещенные для

того, чтобы настаивать на необходимости работать в тигле сухого пути, украшены раковиной морского гребешка, обычное изображение ртути философа, важная аксиома относится к этой операции: «Если вы знаете, как растворить фиксированное и исправить летучее, у вас есть что утешить вас».

Растворение фиксированного и свертывание летучего – наша целая философия, повторяйте Фулканелли и великих Учителей по желанию.

Пояснение: летучее вещество, которое упоминается в сухом процессе, не является материалом, который можно перегонять, это твердое тело при комнатной температуре и разжижаемое в тигле.

Необходимо любой ценой избегать сложных путей, подобных тем, которые описаны, например, в Интернете ложными алхимиками, которые чувствуют себя возвышенными до уровня величайших мастеров, даже не перешагнув стадию обучения или стадии здорового посвящения.

3 – Третья операция, также называемая Коакцией, состоит в том, чтобы подвергнуть окончательное магматическое превращение материи. Фулканелли, как правило, более многословный, был чрезвычайно сдержан на этом этапе, и трудно понять его рассеянное учение, которое он дает ему в своей трилогии. Эта операция позволяет получить серу, последнюю стадию превращения, которая потребует лишь градации для увеличения ее мощности. Coction требует больше навыков, чем все остальные фазы. Необходимо взять «Ремору» второй работы, не вынимая ее из среды, в которой она, то есть, бежала в ее соли, а затем подвергать ее окончательному приготовлению в тигле на открытом огне в течение 4–6 дней. Время истекло, тигель раскололся и обнаружил алый карбункул в красном, покрытом волдырями и непрозрачном корпусе,

4 – Четвертая алхимическая операция называется умножением. Он состоит в увеличении веса и окрашивающей способности камня. Согласно древним последователям, свойства Камня постепенно улучшаются с каждым умножением в десять раз, в то время как время, необходимое для каждого нового выпитывания, уменьшается на одну восьмую от предыдущего времени. Наконец, на определенной стадии размножения камень больше не может затвердевать, он становится жидким и очень флуоресцентным, тогда необходимо приостановить операции, иначе он будет потерян при переходе в газообразное состояние.

5 – Последняя операция называется брожением и состоит в ориентации Камня в сторону трансмутации. Когда умножение веса и мощности завершено, камень просто плавится в три или четыре раза больше его веса в золоте. Ориентированный на проекцию, Камень не влияет на другие королевства. Неферментированный, он может быть увеличен в весе и может быть использован в качестве лекарства в определенных условиях. Алхимики имеют обыкновение резервировать часть Камня перед брожением, чтобы использовать его в лечебных целях.

Прежде чем подойти по меню и в правильном порядке к алхимическим методам, которые, насколько мне известно, никогда не применялись до настоящего времени, я просто хотел бы выразить свое мнение о фундаментальном моменте в процессе Великой Работы: росы.

По словам Эжена Канселие, благодаря своей тонкой селитре роса облагораживает любую соль и особенно те, которые предназначены для Великой Работы. Растворяя бинарную соль в росе и затем перегоняя полученную смесь, мы собирали субстрат, обогащенный небесным нитром, «возвышенным» и наделенный новыми свойствами, необходимыми для обработки камня.

Я не разделяю этого мнения, что роса, по-видимому, отсутствует в процессах, осуществляемых многими последователями, хотя Канселиет, как и другие современные авторы, утверждает, что без росы невозможно собрать соль с зеленой окраской. во время первых прокаливаний. Ну нет, вполне возможно получить зеленую окраску при определенных условиях с первой работы, не требуя использования соли, обработанной росой.

Поэтому остается определить необходимость этих длинных последовательностей болезненных операций, которые включают росу и которые серьезно осложняют алхимический процесс.

Чтобы разрубить этот гордиев узел, мы могли бы, например, выполнить две серии фронтальных манипуляций, одну с другой, а не с обработанной росой солью,

все остальные условия строго идентичны, будет относительно просто править этой доктриной.

Тарелка 4 от Mutus Liber - Урожай росы.

Глава V

Плита 12 от Mutus Liber - Воздвижение росы.

Запатентованное искусство.

Сухой алхимический процесс

Инициированный алхимик обладает необходимыми материалами и знает их свойства:

- черная девственница, мифический дракон, наш стибнит, в его сыром состоянии, единственный распределитель ртути, или, может быть, наша галена?

- Марс, доблестный рыцарь, железные опилки, наша сера,

- Битартрат калия, наш тартар,

- селитра,

Теперь ему нужно:

- оборудовать лабораторию,

- сделать хороший запас росы,

- установить протокол в комплекте с процедурами, которые необходимо реализовать, условиями эксплуатации, количеством и / или пропорциями реагентов, продолжительностью операций,

- определить промежуточные стадии, характеристики побочных продуктов,

- оценить потенциальную опасность на каждом этапе (взрыв, отравление).

Прежде чем приступить к процессу сгущения, необходимо пройти предварительные экзамены. Эти препараты никогда не упоминаются авторами, они все предполагают, что ученик алхимик имеет необходимые элементы.

1 - Подготовка руды ликвация

В своем резюме Фламель является первым, кто ясно указывает на этот процесс обогащения закусок, а именно на ликвацию, без исключения символического обозначения предмета искусства:

"... Меркурий делает это

Философы &. идеально;

Но никогда не могу,

Так что они лгут,

Кто первый материал

Камень, &. настоящий майнинг:

Но они никогда не преуспеют,

Ни хорошего там не найдешь,

Если они не идут по горе

Из семи, где нет равнины,

И выше будет смотреться

Исправь их издали, он увидит;

И выше самого высокого

Монтень, обязательно узнаю

Триумфальная королевская трава

Которые называли минералом,

называется сатурниальным,

Но оставь там землю,

И вешай сок из него

Чисто и чисто: де Сеси советует тебе,

Чтобы лучше слышать таким образом;

Благодаря ей ты можешь преуспеть

Большая часть вашего бизнеса.

Это очень хороший Меркурий

Очень тонкие философы.

Великий парижский адепт раскрывает название избранной материи, которая является сатурной. Это наименование триумфальной и царской травы взято из рукописи, приписываемой Марии Пророчице, классификатору Сатанинского бытия, заимствованной у Артефия. Он наш стибнит. Адепт рекомендует брать чистый и чистый сок, который добывается из минерала Сатурния, и выходить из маркета (гангу), при этом у нас будет действительно хороший и тонкий Меркурий.

Стибнит в чистом виде плавится при 550°C , а его плотность составляет $4,65\text{ кг / дм}^3$. В целом, коммерческие руды имеют содержание от 40 до 70%, и, согласно Аторену, минимально приемлемый уровень соответствует примерно 30% или плотности 3 кг / дм^3 для самой бедной руды.

Чтобы избавить руду от его породы, его расплавляют эмалированной лампой в тигле, дно которого проделано с отверстием диаметром 10 мм. Стибнит течет со дна, в то время как порода плавает на расплавленном сульфиде. Для этого Аторен использует вульгарный терракотовый цветочный горшок.

шлифовка

Чтобы получить максимальную реакционную способность руды, ее необходимо уменьшить до нематериального порошка. Это можно сделать в чугунной ступке. Чтобы избежать распространения пыли, вы можете действовать во влажной среде, добавляя воду в небольших количествах.

Полученную кашу оставляют для декантации на два-три часа, а воду рециркулируют. Мы выполним эту операцию перед сушкой мелкого порошка в печи при умеренной температуре.

Assation

Эта операция, выполненная Фулканелли и Э. Канселиетом непосредственно перед сушкой тонкоизмельченной руды во влажной фазе, состоит в том, чтобы подвергнуть полученную суспензию, даже разбавленную, смешанную с песком, слабому нагреву, модулируя нагрев в соответствии с лунная активность. Песок будет позже удален путем просеивания.

Ассация - это спагрирический метод, который применяется к растениям или органическим продуктам, распространение его на минералы кажется очень эмпирическим, мы можем обойтись без этой операции.

2 - Приготовление зубного камня

Кислый тартрат калия или битартрат калия - это натуральный продукт, который собирается в дубовых бочках или в цементных чанах, в которых содержится вино.

Формула $\text{C}_4\text{H}_5\text{K}_2\text{O}_6$ содержит много органических примесей, которые следует удалить. Это происходит путем горячего растворения в дистиллированной или отфильтрованной дождевой воде и последовательной кристаллизации.

Чистый зубной камень растворим со скоростью 110 г / л воды при 100°C , и он мало растворим в холодных условиях (около 10 г / л при 20°C).

Собирая каждую кристаллизованную фракцию, которая подвергается воздействию нового раствора в чистой воде, собирая осадок в охлажденном растворе и, таким образом, повторяя операцию несколько раз, мы, наконец, получаем соль, достаточно чистую для наших операций. Поскольку доходность плачевна, необходимо обеспечить как минимум в три раза больше материала, чем количество, необходимое в финале.

Некоторые авторы рекомендуют очистку путем прокаливания с помощью открытого огня с тиглем. Если эта операция эффективно устраняет осадок, существует риск разложения, потому что из 300°C мы наконец получаем карбонат калия формулы CO_3K или даже, при определенных условиях, цианид калия.

Сразу возникает вопрос.

Можно ли использовать битартрат или карбонат калия взаимозаменяемо для операций Великой Работы?

Точно сказать не могу. Просто знайте, что углерод и водород, оба в сочетании с битартратом, улучшают удаление горючих частей, содержащихся в минерале. Молекулярные массы двух солей различны, и кажется логичным, что используемые пропорции также.

Но действительно ли это имеет значение? Я думаю так.

С другой стороны, желание получать карбонат калия из битартрата – это чистая трата. Действительно, мы можем легче извлечь карбонат из пепла большинства растительных эссенций, и это то, что показывает Базилик Валентин в этих «Двенадцати ключах».

3 – Сбор росы

Редкие авторы подошли к этому вопросу, кроме Арманда Барбо, который поставил себя в строго спагрическую плоскость.

Аноним, выдержка из «Герметических рекреаций»: «Так что будьте уверены, что без магматической воды, состоящей из чистого света Солнца и Луны, вы не сможете преодолеть многочисленные препятствия, которые будут еще больше размножаться в ваших глазах, когда вы попытаетесь отрывок из этого знаменитого Детройта, который ведет к морю мудрецов, к этой воде, которую некоторые по праву называют универсальным духом и которую англичанин Дикинсон в достаточной степени сделал известной, настолько велик и добродетелен, что все тела которые затронуты этим, легко возвращаются в свое первое существо.

Я уже дал понять, что это не дождевая вода или роса, которая подходит для этой операции, я добавлю здесь, что это не вода грибов, обычно называемых *Flos Coeli* или *Fleur du Ciel*, которые мы принимаем очень неправильно для ностихов древних, но замечательная вода, получаемая искусством от лучей солнца и луны. Я бы также сказал, что соли и другие магниты, которые мы используем для удаления влаги из воздуха, в этом случае бесполезны, и что здесь есть только один огонь Природы, который мы можем использовать здесь. служить с пользой. Этот огонь, заключенный в центре всех тел, нуждается в определенном движении, чтобы приобрести это привлекательное и универсальное свойство, которое вам так необходимо, и в мире есть только одно тело, где оно находится с этим состоянием. , но это настолько распространено, что встречается везде, куда может пойти человек; вот почему я не думаю, что вам будет трудно встретиться с ним. "

Анонимный автор только что написал, что мы не должны использовать росу или дождевую воду, но затем говорит, что мы должны собирать астральных духов под полной луной. Это типичный процесс разоблачения, смущающий читателя. Как будто автор, сожалея о позорной лжи, затем хочет исправить свое изложение, подразумевая, что астральный дух больше не роса.

«Я сказал, что свет является общим источником не только Элементов, но и всего, что существует, и что именно с ним, как и с его принципом, должно быть связано все. Солнце и неподвижные Звезды, которые посылают его нам с таким изобилием, подобны его генераторам; но Промежуточная Луна, впитывая в себя влажность, передает ей порождающую добродетель, посредством которой все возрождается здесь, внизу.

Сегодня все знают, что свет, который посылает нам луна, – это только заимствование от Солнца, с которым приходит свет других звезд. Поэтому Луна является общим сосудом или очагом, о котором слышали все философы: это источник их живой воды. Поэтому, если вы хотите уменьшить солнечные лучи до воды, выберите момент, когда Луна передает их в изобилии, то есть, когда он полон или когда он приближается к полному: вы будете иметь к этому означает магматическую воду лучей Солнца и Луны в ее величайшей силе. Но есть еще некоторые необходимые условия для наполнения, без которых вы бы делали только чистую и бесполезную воду.

Настало время собрать этот астральный дух. Это та, где Природа возрождается; потому что в то время атмосфера была полна вселенского духа. Деревья и Растения, которые снова зеленеют, и Животные, которые отдают себя насущной потребности поколения, заставляют нас особенно осознавать его благотворное влияние. Поэтому весна и осень – времена года, которые вы должны выбрать для этой работы; но особенно весна предпочтительнее. Лето из-за чрезмерной жары, которая расширяет и изгоняет этот дух, а зима из-за холода, который удерживает его и препятствует его выдоху, – это суровое блюдо. На юге Франции работы могут быть начаты в марте и возобновлены в сентябре; но в Париже и остальной части королевства,

Эту точку практики полностью рассматривают Эжен Канселиет (Mutus Liber, Алхимия объяснила в своих классических текстах) и Atorene (Алхимическая лаборатория).

Мы видели это выше, на четвертой пластине Mutus Liber, затем подтвержденной анонимным автором Récréations, сбор росы должен производиться весной, в спокойную и открытую погоду, когда Луна находится в восходящей фазе. от первого района до его полного.

Конечно, урожай должен начинаться на закате и заканчиваться утром. Необходимо проявлять осторожность при работе только на необрабатываемых полях, опасаясь переноса удобрений или пестицидов, ходя чистым листом, предварительно промытым дождевой водой, на поля люцерны или эспарцета в как Canseliet.

Как только ткань насыщается, драгоценная жидкость извлекается путем отжима ее над тазом.

Выход варьируется от одного литра на 150 м² до одного литра на 18 м². Таким образом, мы можем восстановить в среднем от 5 до 6 литров росы в час.

После сбора урожая необходимо отфильтровать и хранить жидкость в непрозрачных вазах, защищенных от солнечного света. Позаботьтесь о том, чтобы спиртное соприкасалось с любыми металлическими предметами и используйте только деревянные, стеклянные или фарфоровые принадлежности. Пластиковые материалы также могут быть подходящими.

Как показано на плитах 9 и 12 Mutus Liber, необходимо обогащать росу космическим наплывом, всегда ночью, конечно, в спокойную и безмятежную погоду, под чистым небом.

Таким образом, «возвышенная» роса может быть легче очищена путем откачки надосадочной жидкости или декантации – операции, необходимой для удаления случайно собранных веточек и земляных частиц.

Будет собрано около двадцати литров, а для хранения можно использовать имеющиеся в продаже непрозрачные пластиковые емкости, тщательно промыть и промыть дождевой или дистиллированной водой.

4 - Приготовление солей

Согласно Eugène Canseliet, роса радикально трансформирует соли, делая их «философскими», что затем приводит к появлению зеленой эмали во время подготовки регуляций.

Собранная роса содержит соль, которая должна кристаллизоваться одновременно с подачей зубной соли.

Вы сможете приобрести необходимое оборудование для этой влажной части в качестве закуски у специалистов по лабораторному оборудованию и промышленной посуде для химии.

Вот режим работы, представленный пятой и шестой пластинами Mutus Liber, на страницах 101 и 106 соответственно. Следует отметить, что эти операции должны повторяться столько раз, сколько необходимо для получения адекватного количества соли, которое в конечном итоге не может быть менее 1 кг.

В стеклянной реторте, предпочтительно пять литров и две трети, полной росы, нагревают на слабом огне до 90 ° C и заливают около 300 г зубного камня и столько же селитры, постепенно перемешивая с стеклянным шпателем до полного растворения.

Растворимость солей в воде сильно варьируется в зависимости от присутствия других солей. В химии мы говорим о взаимной растворимости, и довольно сложно установить эти кривые растворимости как функцию температуры с точностью. В настоящем случае, поскольку солевой винт является более растворимым из двух солей, это приведет к снижению растворимости зубного камня, даже когда он горячий. Это следует учитывать при переходе на экспериментальную стадию.

Мы покроем реторту ее палатки устройством, содержащим охлаждаемую катушку, действующую в качестве конденсатора, затем мы будем нагревать нагревание умеренно до кипения. Медленная дистилляция будет продолжаться до тех пор, пока не пройдет четыре пятых дистиллятов.

Если вы поместили термометр, погруженный в реторту, он будет отмечать температуру чуть выше 110 ° C в точке кипения при постоянном атмосферном

давлении 1020 мбар, которая будет заметно увеличиваться до конца операции. Англичане называют это известное явление повышением температуры кипения, BPR, во французском повышении температуры. BPR специфичен для соли или определенной смеси солей, и он слегка изменяется в зависимости от температуры кипения (следовательно, давления).

Деликатная строма, собранная из реторты, будет отложена в непрозрачный контейнер и герметично закрыта. Он будет медленно перевариваться в трех или четырех флаконах в течение сорока дней. Подробно, я не считаю эту длительную фазу переваривания необходимой, потому что я игнорирую ее вклад в этот процесс приготовления соли. Я думаю, что автор хотел провести нас через один из этапов ферментации мокрого процесса.

Очевидно, есть много практических моментов, которые открыты для оспаривания. В этой дисциплине вы не должны принимать все за чистую монету, особенно когда вы можете приводить логические или экспериментальные аргументы.

В конце этого переваривания, если вы хотите выполнить его, собранная жидкость будет снова перегоняться, как и прежде, во фракциях на четыре пятых.

Полученная новая строма должна быть затем смешана со стромой, полученной в результате первой дистилляции.

Заключительная операция состоит в выпаривании избытка воды из стромы на слабом огне. После охлаждения мы соберем нашу кристаллизованную соль в манере жены, как мы видим на седьмой тарелке Mutus Liber. Его августовский жест представляет собой метод приготовления настоящего «тартар-крема».

Женщина держит колбу, на которой мы замечаем четыре звезды, представляющие «гармоническую» соль философов, и мы наконец понимаем, почему ее не следует путать с вульгарным хлоридом аммония в торговле. По словам последователей, гармоническая соль или соль аммона, которую символизирует баран, достигает гармонии между небом и землей.

Наконец, важная деталь, которая редко упоминается при подготовке к закускам; Обогащенная соль должна быть высушена на медленном огне в фарфоровом тигле, влажная, она будет препятствовать проглатыванию.

Дистилляции, описанные пятой и шестой тарелками Mutus Liber, просто тронутый Cyliani, в Hermès Unveiled, который выставляет их в традиционной форме сна, путешествие из теплого региона в холодную страну. Эти дистилляции полностью игнорируются анонимным автором Récréations Hermétiques.

Полезный совет, храните соли в хорошо закрытых и непрозрачных контейнерах, в сухом месте и защищайте от света.

Вопрос: Canseliet обманул своих читателей, порекомендовав, чтобы они использовали две соли вместе?

Первая работа

Именно с первой работы работа алхимика действительно начинается.

На этом уровне, а если не выходить за рамки сухого процесса, процесс полностью металлургический, и необходимое оборудование сводится к печи, нескольким тиглям, варочной панели и клещами, пирометру.

Учитывая используемые продукты, потребуется наибольшая осторожность.

Несколько советов для начинающих:

- все операции должны выполняться под вытяжным шкафом, защищенным защитным стеклом или панелью из плексигласа, это уменьшит ущерб в случае взрыва,
- вытяжной шкаф будет соответствующим образом вентилироваться вытяжкой, соединенной с воздуховодом, ведущим к крыше. Подойдет электрический вентилятор со скоростью около 100 м³ / ч, что соответствует стандартному диаметру трубы из ПВХ 100 мм.

Важная деталь: всегда оставляйте окно приоткрытым, чтобы обеспечить прохождение воздуха и избегать удержания под вытяжным шкафом.

- athanor: можно с выгодой сослаться на драгоценные признаки Atorene, искусствоведа, если кто-то хочет создать свой собственный Athanor. Многие производители печей имеются в продаже, и, как стандарт, существуют газовые

печи различной мощности, снабженные регулятором и пирометрическим зондом. Вы также можете сделать электрическую духовку самостоятельно, пока сопротивление идет вперед и назад, чтобы устранить создание электромагнитных полей. Преимущество электрической духовки состоит в том, что она может быть оснащена точным термостатом и, между прочим, цифровым программатором. Температуры, которые должны быть достигнуты, относительно скромны, они достигают пика при 550–600 ° С. Важным моментом является надежность, печь должна работать непрерывно в течение нескольких недель подряд,

- тигли: тип, размер зависят от характера и вместимости печи, а также от химических свойств реагентов. Сегодня мы можем найти различные типы тиглей, с покрытием или без, в фарфоре, алунде, глиноземе, никеле, цирконии, графите, карбиде кремния и т. Д. Наиболее распространены тигли из алунда и глинозема, они имеют цилиндрическую или коническую форму, от небольших высот до больших высот.

Для нашей работы мы используем тигли конической формы большой высоты, с крышкой, для первой работы и большого уплотнения, и всегда конической формы, но средней высоты для второй работы.

Удобный

Теперь у нас есть все ингредиенты, необходимые для этого искусства, а также оборудование, необходимое для ведения нашего бизнеса.

- Наш Коля, Арес, Стибнит или Галена, мелко распыленный, 2 части,
- Овен, простые железные опилки, более энергичные, чем Арес, 1 часть,
- Огненный Медиатор, очень сухой, двойная соль, 1/15 всего.

Процесс, описанный Фламельем в мало завуалированных терминах, с тех пор был освоен величайшими мастерами с более или менее оперативными деталями.

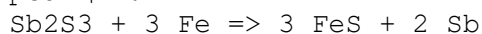
Мы также найдем описания этого процесса с такими авторами, как Базиль Валентин, Космополит, Филалетес, Монте-Снайдерс, Анри де Линто, Николая Валлуа, Цилиани и Фулканелли. Несмотря на это, пропорции ингредиентов варьируются в относительно широком диапазоне – что вполне понятно – от 9 частей стибина на 4 железа, до 8 частей на 4 или в соотношении 2,5 к 2 для 1. Эти вариации они могут происходить из-за различий в чистоте от одной руды к другой или от определенных методов очистки.

Относительно этой первой реакции, которая относится к области химии, химик сказал бы, что для установления идеальных пропорций необходимо учитывать чистоту двух реагентов и правильно дозировать избыток железа. Действительно, избыток той или иной составляющей может оказать фундаментальное влияние на конечный результат. Недостаток железа оставит следы серы в регуляторе, но слишком большой избыток приведет к получению слитка сурьмы, легированного железом, что может оказаться проблематичным в некоторых случаях, за исключением, возможно, в алхимии. Поскольку сурьма использовалась в промышленности и до начала прошлого столетия, в коммерческих сделках в качестве абсолютного показателя чистоты регуляторов рассматривалось – звездообразная усадка слитка –

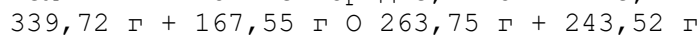
Но, вопреки распространенному мнению, звезда, в конечном счете, является характеристикой регулятора, слегка загрязненного железом.

Давайте вернемся к элементарной химии.

В классической формулировке для чистых тел вот стехиометрическая реакция:

Принимая во внимание атомные массы каждого элемента, стехиометрические величины в том же порядке, что и выше, являются следующими:

Исходя из химически чистых тел, поэтому можно рассчитать идеальное соотношение Стибин / Железо, отметьте, что пропорции Галена / Железо очень похожи:

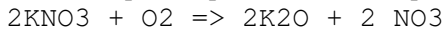
$$339,72 / 167,55 = 2,0276: 1$$

Наш минерал не может быть использован в сыром виде, его нужно подвергнуть первому обогащению, ликвации, что позволяет получить примерно 90% чистоты.

Правильное соотношение с учетом реальной чистоты ранее обогащенной руды становится:

$$339,72 / (0,90 \times 167,55) = 2,253: 1$$

Для нитрата разложение происходит следующим образом:

или

Предполагая, что мы хотим использовать 2 кг сульфида на уровне около 90% стибина после ликвации, теоретические расчеты дают нам:

С начала :

Стибин (Sb_2S_3) с чистотой 90% 2000,0 г

Железо - соотношение 2253: 1887,7 г

Двойная соль, 1-я очистка, 1/15 и 192,5 г

Всего 3080,2 г

По прибытии:

Сурьма, Sb 1 290,3 г

Сульфид железа, 1397,4 г

Тартар 96,3 г

Оксид калия, K_2O 56,3 г

Сурьма сурьма, различные газы 239,9 г

Это, конечно, очень теоретические расчеты, которые трудно проверить аналитически для операций, выполняемых в лаборатории, поскольку полученные урожаи, как правило, намного ниже, чем в промышленности.

Невозможно измерить такие значения, как количество газа, выбрасываемого в ходе реакции, потери от испарения сурьмы в форме летучих оксидов и массы остаточных примесей. Приведенные выше цифры, тем не менее, прекрасно рассказывают нам о фундаментальных параметрах веса и о том, что древние алхимики имели в виду под весом природы и весом искусства в этой первой операции. Они не знали о механизме стехиометрического равновесия, они думали, что равновесия устанавливаются случайным образом и что веса природы контролируют равновесия.

Попутно будет отмечено, что Фламель и Филалетс использовали гораздо меньше железа, чем Фулканелли, который, несомненно, знал стехиометрические расчеты. Исходя из подсказок, милостиво раскрытых в Особняках Философов, веса для Фулканелли выводятся следующим образом:

С начала :

Стибин (Sb_2S_3), после ликвации, 2000 г

Железо - соотношение 2: 1 на 1000 г

Двойная соль, 1-я очистка, 1/15 и 200 г

Итого: 3200 г

Как видно, Фулканелли использовал значительно избыточную дозу железа, что на 12,7% больше теоретического значения. Также возможно, что исходная руда, очень хорошо обогащенная ликвацией, наложила эти пропорции. В любом случае, чистота руды не может быть абсолютной. Но это может быть аномалией, потому что избыток железа = оксид железа во второй работе. Таким образом, отклонения между теоретическими пропорциями железа и рекомендованными алхимиками проявляются в относительно широком диапазоне, достигая 20%, при этом сульфида сурьмы в большинстве случаев больше.

Возникает вопрос, насколько важны эти ценности в алхимическом процессе. Но избыток оксида железа может помешать выполнению отделочных работ.

Что касается пропорции солей по сравнению с массой используемых реагентов, только Fulcanelli указал значения, как скромные, как 1/15 от смеси железо-стибин, эта пропорция может варьироваться между 1/5 и 1/20 ,

Те немногие авторы, которые ссылались на соли, такие как Фламель или Толлиус, упоминали гораздо большие пропорции. Более того, Толлиус запрещает использовать железо в этой операции первой работы.

Некоторые авторы использовали до 50% солей по сравнению с двумя другими составляющими, что огромно.

Какое может быть объяснение? Будет ли дозировка соли иметь какое-либо относительное значение?

Другие авторы, возможно, более информированные, упоминают только одну соль – селитру. В любом случае, они знали, что две соли в конечном итоге алканизруются, давая в итоге только карбонат калия.

Мы можем только сформулировать гипотезы о пропорциях, но при первом рассмотрении, кажется, что, за минимальным порогом, пропорции солей не оказывают реального влияния на конечный результат, хотя качество купороса может почувствовать это.

Соли слабо реагируют с двумя другими составляющими или, в случае неудачи, с некоторыми примесями, содержащимися в используемой руде, в зависимости от ее происхождения. Соли защищают прежде всего от окисления и значительно снижают температуру плавления.

Тем не менее, они будут оказывать фундаментальное влияние на выработку купоросов, что зависит как от внутренней природы главных героев, так и от температуры и продолжительности операции.

Поэтому для получения зеленой соли необходимы три условия:

- природа основных материалов и солевой раствор медиатора
- температура прокаливания
- продолжительность процесса.

Но в молекуле битратрата можно предусмотреть замену органического радикала при разложении с получением либо сульфида, либо сульфата калия, частично смешанного с карбонатом калия и ферритом калия в различной пропорции.

До Фулканелли нет такого точного указания на роль солей в алхимическом корпусе. Похоже, что Фулканелли, собрав всю техническую и научную информацию, имеющуюся в его время, и изучив методы очистки сурьмы, естественным образом пришел к выводу, что хорошая пропорция не должна быть слишком далека от 1/15, что индустрия практикуется ради экономии

Следует также отметить, и все же в отношении методов очистки стибнита, что промышленники по всему каналу использовали смесь карбоната натрия и селитры. Доля карбоната натрия составляла около одной восьмой части смеси, но доля селитры не была четко определена. Эта особенность заслуживает того, чтобы напомнить нам, что карбонат калия мог быть использован вместо тартрата, что является химически обоснованным.

Я вернусь позже, чтобы пролить новый свет на функцию соли и секреты, которые никто не раскрыл до сих пор.

Давайте вернемся к нашему процессу с полным описанием операций Великой Работы, поскольку Бернард Хуссон был достаточно любезен, чтобы покинуть нас.

Это бесценный дар, краткое изложение процесса короткого пути, более короткого, но более точного, чем Изумрудный Стол, написанного малоизвестным алхимиком по имени Леона Констанция:

В заключение я очень правдиво объясню доброму читателю, хотя и по-другому, как он должен подготовить наш камень:

Пусть он сразится с двумя воинственными героями Сатурном и Марсом (хотя у первого мирное настроение). После трех или четырех повторяющихся нападений они заключат мир и как свидетель примирения покажут великолепное знамя, похожее на звезду. Этим воинственным героям, теперь объединенным и несколько уставшим от их пылкого боя, будет предложен, чтобы восстановить их, бренди (который все еще требует исправления, однако), с помощью которого эти триумфальные дуэлянты будут связаны вечно неразрывный союз. В знак этого твердого и неизменного союза появляются две голуби Дианы, держащие оливковую ветвь в своих клювах. И для того, чтобы этот мир был объявлен всему миру, появляется вестник, который провозглашает его громким голосом, 7 или 9 раз, по всей вселенной. Сейчас же, те, кто был против, объединены; теперь, после многих штормов, которые разорвали скалы, после землетрясений, после пожирающего огня, снова проявляется нежный и тихий шипящий звук. Пусть тот, у кого есть уши, чтобы слышать, слышать, потому что я могу заверить, что все искусство заключено в

этих нескольких словах, настолько ясных для сына искусства, что нет необходимости добавлять их. Другой."

Леона Констанция – один из небольшого числа адептов, которые получили смертельный привкус и вызвали звуковые проявления, характерные для великого созревания сухого пути.

Приведенное выше утверждение может быть переведено в открытом виде:

- Сатурн представляет нашего чешуйчатого дракона, первого материала, наш тонкоизмельченный сульфид, полученный в результате первичной ликвации, в то время как Марс представляет железо.

- Три или четыре повторяющихся нападения соответствуют испытаниям на тигле на открытом огне первой работы.

- Ректифицированный бренди символизирует солевой посредник, двойную или тройную соль.

- Голуби Дианы появляются только тогда, когда очистка завершена, и двойная соль становится такой же белой, как перед использованием. Зеленая окраска (оливковые ветви) характеризует зеленого льва первой работы, нашей ртути.

- Глашатай провозглашает мир громким голосом в 7 или 9 раз в связи со звуковыми сигналами кокона, который следует за орлами или философскими сублимациями Филалета, материя в полной трансформации, оставляя свист, упомянутый Канселиет, на каждой ступени увеличения огня.

Пожирающий огонь, который проявит мягкое и тихое шипение, относится к концу приготовления, когда разбивается ваза.

Там же помещена фраза Сибиллина «Пусть тот, у кого есть уши, чтобы слышать, услышать», чтобы подчеркнуть избыточным образом звуковые сигналы, акцентирующие внимание на упомянутом выше действии.

Операции первой работы

Опасаясь перефразировать те же рекомендации для осторожности, давайте подведем итог обычным мерам предосторожности:

- у вас должны быть новые, сухие и очень качественные тигли,

- необходимо работать под правильно проветриваемым вытяжным шкафом, чтобы избежать неудобств или даже опьянения парами, возникающими в результате реакции или на открытом воздухе,

- чтобы разогреть все, горелка Бунзена сделает свое дело с природным газом или в бутановых баллонах в качестве источника энергии, но лучше использовать печь на древесном угле,

- необходимо работать небольшими фракциями максимум от 150 до 200 г и сохранять прохладу при любых обстоятельствах, не будучи слишком взволнованным.

В тигле, содержащем железные опилки и измельченный сульфид, все нагретые до температуры около 700/800 градусов, каждая фракция соли будет выливаться небольшими дозами, и крышка сразу же будет помещена обратно в тигель, чтобы уменьшить риск окисления.

Каждый раз, когда наливается фракция соли, происходит небольшая детонация, это песня Лебеда, которая, по словам Василия, умирает. Позже мы увидим, почему алхимики рекомендуют убивать мертвых, чтобы воскрешать мертвых.

Селитра разлагается при температуре около 400 ° C, в то время как реакция может достигать или превышать 800 ° C, она реагирует путем детонации при контакте с примесями, присутствующими в смеси, и серой, закрепленной на сурьме.

- Соль необходимо наливать два или три раза, чтобы не проколоть тигель.

- При введении необходимого количества все оставляют нагреваться от получаса до часа, чтобы завершить реакцию и гомогенизировать смесь. Затем мы позаботимся о том, чтобы перевернуть тигель в железный конус или форму, состоящую из двух частей, предварительно смазанную маслом, а затем ударим по нему резким ударом, чтобы вызвать отделение фракции регулина. Эта операция называется разделением.

Напомним рекомендации Atorene:

«Поэтому для шести фунтов потребуется двадцать капель. Каждое из них будет храниться в духовке достаточно долго для завершения процесса ликвации – плотность первых регуляторов должна быть не менее 6,7. Для этого в течение

часа необходимо обеспечить, чтобы температура была достаточной для поддержания шлака расплавленным " .

Далее он старается добавить :

«... во время приготовления оставшуюся соль нужно добавлять только понемногу, иначе ваза расколется, особенно если она не замачивается. " .

Разделение осуществляется, получается блестящий белый регулирует и коричневые фекалии. Необходимо повторить операцию очистки два или три раза, чтобы на поверхности больше не было шлака, поэтому при последней очистке мы получим около 1/3 использованной руды в пропорции, равной сдержанно напоминает мистическую фигуру Дианы де Пуатье (луна третьего веса) .

Эту операцию ранее называли «обезглавливание мавра» (мавр - наш Аль Кохол, черный человек) .

По поводу этого капсула ощущения Канселиет :

«Художник с самого начала был бы крайне ошибочным, если бы ему пришла в голову мысль о том, что он должен отвергнуть как бесполезный и бесполезный этот удивительный и, как ни странно, однородный хаос, который также называют мертвой головой - смертным тупиком» .

Именно об этом бесполезном остатке Фулканелли очень мягко предупреждает читателя о бессмысленном появлении алхимических операций в глазах официальной науки. В самом деле, какой опытный химик мог бы подумать о реакции шлака, полученного в процессе металлургической переработки, с очищенным металлом?

Это было бы практически эквивалентно желанию рекомбинировать очищенное тело с его собственными примесями.

При последнем повторении мы должны увидеть звезду, отлично нарисованную на регуляторах. Если он не появится, он никогда не появится. Эта звезда вызвана образованием углублений при медленном охлаждении слитка, это явление хорошо известно металлургам. Алхимики настаивают на необходимости появления этого знака, верного средства идентификации начального предмета производства. Но эти клейма не являются необходимыми для продолжения операций. В любом случае, древние указывали на это свойство однозначно обозначать тайну Великой Работы.

Над звездой мы выбираем желтоватую основу, которая быстро станет зеленой

...

Мы соберем для реализации 2000 г стибнита :

- регулирует примерно от 1200 до 1300 г,
- железный шлак, приблизительно 1 500 г,
- витриольная соль от 200 до 300 г.

Нитрат калия разложился на оксид калия и азотистый газ, который будет выделяться во время реакции, вызывая прохождение через него других газов, которые будут испускать неприятный запах, квалифицируемый как Toxicum Venenum.

При последнем очищении соль выйдет белой.

Тартрат калиевой кислоты превращается в карбонат калия и сульфид, диоксид углерода и водяной пар.

Карбонат, сульфид и оксид калия; это, без сомнения, настоящие составные части этого таинственного алкаеста.

Вот важная деталь, на которую следует обратить внимание герметика: Мастера заверили, что первая операция состояла в повторной инкрустации металла, который оспаривал Фулканелли, для него повторная инкрустация заключается в превращении руды в тонкий порошок.

Этого недостаточно в качестве объяснения. Фулканелли хотел скрыть важную деталь, касающуюся железа, которое, вступая в реакцию с серой стибина, превращается в сульфид железа, химическая формула которого, FeS, строго соответствует природе природного сульфида. железно, пирит.

Старые алхимики были очень образованными и умными, поэтому аксиома «Убивать живых и спасать мертвых» обретает полный смысл: в этой первой операции художник убил живых (stibnite), чтобы воскрешать мертвых (железный металл, убитый сплавом), заставляя его вернуть свою примитивную форму живого сульфида (FeS) .

Все знают об этом в наши дни, для старых мастеров очищенные металлы, произведенные человеческой промышленностью, считались мертвыми, но руды, из

которых они пришли и которые еще не подвергались воздействию огня, их казалось живыми.

Я должен предупредить о манипуляциях, описанных выше. Однако они по точкам соответствуют процессу, описанному Канселиетом в «Алхимии, которую объяснили», а затем Атореном в «Лаборатории алхимии», но, увы, они не ведут к истинному и древнему источнику.

В действительности существует большая разница между процессом, описанным Фулканелли, и процессом его ученика.

Эта разница заключается в применении солей. Любопытный ученик сможет выгодно сравнить тексты Учителя и его ученика.

Вторая работа

После завершения первой работы алхимия идет по пути, который решительно отклоняется от путей современной химии или металлургии.

Ничто после этой предварительной фазы не кажется последовательным или рациональным.

Это также, где сухие и мокрые маршруты разделяются. На этом этапе последователи предлагают несколько вариантов.

Оба маршрута, сухой и мокрый, начинаются одинаково.

Для Фулканелли процессы отличаются от первой работы. В своем комментарии, касающемся первоначального путешествия из Фламеля в Компостелу, он указывает, что два пути начинаются с одного и того же процесса до сублимаций, в конце которых они разделяются.

Целью операций второй работы является получение философской или двойной ртути, ребис:

- в случае сухого маршрута алхимик будет применять для проведения соединения серию операций в тигле, называемых сублимациями или орлами.

- во втором, длинном или мокром способе, речь идет о том, чтобы подвергнуть алхимическую землю медленному влажному растворению при комнатной или умеренной температуре, чередующемуся с фазами сушки, затем новыми растворами и так далее до получить серу. Двойная сложность этого пути заключается в идентификации секретного растворителя и в медлительности операций по пропитке.

Это еще не все, есть также варианты для этих двух способов, они оба используют обычную ртуть (Hg) и натуральное золото.

Фулканелли немедленно отверг гипотезу этого третьего пути в своей первой книге «Тайна соборов». Несмотря на это, Flamel, Philalhète, Urbiger, Le Vallois, Kerdanec de Pornic хорошо используют возвышенный гидрагир.

Здесь следует помнить, что алхимики всегда поддерживали путаницу между сухой и влажной, между обычной ртутью и нашей ртутью, чтобы отвлечь дилетанта. Даже Эжен Канселиет позволил себе одурачить себя, полагая, что он может добиться анимации золота ртутью при медленном воздействии амальгамы на стеклянном шарике.

В своей Алхимии, объясненной в его классических текстах, он подробно описывает процесс, которому он следовал в 1931 году.

«Сначала мы провели модификацию ртути обычным методом дистилляции в реторте или реторте песчаника, которая сегодня совершенно не отслеживается. Что касается золота, чтобы мы были уверены в его полной чистоте, мы подвергли его испытанию на предмет свинца и чаши, а затем сделали трихлорид из него, растворив его фрагментами в 'царская водка. Мы мягко испарились в песочной бане, затем в водяной бане, мы избавили наши кристаллы от лишнего гидрата. Металл, осажденный из его раствора, то есть восстановленный из его хлорида, становится мелким порошком, который, если его хорошо промыть, очень способствует слиянию. Ртуть засеянного типа, то есть путем слияния, вводится в матрицу с яйцевидным или сферическим телом, изготовленным из стекла хорошей толщины, немедленно закрывается сплошной лютней, если не паяльной лампой. Затем смесь амальгамы регулируется и поддерживается без сбоев в течение многих месяцев и всегда ниже температуры кипения. Этот тип операции может привести только к изготовлению амальгамы, не более чем простого инертного сплава, неспособного вызвать малейшую реакцию. Алхимики Средневековья знали, что «тела не воздействуют на тела, и что только духи воздействуют на тела». Ученик

великого Учителя, специалист по сухому процессу, игнорировал настоящий влажный процесс, процесс Цициани или Гугинуса в Барме? в течение многих месяцев и всегда ниже температуры кипения. Этот тип операции может привести только к изготовлению амальгамы, не более чем простого инертного сплава, неспособного вызвать малейшую реакцию.

Фулканелли уверяет нас, что в течение долгого пути мы должны исходить из натурального золота, растворенного в философской ртути (следовательно, это не вульгарная ртуть, используемая Canseliet). Для Цициани и анонимного автора *Récréations Hermétiques* общий ствол двух путей останавливается, как только звезда или регулируется в первой работе, то есть непосредственно перед началом сублимаций, и, следовательно, шаг до того, что указано Фулканелли.

Способ, описанный Cyliani и приводящий к сублимациям, действительно мокрый, он состоит в обработке порошкообразного грунта жидким «спиртом», это своего рода экстракция жидкости и твердого вещества, связанная с химическими реакциями при комнатной температуре. ,

Однако сообщение Фламеля или Филалхета кажется ясным: процесс, который они оба исследовали, состоит в модификации текущей ртути, подвергая ее сложным и повторным перегонкам в амальгаме с философской ртутью. Поэтому их путь совершенно отличается от пути, который исследовали Альберт Пуассон или Канселиет среди других.

Вот детали операций, описанных Фламелем в его *Bréviaire*:

«Адонк – это мужчина и женщина, а наш гермафродит – это ртуть, и это работа на рисунках на седьмом листе и премии еврея Авраама, то есть двух змей о золотой палочке, а также о том, как это видно в этой книге. Что я сделал для себя так, как мог, я мог придумать для тебя ясновидение и философский документ. Поэтому советуем работать над этим с хорошим предвидением и боеприпасами, потому что это большая профессия, то есть 12 или 13 фунтов или даже больше, в зависимости от того, хотите ли вы работать в большом количестве операций.

«Итак, женись на молодом Меркурии, то есть на ртути со льдом, который является ртутным философским сатуральным, так что таким образом ты сможешь избежать и усилить ртутный ток на 7 или даже на 10-11, что повторяется с вышеуказанным агентом, который названный ключ или меч из заостренной стали, чтобы он разрезал надрез и проникал в тело металлов, и когда будет иметь такое мастерство, когда будет изображена двойная и тройная вода по образу розы книги Еврейского Авраама который выходит из подножия дуба, то есть из нашей сатурнии, которая является равным ключом, и идет осаждаться в пропасти, как говорит вышеупомянутый еврей, это нужно знать в нашем сосуде, который расположен на шее реторты, где вышеупомянутая двойная ртуть будет выброшена искусством и устройством пропорционального и подходящего огня.

«Но вот тревожный шип с или даже невозможным работать, если Бог не раскрывает вышеупомянутую тайну или тот хозяин не зевает ее, потому что Меркурий не вступает в брак с царством Сатурнии без чего-то, что скрыто в правильном ремесле, чтобы исследовать его как сделано и вспахано, потому что, если вы не знаете, машина, как это сделано, упомянутая храбрость и мир с вышеупомянутыми быстрыми деньгами, не найдете ничего, что стоит. Так что, дорогой и любимый племянник, не хотите ничего скрывать, так что расскажите вам все, не сохраняя ничего, и покажите вам, как правильно обосновать факт и то, что профессия в мастерстве этого философа, так что сказать вам, что без солнца или никто не принесет вам много пользы от упомянутой работы. Поэтому вы будете есть нашего старика или прожорливого волка золотом или серебром по весу и измерять, как вы говорите. Прислушайтесь к моим словам, чтобы они ничего не бродили и не терпели неудачу, как я делал в этом задании. Почему же тогда мы должны зевать, чтобы есть золото для нашего старого дракона? По естественной причине, если вы дадите немного золота плавкому предохранителю Сатурнии, это очень важно, но быстрые деньги не оживут. несоответствующая вещь, которая не очень выгодна, и я сильно вспахал от грусти, прежде чем нашел правильную вещь для этого факта. Так что если много золота зевает, чтобы его поглотить, не будет столько храбрых и желающих, но возьмет на это быстрые деньги и оба поженятся в тесте. Делай, как ты видел, как я. Обратите внимание, что необходимо работать во всем в соответствии с весом, который вы говорите, потому что без него не будет

пахать для вашей прибыли, но к вашему ущербу, запишите это, вот машина найдена. Так что запечатайте эту тайну, потому что это все, и не пишите это на бумаге или что-либо еще, что можно написать, потому что это нанесет ущерб мирской универсальности. Теперь я зеваю это под знаком тайной совести любви, которая у меня есть к тебе. Посоветуйте взять X частей золота, а именно мелкий и очищенный конец 9, от 10 до 11 раз одним только хищным волком, после 11 частей царства Сатурнии, чтобы они плавилась в тигле; так что это плавкие предохранители, бросьте в него затем X чистого золота, сплавите их и перемешайте горящим углем, поэтому ваше золото появится немного; бросьте его в мрамор, измельченный в порошок с 12 ртутными породами. Заставьте их принимать масло или сыр, растирая и встряхивая здесь и там, когда и когда другой, и промывая чистой водой, пока вода не станет чистой, и что масса кажется прозрачной и белой (так вы будете делать на луне), тогда из нее делается соединение с солнечной царственной сатурнией. Когда будет так же хорошо, как масло, возьмите корзину, которая будет аккуратно высухать с тканью или тонкой тканью. Вот наш свинец и наша масса не вульгарного Золота и Луны, поэтому философ, так что положите его в хорошую реторту тигельной земли, отлейте намного лучшую сталь, чем в печь, и разожгите огонь, идя понемногу. Расставьте рецептор в реторте, как ремесло, на два часа, а затем зажгите огонь, пока ртутная дыра в рецепторе вышеупомянутого, а вот ртуть - вода цветущего розового куста, даже кровь невинных людей, найденных в книге Еврей Авраам, являющийся, следовательно, Золотой Водой и Философским Серебром.

«Итак, шаг вверх по художественной лестнице или шаг. Там берут фекалии из реторты, расплавляют их в тигле на сильном огне и выпускают весь сатурнийский дым, и когда расплавленное золото чисто вливается в него, как первые два раза Сатурнии. Таким образом, солнце IX, наполненное указанными испражнениями, гораздо более очевидно, чем в первый раз. И так как Меркурий уже более кислый, чем был раньше, лед - он будет спрятан гораздо больше силы и энергии, чтобы тщательно исследовать и, следовательно, съесть его снова и лед - наполнить его живот понемногу. Так что посоветуйте дорогому племяннику градусы устройства Природы и Разума, чтобы ступеньками подняться к высшей части Философии, которая находится на всем протяжении Природы и которую мы бы не нашли, если бы не мастерство зевания. Так благослови Господа за то, что зевнул меня для тебя, без этого ничего бы не получалось, как это делают некоторые люди, с большим материальным ущербом, бесконечными болями и трудом, тревожными бдениями и вредными лекарствами. Так что делайте так же, как в прайм-тайм, вступайте в брак с ртутью, выделенной выше, и крепкой по степени, растирая и растирая, чтобы она вышла вся темная, сухая, как вы сказали. Поместите все в вышеупомянутую реторту и не делайте не меньше всего, так как просто пашете два часа на небольшом подходящем огне, после того, как сильно и хорошо толкните и заставьте выбросить ртуть в сосуд, и все равно останется ртутная линька более сильно, и я вознесусь ко второй ступени философской лестницы. Делай и работай снова, как мы только что бросили сына Сатурна в подходящем весе, то есть понемногу и работая с ремеслом не больше, не меньше, чем работало в начале, пока вы находитесь на десятой ступени шкалы, а затем вы отдыхаете и уже говорите, острая магматическая ртуть, полностью поглощенная, грубая с мужской серой и астральной энергией соли, которая находится в самых глубоких пещерах и внутренностях золота и нашего сатурнианского дракона, и верьте, что вы пишете то, что ни один философ не сказал и не написал. »

Мы наконец поймем, что есть третий путь, путь, вызванный Фламельем, который является разновидностью примитивного пути. Это достигается с помощью экзальтированной ртути (Hg), обычно называемой нашей ртутью, действующей как «беглый слуга», для извлечения серы из золота (Au). Этот способ отличается от канонического, который использует растворитель Alkaest для извлечения философской серы из алхимического золота.

Это чувство Фулканелли:

«Растворение алхимического золота растворителем Алкаест характеризует первый путь; это из вульгарного золота нашей ртутью указывает на второе. Этим достигается анимация ртути. »

По старинке исключается природное золото, а также текущая ртуть, поскольку она не влияет на железо.

Орлы или сублимации

Придя к этой стадии процесса, большинство авторов молчат и возобновляют свои комментарии на более продвинутом уровне, опуская целый режим, абсолютно необходимый для хорошего достижения Камня. На эту ловушку указывает Фулканелли, нападающий на Филалетеса после Лиможона де Сен-Дидье, обвиняемый в фальсификации порядка операций и фальсификации реагентов путем введения в его процесс гидраргира. Но, если читатель правильно понял действия Фламеля в его Бревиари, он сможет заметить, что Филалетес идет только по пути, описанному его предшественником, и никто не должен обвинять его.

Г-н Лиможон де Сен-Дидье раскрывает великую тайну двух ртути: «Женщина, которая имеет отношение к камню и которая должна быть соединена с ним, является этим источником живой воды, чей источник, весь небесный, имеющий центр, особенно на солнце и на луне, производит этот ясный и драгоценный поток мудрых, которое впадает в море философов, которое окружает каждого. Не без основания этот божественный источник назван этим автором каменной женщиной; некоторые представляли его в форме небесной нимфы; некоторые другие дают ему имя целомудренной Дианы, чья чистота и девственность не испачканы духовной связью, которая объединяет ее с камнем. Одним словом, это магнитное соединение – это волшебное соединение небес с землей, о котором говорили некоторые философы; так что второй источник физического красителя, который творит такие великие чудеса,

все таинственные чесотки. "

Совет Адепта относится к философским сублимациям, другими словами, к Орлам. Канселиет объясняет, что эти операции были завуалированы Фламелем под аллегорией расправы над невинными людьми. Он говорит, что эта аллегория относится к фракционированию материалов для облегчения сублимации.

Короче говоря, весь секрет Орлов заключается в реакции металлической сурьмы на железном шлаке с помощью защитной соли.

Мы собрали из первого капута:

- регулирует это,
- железный шлак, фулканелли адамическая земля,
- соль витриоловая, наша зеленая ртуть.

Существуют аномалии размеров, если мы ссылаемся на пропорции, необходимые для второй работы, теперь мы должны раскрыть секрет весов.

Первая работа, для 2 кг предварительно обработанного стибнита, дает нам около 1,5 кг железного шлака, который затем потребует 3 кг регуляторов и 675 г соли для производства орлов.

Однако в конце первой работы реакция теоретически дает нам 1,3 кг регуляторов.

Поэтому мы должны принять все меры предосторожности с самого начала и обеспечить хороший запас обычной ртути и соли, если мы не хотим останавливаться на второй работе.

По словам Арно де Вильнева и нимфы Цициани, вам нужно «много дистиллированного спирта». Вес воды должен быть во множественном числе, по словам другого алхимика.

Поэтому художнику будет рекомендовано использовать не менее 6-7 кг руды, избыток которого он оставит для операций второй и третьей работ. Он также сделает хороший запас соли.

Процесс Орлов представляет собой серию идентичных операций, повторяемых от 7 до 9 раз и предназначенных для изготовления Rémoга. Он будет извлекать серу из железа, чтобы объединить его с ртутью.

Канселиет объясняет, что этот процесс заключается в циркуляции земли через философскую ртуть в процессе синтеза, своего рода подъеме и сублимации субстрата, который образовался в магматической ртути, под защитой солевого слоя.

Philalethes показывает серию дистилляций в своих «экспериментах по приготовлению философской ртути с помощью звездного военного регулирования».

Эта разница в процессе объясняется тем фактом, что Canseliet работает по-старому, в отличие от Philaethes, который реализует вариант экзальтированной общей ртути.

Прежде чем приступить к сублимации, необходимо очистить шлак от первой работы. Их оставляют на некоторое время в погребе или во влажном и темном месте. Смесь гигроскопична, она распадается и твердая фаза восстанавливается.

Здесь Фулканелли делает откровение, которое далеко не тривиально: «Большое количество солей металлов в растворе преобразуется или осаждается в течение более или менее времени при дневном свете. Таким образом, сульфат железа превращается в сульфат железа» (Тайна соборов).

Жидкий раствор, полученный "по ошибке", по существу, содержит соль, которая может быть перекристаллизована. После того, как жидкая фаза была удалена путем декантации, остаток должен быть прокален до сухого состояния и перегрет, чтобы получить нашу почву.

Сульфид железа плохо растворяется в воде, но может превратиться в сульфат железа, который гораздо более растворим. Обожженный, он станет для Эжена Канселиета:

«Порошкообразная и ароматная почва, живая и плодородная, готовая доставлять серу к ртути ...»,

«... Толстая магма, которая была собрана в результате промышленного обжига капута, была прокалена в обжарочной головке и превращена там в эргономичный, жирный порошок и, возможно, изотоп колковара. ; в любом случае, похож на сесквиоксид, который сегодня называют оксидом железа. "

Это действительно оксид железа? Чтобы получить его путем прокалывания сульфида железа, нужна очень высокая температура и продувание большого количества воздуха в тигле.

Оксид железа и сульфид имеют темный цвет, гидроксид железа - красный. Сульфид железа, как мы видели выше, может гидролизироваться в водной среде и давать гидратированный сульфат железа на солнце, нарушая аналогию с витриолом алхимиков или розацеа Фулканелли. Оксид железа, инертный, будет бесполезен.

У кальцинирования шлака есть только одна цель: устранить всю влажность, которая будет препятствовать бесперебойной работе орлов, - вредная гидрофобия, на которую намекает Филалет.

Вот хороший рецепт Аторен для более легкого входа во вторую работу: «Принцип заключается в размещении трех различных слоев в тигле, то есть, начиная снизу:

- 1 часть серы, объединенная с 1 частью ртути,
- 1 часть ртути,
- 1/15 витриола.

(все три философских)

Конечно, ртуть связана с нашими нормами, а сера - с прокаленным шлаком.

Вслед за своим другом Эжаном Канселиетом Аторен только что раскрыл «трюк», непременное условие для поднятия уровня сублимаций. Операция, называемая орлами, может быть выполнена надлежащим образом только в том случае, если соблюдается порядок расположения различных реагентов в шахматном порядке.

Аторен также уточняет, что операция проводится ночью. Он добавляет, что необходимо позаботиться о том, чтобы разбить вторую часть ртути и вылить ее в небольших количествах на магму.

В этой операции должна быть сделана оценка, чтобы очень правильно приостановить впитывание, чтобы избежать утопления рыбы водами наводнения. Действительно, согласно алхимической аксиоме, «все сухое жадно высасывает влажное», и избыток жидкой ртути приведет прямо к беспорядку. Совет, также необходимо избегать перегрева, который неумолимо испортит компост.

Фулканелли не преминул указать правильные пропорции, когда раскрыл загадку Голубей Дианы;

«Мы можем рассматривать голубей Дианы как две части растворяющейся ртути - две точки лунного полумесяца - против одной из Венеры, которая должна держать своих любимых голубей в тесном объятии. Соответствие подтверждается двойным летучим и воздушным качеством исходной ртути, эмблема которой всегда

бралась у птиц, и самим материалом, из которого поступает ртуть, каменистым, хаотичным, стерильным грунтом, на котором голуби они отдыхают.

Этот параграф великого посвященного дает нам решение ребуса RE.RE и RER, упомянутых в Тайне Соборов.

Деталь, полезная для герметика, Венера, часто вызываемая алхимическим божеством, соответствует нашей сере (Купрос), шлаку Марса, и особенно не должна приниматься за медь.

Теперь речь идет о правильной дозировке нагрева, чтобы избежать затвердевания, чтобы сульфид не плавал на магме, что привело бы к неразрывному «трясине». Температура компоста составляет около 530 ° С. Когда сублимированный появляется на поверхности, необходимо снять и собрать все, что поднимается.

В этой операции есть очень большая загадка. Замечательное явление притяжения, которое проявляется, как только достигается нужная температура. Сера притягивается к надводному купоросу и поднимается на поверхность ванны. Пройдя уровень регулирования, он приобретет новое свойство.

Именно здесь алхимия отличается от рациональной и современной химии.

Затем мы находим подтверждение тезиса Фулканелли; Алхимическая сублимация не состоит в улетучивании тела, чтобы затем восстановить его на холодной поверхности, во время конденсации, но должно позволять его возвышение над компостом.

Это Solve и Coagula, в тигле. Растворяют летучие вещества и испаряют фиксированные, путем своего рода экстракции жидких и твердых веществ, связанных с еще не объясненной химической реакцией. Эту операцию часто неверно истолковывают исследователи, которые изобрели целую атрибутику сублимационных ваз или других алуделей с целью достижения восхождений и спусков вещества дистилляцией, причем эти авторы имеют в виду только жидкий аспект дело.

Эта грубая ошибка была также допущена Жоржем Ранком, который показывает иллюстрацию маленького запечатанного стеклянного флакона в своей книге «Философский камень».

Жорж Ранке исходил из того, что вещество должно быть жидким и что компост должен быть частично испарен, чтобы дистиллированная фаза, конденсируясь в горловине, могла опускаться в вазу и орошать неподвижную часть.

Что произойдет, если вы случайно нагрели продукт, способный разлагаться, до 500 ° С в герметически закрытой стеклянной колбе?

Взрыв герметичной лампы, без сомнения.

Закрытие вазы является очень распространенным неправильным толкованием лютни мудрости. Закрытие Hermes – это не герметичное закрытие, водонепроницаемое в современном смысле этого слова, бесполезное и вредное, лютня Hermes – это закрывающаяся ваза сама во время окончательного созревания, и п' не вмешивается во вторую работу.

Псалом Гермофила настаивает на твердом характере основных материалов, за исключением того, что мокрая, о которой мы здесь говорим, на самом деле не является жидкой, до температуры около 530 ° С:

«Сублимация – это возвышение сухого предмета с адгезией к сосуду посредством огня. Сухим предметом является наш магнит, который естественным образом притягивает свой сосуд, который является влажным, потому что сухой притягивает влажное и влажное. умерить сухое, объединиться с ним с помощью огня, который участвует в природе обоих».

Эта операция извлечения может иметь свой эквивалент в химии. В современной лаборатории довольно сложный стеклянный аппарат используется для проведения различных экстракций в сочетании с реакциями между жидкой и твердой фазами: сокшлет, названный в честь его изобретателя.

Я провел несколько лабораторных экспериментов на этом устройстве, Soxhelet, и вам нужна хорошая рука помощи, чтобы добиться успеха, потому что настройки очень резкие. Эта система должна быть способна адаптироваться к алхимической сублимации при условии, что температура реагентов значительно снижается, поскольку аппарат изготовлен из пирекса, и что его геометрия слегка изменена.

Во время сублимации высокая температура вызывает броуновские движения в расплавленной магме, но электромагнитное явление является источником этих фаз

подъема и спуска, часто представляемых P Aigle, удаляющим свою добычу. Сера на нижнем этаже сильно притягивается купоросом, это притяжение достигается благодаря идеальному электрическому проводнику, который составляет регулирующие элементы.

Это наша философия, восклицает Фулканелли.

Подсказка, которую ожидает художник, проявляется на поверхности ванны в виде рисунка, напоминающего ажурную сетку, косички корзины Бачуса или *galette des rois*, вызванные Фулканелли, который должен вернуть боб 'счастлив выбран. Это также поле Марса, наконец, вспаханно

и в котором вам придется сеять зубы дракона.

Мы будем повторять Орлов до девятого включительно, набор операций охватывает несколько ночей.

Таким образом, вся алхимическая практика состоит в извлечении металлической квинтэссенции, сконцентрированной в очень маленьком объеме, кнопки «назад», ребиса или ремора в соответствии с Фулканелли, который представляет собой радикальное железо, идеальную смесь серы и ртути, очень блестящую в своем перерыв, наделенный великолепным фиолетовым цветом.

С каждой сублимацией фиолетовый цвет усиливается.

Эта металлическая квинтэссенция будет позже преобразована, посредством линейного процесса приготовления пищи, в драгоценный камень с захватывающими свойствами. Сложность этой операции заключается в выборе тигля и способа подачи тепла.

Таким образом, последний орел доставит боб, королевского дельфина или ребиса, готового подвергнуться большой стоимости.

Для справки, Фулканелли получил ртутную кнопку с 7,24 г до 7,32 г, начиная с килограмма железа из Швеции. Canselier, несколько десятилетий спустя, выпустит 4,15 г Remora.

Фулканелли прокомментировал девиз, украшенный филактерией *Dampierre-sur-Boutonne*, показывая дельфина, свернутого на стержне морского якоря:

Sic Tristis Avra Resedit - Значит, ужасный ветер утих.

«Поднятый со всех сторон, брошенный ветрами, ковчег все же плывет под проливным дождем. *Astérie* готовится создать *Délos*, гостеприимную и экономную землю для детей Латоны. Дельфин плавает на поверхности бурных волн, и это волнение длится до тех пор, пока Ремора, невидимый хозяин глубоких вод, наконец не остановится, как мощный якорь, и корабль начнет дрейфовать. Спокойствие возрождается, воздух очищается, вода исчезает, пары поглощаются. Пленка покрывает всю поверхность, и, утолщаясь, укрепляясь каждый день, отмечает конец потопа, стадию приземления ковчега, рождение Дианы и Аполлона, триумф Земли над водой, сухая на влажную, и эра нового Феникса. " Что на самом деле происходит на этапе сублимации?

Преобразование металлического ядра или извлечение квинтэссенции железа?

независимо от внутренних свойств участвующих протагонистов, упомянутые выше восходящие и нисходящие движения будут зависеть от трех параметров:

- теплотворная способность, потери тепла,
- форма тигля, то есть соотношение высоты и диаметра вазы.
- способ применения огня

Третья работа

В конце Орлов счастливый оператор теперь имеет ингредиенты, необходимые для выполнения Работы.

- Ремора от 7 до 8 г для приблизительно 1,5 кг шлака,
- стеклянный запас, который будет нашей оболочкой.

Сейчас мы собираемся приблизиться к великому сговору, этапу, на который спотыкаются большинство несчастных художников.

Успех операции зависит от проведения операций первой и второй работы, гораздо больше, чем несчастные случаи, которые иногда могут происходить на этой последней стадии.

Необходимо, не теряя ни минуты, укрепить Ремору, согласно выражению Канселиет, который не дает объяснения этому необычному осадению среди алхимиков.

Изготовление философского яйца:

- место, примерно половина из стекловидной массы в совершенно новых высокой цилиндрической тигель, изготовленную из огнеупорной земли, предварительно высушенные и утрамбовать немного вниз,
- выкопать маленькую центральную яму для размещения ремора,
- поставьте остальную часть запаса стекла сверху, слегка утрамбуйте и поставьте крышку на тигель.

Атанор

Вот несколько полезных советов для того, чтобы иметь эффективную и экономичную машину.

Можно модифицировать печи, предназначенные для обжига керамики, используемой зубными техниками. Вы просто должны восстановить электрическое сопротивление, чтобы устранить риск магнитных помех, которые могут быть вредными. Лучше проводить двойное сопротивление с обмоткой в противоположном направлении, это будет иметь эффект уничтожения любого нежелательного образования электромагнитных полей. Терморегулятор, встроенный в этот тип духовки, который может достигать температуры 1000 ° C, с постоянным цифровым дисплеем и контролем температуры с точностью до порядка градуса.

Давайте не будем бояться прогресса, для контроля веса печь может быть установлена на систему взвешивания типа электронного тензметра, подключенного к регистратору, который подает электрический сигнал, пропорциональный изменению веса, и поворот играть в. После правильной тарировки и калибровки системы взвешивания результаты взвешивания и температуры можно записывать непрерывно!

Не имея уверенности в том, что тепловая прогрессия действительно должна следовать линейному закону, целесообразно проверить различные стадии нагрева. Электронное оборудование позволяло бы даже программировать температурную кривую как функцию прошедшего времени или увеличения массы, централизовать все и регистрировать все в течение нескольких дней.

Великая Коктейль

Тигель на месте, хорошо сидит на своем сыре, печь введена в эксплуатацию.

Затем нагревайте в умеренном темпе. Эжен Канселиет дает ценную информацию и много деталей, впервые в истории алхимии, в своей алхимии, объясненной в его классических текстах.

Температура духовки, которая будет считаться здесь равной температуре компоста, должна увеличиться от комнатной температуры, скажем, 20 ° C, до 555 ° C в конце процесса созревания, примерно на седьмой день.

Таким образом, для печати восходящей кривой от 20 до 555 ° C за семь дней можно запрограммировать скорость нагрева 3,2 ° C / час. Что происходит потом? Соединение соединений начинает играть музыку, ноты каждые двадцать четыре часа. C, при запуске, затем D, E и это до следующего C, то есть целая октава.

Что наиболее необычно, так это соответствие между каждым звуковым интервалом, увеличением веса компоста и повышением температуры.

Atorene делает блестящую демонстрацию этого с подтверждающими расчетами. Зная, что интервалы между каждой нотой зависят от нелинейной гармонической шкалы, удивительно отметить, что увеличение веса Rebis в компосте строго следует той же последовательности.

Но как насчет увеличения массы философского яйца?

Таким образом, при коференции Canseliet remora увеличивается с 4,15 г до 131,7 г, что является фантастическим увеличением на 127 г. Поскольку объем тигля является неизменным, можно разумно думать, что увеличение массы приводит к огромному увеличению плотности.

Последнее примечание должно сопровождаться разрывом вазы.

Это признак определенного успеха:

"Intus sola fient манифест руина",

Только мои руины отражают интерьер, мы можем прочитать о латинской легенде о филактерии, окружающей копилку Шато-де-Дампьер.

Затем появляется блестящий карбункул красного цвета, похожий на разбитое стекло, выходящий из его щетинки. Земля, окружающая камень, будет уничтожена,

это проклятая земля, по словам Фулканелли, остаток без какой-либо ценности, который бы помешал проникновению.

Умножение

У счастливого победителя может быть удовольствие услышать звук стеклянных труб и полюбоваться фиолетовым пурпуром в форме стеклянного выстрела, напоминающего рубиновый красный.

Нужно будет только приступить к увеличению веса и мощности, поместив полученный камень с новой порцией философской ртути, а затем снова начать сборку.

«Возьми твердое вещество, которое окрашивает, а именно три части приготовленного красителя, и одну часть ртути Философов, положи его в вазу, запечатай и положи в горячий пепел, как указано выше. , высушить и уменьшить до порошка. Затем откройте вазу, снова замочите и высушите, как указано выше. А вода, то есть живое серебро или ртуть, не добавляет и не придает организму больший вес, чем это ожидается от металлической влаги.

Хорошо пойдем, надо снова повторить операцию Орлов, начав на этот раз с Камня, полученного в конце первого сгущения, повторить серию операций до нового сгущения ,

С каждым умножением Камень увеличивается в весе и мощности, и с каждой новой фазой ему потребуется больше ртути, что объясняет положения, которые должны быть сделаны с начала операций, чтобы не быть пойманным посередине третьей работы.

В конце третьего или четвертого умножения наступит время ориентировать половину камня в сторону трансмутации, другая часть будет служить универсальным средством.

Другая трудность возникает при интерпретации эксплуатационных данных, пропорций ингредиентов, которые сильно различаются от одного автора к другому, и которые могут быть объяснены качественными (сила покалывания) и количественными (увеличение веса при каждом добавлении) различиями.).

Ферментация

Это последняя операция, которая позволяет художнику подтвердить свое присоединение к званию адепта.

Эта операция состоит в плавлении камня в четыре-десять раз больше его веса в золоте, в тигле и на открытом огне. Эти пропорции варьируются от оператора к оператору. Вероятно, что доля золота для этой конечной операции во многом зависит от качества, полученного после умножения.

Ориентированный на трансмутацию, Камень не будет влиять на другие королевства.

Неферментированный камень представляет собой лекарство третьего порядка, мощное лекарство, употребляемое сильно разведенным в слабоалкогольном напитке. преобразование

После того, как Проекционный Порошок получен и ориентирован на металлическую сферу, достаточно расплавить свинец в тигле на открытом огне и вставить часть порошка, покрытого воском.

Трансмутационная сила Камня будет зависеть от количества умножений, выполненных во время третьей работы, и, возможно, от качества Ребиса, полученного в конце Орлов.

Действие этого катализатора на расплавленный металл предполагает, что процесс Великой Работы наделил Камень феноменальным энергетическим свойством, мини-атомной электростанцией в несколько граммов порошка.

Абсолютно мирная ядерная энергия.

Какова природа этого мощного катализатора? Как это реагирует с веществом?

Фулканелли поднял и другие, по-видимому, без ответа вопросы, такие как возможность подвергать алхимические растворяющие агенты другим металлам, кроме железа, с удивительными результатами.

Однажды скоро, когда современные средства исследования будут постоянно совершенствоваться, физика, несомненно, сможет найти мифическую сеть Арианны.

Тарелка 5 от Mutus Liber – Секретная перегонка
Практические соображения

Изучая алхимическую литературу, широко публикуемую сегодня, мы поражаемся множеством аспектов, которые представляет эта старая дисциплина.

Я хотел бы еще раз подчеркнуть переоцененную репутацию некоторых авторов, которые могут быть уверены при чтении первых страниц, что их членство в бывшем невидимом колледже сомнительно. Это утверждение не является беспричинным, оно просто следует из критического анализа содержания этих многочисленных работ, лишенных какой-либо изумительной субстанции, как сказал бы Рабле, и что объективный анализ быстро позволяет нам распустить герметичный корпус.

Хороших авторов узнают по операционным деталям, которые они указывают, используемым материалам и тому, как раскрывается процесс Великой Работы.

Однако, чтобы сформировать реальное мнение, требуется большой опыт в сочетании с отличным знанием корпуса. К счастью, нет необходимости иметь внушительную библиотеку, чтобы завершить изучение, в котором можно найти себя. Наоборот, иногда лучше не расходиться, обилие ссылок увеличивает трудности из-за распространения неконвергентных средств воздействия.

Алхимические процессы, разработанные и прокомментированные в этой работе, исходят не из эмпирической, быстрой, поверхностной или свободной экстраполяции, а из длительного и терпеливого исследования лучших авторов, а также из анализа различных доктрин. Их противостояние с опытом.

Изучение алхимии требует, чтобы должным образом предпринимались, либо хороший мастер, настоящий инициатор в соответствии с традицией, либо постоянное и повторяющееся чтение как можно большего числа алхимических работ, подкрепленных экспериментом. Проведение самопосвящения находится в пределах досягаемости любого упорного исследователя и упорствовать, как и, в конечном счете, многие мастера достигли в течение последних десяти веков.

Алхимия, эзотерическая наука по преимуществу, – это вселенная, в которой смирение является наиболее фундаментальным из качеств, необходимых для завершения посвящения. В алхимии все будет оставаться неопределенным, неопределенным для художника, пашущего в духовке, до тех пор, пока окончательное преобразование основного металла в золото – неоспоримое доказательство успеха – не будет достигнуто. Мы должны быть осторожны со всеми авторами, без исключения. Треки размывы, чтобы потерять причину. Кроме того, к преднамеренному каббалистическому шифрованию было добавлено влияние некоторых иррациональных убеждений, которые я бы назвал еретиками астрологического происхождения, и последствия которых можно увидеть у многих авторов.

Действительно, нужно усомниться в правильности этих понятий, заимствованных из астрологии, сопоставив их с аксиомами, хорошо закрепленными в герметической традиции.

Чтобы проиллюстрировать этот вопрос, мы можем сначала напомнить о полезности росы в алхимическом процессе, как это определено некоторыми авторами с конца 14-го века, и хотя в их предшественниках не делается никаких намеков на это. Затем мы поставим под сомнение рекомендации, касающиеся благоприятного сезона для работы, лунных фаз или ориентации аппарата и т. Д., Зная, что одна из наиболее важных аксиом определяет, что работа может быть выполнена в в любом месте и в любое время.

Вышесказанное, конечно, находится в полном противоречии с процессами, раскрытыми Космополитом, Mutus Liber, Лиможоном де Сен-Дидье, Гобино де Монлизантом, анонимным автором Récréations Hermétiques и, наконец, Цилиани. Что касается Фулканелли, он оставался довольно лаконичным, роса мая, по его словам, легко извлекается из мерзкого и мерзкого тела, предмета философии он тем не менее указывает на то, что необходимо использовать вторую соль, Экстракт майской росы, для совершенствования операций первой работы.

Наконец, представляется необходимым обсудить аномалии и противоречия, касающиеся

к процессам, описанным различными авторитетными авторами.

Таким образом, мы можем сосчитать три разные процедуры, способные достичь Камня:

- сухой процесс, короткий путь, по которому идут Базиль Валентин, Фулканелли и его ученик,
- полусухой, полувлажный процесс, за которым следуют Хугинус в Барме, Урбигере, Фламеде, Филалете, Монте-Снайдер и др.,
- мокрый процесс или длинный путь, по которому идут Цициани и анонимный автор *Récréations Hermétiques*.

Первый процесс, кажется, старый, за которым следуют Мария Пророчица и Артефий, за исключением всей части закусок, где роса, кажется, отсутствует.

Я добавлю следующие комментарии.

Прежде всего, что касается фазы сублимации, риск «сжигания цветов», очевидно, является наиболее частым на этой стадии процесса, собираемая кнопка «назад» часто имеет волдыри. Поэтому у алхимиков было секретное средство ограничения температуры разжигания компоста во время второй работы. Они представили бы другой элемент, не перечисленный или не упомянутый в самых плодovitых авторах, или, возможно, они не знали, что это тело присутствовало как примесь в элементах, которые они реализовали? Это мимолетное замечание может также объяснить неоднократные неудачи Канселиета, единственного с Фулканелли в прошлом веке, способного освоить весь процесс короткого пути.

Эксперт по качеству *Fulcanelli*, несомненно, знал о ловушке, о которой сообщают редкие авторы. Что касается этого таинственного тела, то, похоже, кое-где есть подсказки, сначала в Де-Понтане, затем в Лимонжоне-де-Сен-Дидье и, наконец, в Цициани, которые подтверждают мои выводы.

Я думаю, что у меня есть несколько идей для того, чтобы поучаствовать в эксперименте, прежде чем передать свои чувства по этому недостаточно изученному предмету.

Второй процесс, который я намеренно назвал «полусухим», - это на самом деле адаптация старого способа, когда натуральное золото заменяется философским золотом. Неотъемлемой характеристикой этого пути является преодоление трудности правильного выполнения Орлов и невозможного поворота руки, который ему требуется.

Казалось бы, благодаря тепловому равновесию, измененному присутствием ртути (Hg), извлечение ребиса значительно облегчается при температуре, значительно меньшей, чем у традиционного соединения. Кроме того, простая перегонка соединения, амальгамы ртути, позволяет как устранить нежелательную ртуть, так и сублимировать активную часть, необходимую для осуществления ребиса кокиции. Ртуть имеет двойное преимущество: она инертна в условиях реакции и снижает температуру превращения компоста, поддерживая постоянную до отгонки последнего атома ртути температуру 360 ° C. Этот процесс также предлагает то преимущество, что требуется только стеклянная колба из пирекса, снабженная шатром и конденсатором. Этот вариант,

Третий процесс, длинный и мокрый путь, представляет собой настоящую загадку. Выше мы видели, что Канселиет после Альберта Пуассона позволил обмануть себя ошибочному процессу (это говорит он сам), который осуществляет циркуляцию ртути (Hg) и золота (Au) как молниеносно. Фактически, то, что он считал мокрым процессом, не соответствует пути, описанному Цициани, на самом деле это очень плохая интерпретация варианта «полусухого» процесса, описанного выше.

Мокрый и водянистый способ, показанный Цициани, начинается так же, как у Фулканелли, с теми же приготовлениями, что и у закусок, включая прокалывание первой работы. Конечно, в конце операций первой работы Цициани покидает сухой маршрут, чтобы выбрать мокрый маршрут.

В начале пропитки он будет использовать жидкий элемент, в котором не течет ртуть (Hg), для проведения длинных серий растворов. Однако он будет использовать ртуть, поступающую позже, в варианте, уже указанном для извлечения серы из золота.

Да, но тогда откуда взялся этот жидкий элемент, используемый для замачивания?

Мы можем рассмотреть несколько гипотез:

- появление нового персонажа на сцене алхимического театра, Меркуриального Фонтана, источник которого более небесный, чем земной, по словам Лиможона де Сен-Дидье. Эта гипотеза вызвана Бернардом Хассоном,
- или Философская Вода Фулканелли, которая должна быть раскрыта во сне, другими словами ...
- воды, собранной при разрушении железного шлака,
- это роса (см. Mutus Liber) или ее дистилляция (астральный дух),
- наконец, перегонка солей в работе, чтобы произвести вонючую менструацию, травление.

В последней гипотезе селитра при разложении в горячем состоянии выделяет фракцию NO₃, которая может быть просто поглощена потоком холодной воды с образованием азотной кислоты. (Сильная вода, я Вонючий менструальный?)

Радикал NO₃, образующийся при разложении селитры, будет вмешиваться непосредственно, в сухом процессе, при температурах, близких к 500 ° C.

Так почему бы не рассмотреть возможность использования сильной воды (азотной кислоты) для проведения реакций при умеренной температуре во влажном процессе?

Cylianì описывает процесс, требующий только чашек, в которых алхимический материал делится на мелкие фракции, а затем опрыскивается жидкостью при комнатной температуре – это важно подчеркнуть. В этом процессе мы смачиваем фиксированную, то есть нашу адамическую землю, шлак из звездного компоста, летучим (азотная кислота? Которая на самом деле летучая). Эта операция не требует закрытия вазы, наоборот, ваза открывается, чтобы позволить испарение и высыхание почвы, затем распыление новой жидкости и так далее. Этот путь отмечен изменением цвета, о котором сообщают большинство авторов.

С чисто научной точки зрения современная химия способна объяснить ускорение алхимического процесса короткого пути. Действительно, я уже указывал на это, признавая, что химический процесс хорошо, даже вторичным образом, вмешивается в Великую работу, как, например, действие радикала NO₃ на одно из соединений, Логично предположить, что воздействие этого же радикала при комнатной температуре вызовет химический тип реакции того же типа, но с гораздо более низкими скоростями реакции.

Кинетические законы предсказывают значительное ускорение большинства химических процессов, почти удваивая скорость реакции на каждом шаге 10 ° C для реакций первого порядка, как здесь имеет место.

Итак, представьте себе сэкономленное время, когда температура реакции поднимается от 20 ° C до 530 ° C.

Таким образом, вышеизложенное подтверждает наличие двух маршрутов.

Продолжение влажных операций полностью описано в *Hermès Unveiled*, а также в *Récréations Hermétiques*. Манипуляции слишком длинные, чтобы их здесь можно было обобщить.

Если Цилиани использовал текущую ртуть и золото, то в свое время это должно было способствовать производству философской ртути путем извлечения серы из золота, так же как использование той же ртути в варианте сухой процесс. Все это очень последовательно. Таким образом, единственный недостаток мокрого процесса связан с медлительностью реакций и чередованием процесса сушки и впитывания. Но этот маршрут намного безопаснее сухого. Общая продолжительность мокрые операции делятся от 6 до 24 месяцев, по словам авторов.

Стоит упомянуть еще одну точку мокрого маршрута – это веса. Здесь, без баланса, впитывания сделаны оценкой последовательности. Делить вес, вес природы?

Алхимические и специальные трансмутации

Есть много свидетельств успешных трансмутаций. Целые каталоги были написаны о трансмутациях, проводившихся на протяжении веков, самый последний из которых был написан в 1974 году Бернардом Хассоном, «Алхимические трансмутации». Ученый-герметик также сообщает о том, что перед свидетелями монеты были немедленно избиты золотом или серебром в результате успешной трансмутации. Некоторые из этих монет хранятся в музеях.

Неизменно, Философский Камень, описанный Адептами или свидетелями, которые были свидетелями трансмутации, всегда обладает одними и теми же свойствами.

Красный цвет, тянущийся к гранату, напоминающий дробленое стекло, очень высокой плотности, он реагирует с шипением на расплавленные металлы. После алхимической трансмутации после литья получается золото, наиболее удивительным из свойств которого является то, что оно все еще может обогатить определенное количество основного металла.

Мы также знаем, что полученное таким образом синтетическое золото обладает невероятной чистотой. Ювелиры не знали об этом настолько, что знали, как распознать золото, полученное в результате трансмутации, только по названию.

В аномалиях, отмеченных в ходе этих экспериментов, иногда необходимо отметить необъяснимый вклад массы. Золотой слиток, полученный путем трансмутации при взвешивании, показал значительное увеличение веса по сравнению с количеством использованного металла. В других случаях, реже, наблюдается, наоборот, потеря веса.

Критики всегда считали, что это было результатом манипуляций или обмана. Они были там за свой счет, и это по давно известным причинам:

- Во-первых, фальсификация металла, подобного железу, например, путем осаждения меди путем сдвига равновесия, была известна в течение длительного времени, а реализация сплава, напоминающего золото, порождает нелепые предположения. Это поставит под сомнение компетентность ювелиров или тестировщиков того времени.

Из Архимеда мы знаем, как отличить золото от любого сплава с помощью системы двойного взвешивания. Со времен античности известно также, что золото извлекают из сплава путем сопряжения, возможно, с предварительным рафинированием сурьмой.

Пробный камень позволял относительно легко и быстро дозировать. В крайнем случае, атаки кислотой или царской водкой могут иметь значение.

- Во-вторых, во время очень многих связанных трансмутаций не сам алхимик провел демонстрацию, а свидетель, знатный или ювелир, действовавший совершенно нейтрально и беспристрастно.

- В-третьих, в большинстве случаев алхимическое золото оставалось собственностью свидетелей демонстраций, некоторые из которых отказались расстаться с ним даже по высокой цене, что доказывает, если необходимо, полную незаинтересованность Адепта, предложившего эти демонстрации. ,

Есть также несколько неалхимических процессов трансмутации, которые я еще не упомянул подробно, это так называемые «особые» процессы.

Фулканелли ссылается на это неоднократно в своей трилогии. Похоже, что наиболее прибыльным из этих людей является тот, что принадлежит Базилике Валентину, и вариант которого был использован тунисским алхимиком. Сент-Винсент де Поль сообщил об этом процессе по возвращении из плена в Тунисе.

Процесс Базилика Валентина начинается с серебра, которое, вероятно, прошло предварительную обработку, связанную с алхимической серой железа и меди. Следующий рецепт представляет собой вариант золота из двух цементов, описанных Фулканелли.

Великий посвященный дает рецепт, который легко реализовать.

«Луна сама по себе имеет фиксированную ртуть, благодаря которой она поддерживает насилие огня дольше, чем другие несовершенные металлы; и победа, которую она получает, показывает достаточно, насколько она фиксирована, видя, что восхитительный Сатурн ничего не может извлечь из него или уменьшить его. Развратная Венера хорошо окрашена, и все его тело почти только окрашено и окрашено в цвет, похожий на цвет Солнца, который в силу своего обилия сильно рисует красный. Но тем более, что его тело прокаженное и больное, фиксированная настойка не может сделать его дом там, и тело улетает, настойка должна обязательно следовать, потому что последний погибает, душа не может оставаться, его дом поглощается огнем, не появляющийся и не оставляющий его без места и убежища, который, наоборот, сопровождается, остается с неподвижным телом. Фиксированная соль дает воину Марса твердое, сильное и крепкое тело, из которого вытекает его великодушие и большая смелость. Вот почему очень трудно победить этого доблестного капитана, потому что его тело настолько жесткое,

что с большим трудом его можно ранить. Но если кто-то смешит свою силу и твердость с постоянством Луны и красотой Венеры и даст им духовные средства, он сможет сделать не так плохо, но нежную гармонию, с помощью которой Бедный человек, использовавший для этой цели несколько ключей к нашему искусству, поднявшись на вершину этой лестницы и достигнув конца Работы, сможет заработать особенно хорошую жизнь. Потому что флегматическая природа Луны может быть нагрета и высушена гневной кровью Венеры, а ее великая чернота исправлена солью Марса.

В процессе, описанном наиболее известными последователями средневековья, мы видим, что железо, по-видимому, играет доминирующую роль в процессах трансмутации. Это подтверждает важность этого металла в Великой Работе, как и в большинстве конкретных процессов, что заставляет Лимоджона Сен-Дидье сказать Пирофилам, что:

«Успех, достигнутый некоторыми художниками в определенных конкретных процессах, исходит только из камня».

Фулканелли в первом томе «Дома своих философов» дает нам описание конкретных процессов, использующих серебро и железо, потому что он говорит, что железо – это металл, который больше всего связан с золотом, и мы можем легко извлечь из железа ртуть и серу, которые можно использовать в так называемых специальных процессах для получения или увеличения золота. Но медь тоже подойдет.

В процессе, описанном Сент-Винсентом де Полем, по возвращении из плена в Тунисе серебряный лист помещается между листами золота, предварительно обогащенными серой, извлеченной из железа, в присутствии флюса, возможно, содержащий селитру, смешанную с измельченным кирпичом. После прохождения от 24 до 48 часов в печи, настроенной на температуру, более низкую, чем температура плавления сплава, его затем нагревают до плавления и разливают сверкающий золотой слиток. Возвышенное золото, по словам Фулканелли, коралл всегда способен превратить определенную сумму денег в беспорядке. Хотя Фулканелли утверждал, что определенные процессы не имеют отношения к алхимии, следует признать, однако, что все археологические или спагиритовые преобразования,

Важная деталь: азот, по-видимому, играет важную роль в превращениях, так же как и в развитии Философского Камня. Это просто совпадение?

В реестре трансмутаций из так называемых частных процессов интересно отметить компании, проводившиеся параллельно, в конце 19-го века, двумя химиками. Это опыт Тифферо и Доктора Эмменса, рассказанный в любопытной работе, приписанной Дж. Маркусу де Везу, Алхимическому Золоту¹. Эти два исследователя, работающие отдельно и использующие два процесса, по-видимому, отдельные, но которые имели общий исходный металл, серебро и химическую реакцию с азотной кислотой. Им удалось преобразовать вес из серебра в золото. Эти события были подтверждены несколькими надежными свидетелями, кроме того, доктору Эмменсу удалось продать несколько слитков синтетического золота правительству Соединенных Штатов Америки.

Tiffereau, подвергая серебро, легированное медью, солнечному излучению, а затем при определенных условиях азотной кислоте, получая золото, после многочисленных манипуляций, осуществляемых попеременным воздействием и испарением азота, процесс, напоминающий к мокрой тропе Цициани. Он дважды повторил этот эксперимент в Гвагалахаре, Мексика, и превратил в золото весь использованный сплав.

По возвращении во Францию, подкрепленный его успешными успехами в Латинской Америке, он снова попробовал эксперименты на деньгах, но не добился наименьшего успеха.

Тем временем доктор Эмменс разработал смешанный процесс, механический и химический. Начав с мексиканских серебряных долларовых монет, он подверг их механическому сжатию с помощью многотонной прессы для поделок. Затем он расплавил серебро и подверг его химическому воздействию азотной кислотой. После рафинирования Эмменс извлек около 30% чистого золота, полученного в результате превращения серебра.

Существует много аналогий между процессами, описанными выше, и процессами людей, упомянутых Базилией Валентином и Фулканелли, а также мокрым процессом.

Тиффери и Эмменс использовали мексиканские деньги, которые они подвергали действию азотной кислоты, хотя и по-другому. Тиффери, который не добился наименьшего успеха во Франции, объяснил свои неудачи враждебным климатом мегаполиса, менее солнечным, чем в Мексике.

В экспериментах, проведенных Тиффери, мы отмечаем использование сплава меди и серебра, подвергнутого энергичному и многократному действию азотной кислоты. Это было на грани повторного открытия личности Василия Валентина.

Наконец, я хотел бы указать на важную деталь – использование азотной кислоты, которая встречается в очень многих так называемых «особых» процессах, так что помните о нескольких размышлениях, высказанных выше о мокром алхимическом процессе.

Поэтому уже не случайно, что в процессе трансмутации вновь обнаруживается азот. 1. Дж. Маркус де Везе, *Alchemical Gold. Ed. Du Cosmogone*, 2001, 1 Vol. Тарелка 6 *Mutus Liber* – Вторая дистилляция.

Наука и алхимия

Трансмутация элементов перестала быть химерой после открытия естественной радиоактивности, урана в 1896 году Беккерелем и радиуса Пьером и Мари Кюри в 1899 году.

В 1919 году Резерфорд испытал искусственную трансмутацию, бомбардируя атомы азота излучением радия.

Что касается естественной радиоактивности, то спустя столетие после открытия Беккереля остается много серых областей. Например, невозможно объяснить законы распада атомов, кроме как статистикой. То, что характеризует естественную радиоактивность элемента, – это его период, который представляет собой временной интервал, необходимый для потери радиоактивной массы на 50% его веса. Этот закон предусматривает, что количество вещества, трансформирующегося в любой момент, пропорционально количеству присутствующего. Таким образом, феномен следует закону случайности, закону больших чисел, случайному закону, который всегда смущает физиков.

Почему нестабильные атомы радиоактивного тела не распадаются одновременно? Тайна.

На своем уроке физики Беккерель пишет:

«Возможно, что радиоактивность является общим свойством материи. Естественно думать, что вся материя претерпевает эволюцию, но медлительность превращений или слабая энергия испускаемых частиц, которые затем избегают наших средств исследования, дают нам иллюзию стабильности».

С Эйнштейном революционные идеи эквивалентности массы и энергии перевернули бы все концепции физики. В 1932 году Чадик бомбардирует глюциний окси-частицами и получает лучи нейтрального электрического заряда, нейтроны, способные пробить тяжелые свинцовые экраны и распадающиеся атомы. Таким образом, мы продемонстрировали невероятную способность нейтрального снаряда проникать в атомы и создавать беспорядки.

После Хиросимы и Нагасаки мы наконец попытались одомашнить атом, чтобы получить энергию. Из естественной радиоактивности обогащенный уран используется для запуска процесса деления цепи и восстановления части энергии, выделяющейся в виде тепла. Ядерное деление использует колоссальные энергии, которые при плохом контроле могут привести к таким катастрофам, как Чернобыль, но, к сожалению, это также делает возможным производство обогащенных элементов, позволяющих производить атомное оружие.

Жорж Ранк¹, насколько мне известно, единственный ученый, который пытался научиться подходить к алхимии, хотя он и выдал ложные представления о процессе, как я указывал выше.

Этот бывший студент Политехнической школы в 1972 году написал книгу изданий Роберта Лаффона под названием «*La Pierre Philosophale*».

Жорж Ранк, исходя из того принципа, что Философский камень был, несомненно, достижим, изучил целый ряд металлических превращений и рассчитал значительные энергии, действующие в таких преобразованиях.

Например, во время превращения свинца в золото это показывает, что среди различных реакций, которые могут произойти, могут сосуществовать экзотермические и эндотермические реакции. Ясно, что это означает, что до тех пор, пока для термодинамического равновесия дается время, которое имеет место при трансмутации, которая длится несколько десятков минут, между реакциями, которые выделяют, может существовать сосуществование энергии и реакций, которые поглощают энергию, так что внешний вклад, который тогда считался значительным, может стать смехотворно слабым, даже бесполезным в случае равновесия.

Жорж Ранк, таким образом, выдвигает одно из самых стойких возражений официальной физики о необходимости использовать колоссальные энергии для выполнения трансмутации веса.

Затем Жорж Ранк анализирует различные тексты, в которых он делает существенные комментарии, не имея возможности объяснить алхимический процесс.

К сожалению, он не пользовался популярностью у современных авторов. За исключением Магофона или Ауригера, которых он цитирует в своей работе, «как авторов, которые могли знать теорию произведения, но, конечно, не тайну Меркурия и его анимацию», он, тем не менее, воздерживается от любых ссылок на его современники, Фулканелли, Канселиет и Клод д'Иге, как будто он не знал об их существовании. Это все равно странно, если принять во внимание известность этих авторов. Отсюда следует, что, недооценив объем работ этих современных алхимиков, он лишил себя всех ответов на вопросы, которые он не переставал задавать себе на протяжении всего своего поиска. Его исследование было усечено, и все его попытки интерпретации потерпели неудачу.

Однако мы должны отдать дань уважения этому почетному политехнику за усилия, приложенные при изучении и анализе того, что он считал наукой, и поблагодарить его за переиздание трех старых трактатов по алхимии.

Неизвестные материалы и энергии

Теперь читатель знает, что алхимические процессы приводят к материализации вещества с неизвестными в химии и физике свойствами. Однако он вправе задать себе несколько вопросов:

1 - Какое устройство позволяет определенному веществу увеличивать свою массу в десять раз без явной реакции с другими агентами?

2. Каким чудесным процессом способна ли эта субстанция размножаться в массе и силе, просто повторяя процесс, который ее породил, чтобы окончательно ориентироваться на трансмутацию простым сплавом с благородным металлом?

3 - Это новый элемент, созданный неизвестной энергией, или мощный катализатор, извлеченный из известных минералов, но свойства которого еще предстоит выяснить?

Я не могу дать точных ответов на эти вопросы, тем не менее, есть серьезные пути для изучения, но это будут только предположения.

Теоретическая физика развивается медленно, но верно. Таким образом, с момента окончания последней мировой войны мы стали свидетелями умножения открытий на фундаментальных составляющих материи.

В начале это было очень просто, были нейтроны, протоны и электроны. Чтобы быть электрически сбалансированным, атом должен был состоять из такого количества протонов (положительный заряд), сколько было электронов (отрицательный заряд). Что касается нейтронов, они состоят из электрона и протона, и их число специфично для каждого элемента, оно близко к числу протонов.

Было обнаружено, что некоторые атомы одного и того же элемента могут содержать разное количество нейтронов, их называют изотопами. Также было

обнаружено, что некоторые из этих нестабильных изотопов распадаются случайным образом, вызывая естественную радиоактивность.

Затем физики изготовили мощные пушки, ускорители частиц для бомбардировки и разрушения атомов в надежде восстановить строительные блоки материи. Затем, чтобы объяснить некоторые явления, наблюдаемые в ходе этих экспериментов, и скорректировать их уравнения, они почувствовали необходимость изобрести множество элементарных частиц, таких как кварки, бозоны, мюоны, глюоны и так далее. Сегодня список составляющих элементов материи включает не менее 24 элементов плюс антивещество, вытекающее, по-видимому, из колоссальных энергий в игре.

На этом уровне мы больше не занимаемся физикой или химией, а скорее математически-физическим приготовлением пищи. Мы даже придумываем очарованные кварки, которые не имеют отношения к алхимии или магии и не волнуются, и мы хотим соединить вселенную и материю с теорией всего, что мы попытаемся объяснить в гигантском уравнении, достаточно, чтобы удовлетворить наших математиков.

От микрокосма до макрокосма оставался только один шаг. Здесь мы находим старую алхимическую аксиому «то, что выше, похоже на то, что находится в ба, и наоборот».

Макрокосм и Микрокосм встречаются. То, что происходит внутри нейтронной звезды, квазара или даже когда коллапс суперзвезды, можно объяснить, только если у нас есть модели, описывающие физику элементарные частицы и гравитационные и электромагнитные поля. Но на этом уровне мы должны применять квантовую механику или корпускулярную механику? Как перейти от волны к тельцу и наоборот?

Астрофизики изобретательны в разработке математических моделей для описания законов, регулирующих явления материи, пространства и времени. Эйнштейн, опираясь на простую концепцию сохранения энергии-вещества, смог развить теорию Ограниченной Относительности, но у него были некоторые опасения по поводу Общей Относительности.

В самом начале физика постулировала стационарную вселенную, которая не соответствовала некоторым наблюдениям. Затем было определено, что он расширяется, но уравнения трудно, если не невозможно проверить, учитывая значительные расстояния между звездами и наблюдателями. Благодаря космическому телескопу Хаббла мы отодвинули границы видимого космоса, мы взяли на себя обязательство измерять ископаемое излучение, мы заметили несоответствия при определенном красном смещении (скольжение в сторону красного благодаря эффекту Доплера) света, излучаемого звездными объектами, удаляющимися от наша галактика).

Мы также заметили (долгое время), что не хватало материи, много материи, чтобы объяснить сплоченность галактик. Затем мы предположили существование огромных черных дыр в центре каждой галактики и существование темной материи для заполнения этих пробелов.

В то же время теоретические исследования не проводились десятилетиями. В 90-х годах безрассудные физики изобрели новую бредовую теорию, теорию суперструн, затем бран, подразумевая вселенную с десятью или одиннадцатью измерениями или даже более! Все начало вибрировать как крошечные шнуры. Мы только что изобрели теорию всего. Мы даже говорим о вакуумной энергии. Возвращалась ли концепция эфира 19-го века к работе?

У наших мастеров была теория. Где это место, которое, по словам Лимонжона, является истинным источником красителей:

«Вы не относитесь к тем, кто не знает, где философы рисуют свои сокровища, не опасаясь иссякания источника. Я ясно и недвусмысленно сказал вам, что небо и звезды, но особенно солнце и луна, являются принципом этого живого фонтана, единственного, способного управлять всеми чудесами, которые вы знаете. Что заставляет космополита сказать в его загадке, что на восхитительном острове, который он описывает, не было воды; что все, что мы пытались внести с помощью машин и устройств, было бесполезным или отравленным, за исключением того, что мало кто знал, как извлечь из лучей солнца или луны. Способ поднятия этой воды

с небес, безусловно, изумителен; это в камне, который содержит центральную воду, совершенствовать несовершенных, после завершения магистратуры. "

Второй ключ: диалог, имевший место в 1937 году между Бергье и алхимиком, рассказывается в «Утре магов».

«Можете ли вы сказать мне, из чего состоит ваше исследование», спросил Берджиер,

Алхимик ответил:

«- Вы просите меня подвести итог за четыре минуты четырех тысячелетий философии и усилий всей моей жизни. Вы также просите меня перевести на простой язык понятия, для которых простой язык не сделан. Я могу сказать вам все то же самое: вы знаете, что в официальной научной деятельности роль наблюдателя становится все более важной. Относительность, принцип неопределенности показывают вам, насколько наблюдатель сегодня вмешивается в явления. Вот секрет алхимии: есть способ манипулировать материей и энергией, чтобы произвести то, что современные ученые назвали бы силовым полем. Это силовое поле действует на наблюдателя и ставит его в привилегированное положение перед вселенной. С этой привилегированной точки, у него есть доступ к реальностям, которые обычно маскируют пространство и время, материя и энергия. Это то, что мы называем Великой Работой. "

1. Жорж Ранк, Философский камень. Париж. Роберт Лаффон, 1972, 1 том.

Библиографический указатель

АЛЛЕ, Рене, Аспекты традиционной алхимии, Париж, Ed. De Minuit, 1953, предисловие Эжена Канселие, 1 том. Alleau - инсайдер, столь же эрудированный, как и сдержанный, он руководил превосходной коллекцией алхимических литературных шедевров в 70-х годах.

ALTUS, Mutus Liber, см. Канселиет и Магофон.

ARNAULD DE VILLENEUVE, Le chemin des chemins, Milan, Arché, 1974, 1 Vol.

ARTEPHUIS, секретная книга очень древнего философа Artephuis. Paris, Ed. De l'Echelle, Bibl. Д'Алхимия № 2, 1977, 1 том.

Артефий - один из первых авторов, раскрывших настоящее название предмета искусства.

ATORENE, Алхимическая лаборатория, Париж, Ги Треданиэль Ла Мейси, 1982, 1 том. Аторен является одним из лучших современных авторов по специальности. Его книга полна хороших советов.

Барбо, Арманд, золото тысячного утра, Париж, Жаи Лу, 1970, 1 том.

Арманд Барбо безуспешно пытался разработать процесс, используя воздействие росы на верхний слой почвы. Ему все еще удавалось делать растворы коллоидного золота.

БАРХУЗЕН, Иоганн Конрад, герметичные фигуры, в Alchimie les cahiers de l'hermétisme, комментарии Франсуа Трояни Париж, Ed. Dervy, 1996, 1 Vol.

Комментатор, очень сдержанный, доволен дотошным описанием символов, не делая откровений.

БАДЕ, Фабрис, Секретные ключи химии древних, Париж, Роберт Лаффон, 1975, IVol. Содержит: секретную книгу Артефия.

Отличная работа. Фабрис Бардо - самый первый современный исследователь, раскрывший важные практические секреты.

БАРРЕНТНЫЕ КОДЕРЫ Ван Хелпен, лестница мудрецов, Милан, Arché, 1976, 1 том.

БАЗИЛЬНЫЙ ВАЛЕНТИН,

- Двенадцать ключей к философии, перевод и комментарии Эжена Канселие, Париж, Ed. De Minuit, 1968, 1 Vol.

- Триумфальный символ сурьмы, введение Сильвен Маттон, Париж, Рец, колл. Bibliotheca Hermetica, 1977, 1 Vol.

- Последняя воля, введение Сильвен Маттон, Париж, Рец, колл. Bibliotheca Hermetica, 1978, 1 Vol.

- Откровение о тайнах красителей семи металлов, Париж, Психея, 1954, 1 том.

Двенадцать ключей Basile Valentin, обогащенные благотворительными комментариями Canseliet, делают его незаменимым инструментом для герметика.

Василий Валентин остается вместе с Фламельем, Ле Космополитом, Фиалетой и Фулканелли, одним из столпов герметической науки.

BATFROI, Северин,

Алхимическая метаморфоза универсальной ртути, Paris, Guy Trédaniel, 1976, 1 Vol. Изучение фресок монастыря Cimiez (около Ниццы), о котором сообщил Канселиет.

Иллюстрации в этой книге содержат важные оперативные открытия, которые заставляют вас отправиться в путешествие в Ниццу. Давайте воздадим должное этому прекрасному современному герметику.

БЕЛИН, Дом Жан-Альберт,

Приключения неизвестного философа, сопровождаемые Апологией Великого Швра, знакомство Сильвена Маттона, Париж, Рец, coll. Bibliotheca Hermetica, 1976, 1 Vol.

БОНАРДЕЛЬ, Франсуаза, Философия огнем, Антология западных алхимических текстов. Paris, Ed. Du Seuil, 1995. 1 Vol.

Буркхардт, Тит, Алхимия, наука и мудрость. Перевод Андрея Осиповича, введение Серж Хутин, Париж, под ред. Энциклопедии Планета, 1967. 1 том.

БЕРЛЕНД, Котти Артур, Скрытые знания алхимиков. Paris, Robert Laffont, 1969, 1 Vol.

Современный писатель, который игнорирует Цилиани, Магофона, Фулканелли, Клода д'Иге, Канклиэта. Насколько это серьезно?

СAMBRIEL, Луи-Поль-Франсуа, курс философии герметики в 19 уроках. Смотри Хьюссон Бернард.

CANSELIET, Эжен,

- Два алхимических дома, Париж, EsL Jean Schemit, 1945, 1 VoL
- Алхимия, различные исследования герметической символики и философской практики. Paris, J.-J. Pauvert 1964,

1 VoL

- U Alchimie и его тихая книга, Mutus Liber. Paris, J.-J. Pauvert 1967, 1 VoL

- Три старых договора алхимии. Paris, J.-J. Pauvert 1975, 1 VoL

- У Алхимии объясняются его классические тексты. Paris, J.-J. Pauvert 1980, 1 VoL

КОСМОПОЛИТ, Новый светлый свет. Введение Бернарда Роджера, Париж, Рец, Coll Bibliotheca Hermetica, 1976, 1 VoL

Отличная классика для чтения и перечитывания.

Цилиани, Hermès обнародовал. Смотри Хьюссон Бернард.

ЕСКАРТSHAUSEN, Карл фон, Химические испытания. Париж. Психея, 1963. 1 том. Введение А. Саворета.

Это спагирико-герметичная кухня.

ESPAGNET, Жан д', Тайная работа философии Hermès.

Введение и перевод J. Lefebvre-Desagues, Paris, EP Denoël, 1972, 1 Vol.

Отличная классика. Теория подавляющая, однако разработанная практика очень богата.

ETTEILA, семь оттенков работы, Нейи-сюр-Сен. Арма Артис 1977. 1 том.

Вадис, Эгидий де, Диалог между природой и сыном философии. Париж. Ed. Dervy, 1993, 1 Vol.

EYQUEM de MARINEAU, Mathurin, Пилот живой волны. Paris, E..P. Denoël, 1972, 1 VoL

Упражнение в стиле Excel для студентов, изучающих зеленый язык.

FABRE, Pierre-Jean, Abrégés des Secrets Chymiques Paris, Gutenberg Reprint, 1980, 1 Vol.

Отличная классика.

FIGUIER, Louis, L'Alchimie et les alchimistes. Париж. Ed. Denoël, Coll. Bibliotheca Hermetica, 1970, 1 Vol.

Книга скептического автора.

FLAMEL, Николас

- Книга иероглифических фигур, «Краткое изложение», «Желаемое желание Парижа», SGPP Denoël, 1970, 1 Vol. История Эжена Канселиета.

• Произведения Николая Фламель, в которых содержатся «Живые фигуры иероглифов», «Соммар», «Живой левр», «Бревиар» Николая Фламель. Paris, Pierre Belfond 1973, 1 Vol

Фламель – великая классика, его книги так же важны, как и Фулканелли. Мне особенно нравится Breviary.

Фулканелли

• Тайна соборов и толкование герметических символов Великого труда. Paris, J.-J. Pauvert 1964, 1 Vol. 3-е издание.

• Дома философов и герметическая символика в ее связи со сакральным искусством и эзотеризмом великого труда. Paris, Jean-Jacques Pauvert 1965, 2 Vol. 3-е издание.

Третье издание включает три предисловия ученика Э. Канселиета.

Рисунки с шампанским, которые иллюстрировали первые издания, были заменены фотографиями. Четвертое издание Demeures снова включает в себя рисунки художника-герметика, друга Фулканелли и Канселиета.

GEBER, сумма совершенства. Paris, Guy Trédaniel, 1976, 2 Vol

Работа доступна только специалистам, гораздо более спагитрично, чем алхимически.

GLASER, Кристоф, Трактат по химии. Paris, Gutenberg Reprint, 1980, 1 Vol.

Spagyric работа очень интересна для начинающих.

GOBINEAU DE MONTLUISANT, см. Три трактата по алхимии Эжена Канселие, а также «Новая коллекция» Клода д'Иже.

ГРАССОТ, Луи, Свет от хаоса. Paris, Gutenberg Reprint, 1980, 1 Vol.

ГРИЛЬО ДЕ ЖИВРИ, Эмиль-Жюль,

• Лурдес, город-инициатор. Париж, ред. Традиционный 1979, 1 том.

Эта работа рекомендована Клодом д'Иже за его мистические откровения. Слабая практическая область, невозможно увидеть какую-либо связь с алхимией.

• Великая работа. Paris, ÉCL Traditionnelles 1981, 1 Vol.

Эта мистическая работа в форме стихотворения не касается практики, никакого интереса.

GROSPARNY Николас, см. Валуа Николас.

ГЕРМЕС ТРИМЕГИСТ, Изумрудный стол и его алхимическая традиция. Paris, Belles Lettres, 1994, 1 Vol.

Содержит:

- Книга Тайна творения Апполония де Тиана.
- Изумрудный Стол.
- Книга семи трактатов от Hermès Trimégiste.
- Книга ящиков.

Эти работы доступны только специалистам, коллекция содержит несколько версий La Table d'Emeraude.

ГУГИНУС К БАРМУ, Царствование Сатурна перешло в Золотой Век, за которым последовал Touchstone. Париж, ред.

Пьер Дерье, 1780, 1 том. Перевод с латыни М.П.

Отличная классика, которую Фулканелли высоко ценит Бернард Хуссон.

ХУССОН, Бернард,

• Два старых трактата по алхимии 19-го века.

Paris, Ed. Omnium Littéraire, 1964, 1 Vol.

Презентация и комментарии, содержит трактаты ниже:

- SAMBIEL, Луи-Поль-Франсуа, курс философии герметики, 19 уроков, 1843

Г.

- CYLIANI, Hermès Open, 1832.

- АНОНИМНЫЙ, Герметичный Отдых.

• Антология алхимии. Paris, Pierre Belfond 1971, 1 Vol.

Эта книга содержит, в частности:

- Франсуа, Рене, Эссе-сюр-ла-Розе. Париж. 1621.

- АНОНИМНЫЙ, Притча о Марсе, написанная Бусто Никенасом. 1619.

- ТОЛЛ, Жак, Путь к Химическому Небу. Амстердам, 1688.

- УРБИГЕР, Афоризмы. Гамбург. ^ 1705.

• Алхимические превращения. Париж. Я читал 1974, 1 том.

• Три неопубликованных текста с 17-го века. Париж, Книжный магазин Медици. 1979, 1 том.

Эта книга содержит:

- Питьевое золото древних.

- философские письма

- Золотой Завет.

• *Viridarium Chemicum*, перевод и комментарии, Париж, Librairie de Médecis, 1975, 1 том.

Благодаря Бернарду Хуссону и его комментариям, читателю удастся раскрыть многие секреты работы, в частности те, которые оставили в тени Фулканелли и его ученик.

ХУНРАТ, Анри, Амфитеатр вечной мудрости. Lyon, Paul Derain, 1957, 1 Vol.

Очень герметичные комментарии от Папюса и доктора Марка Хейвена.

LAMBSPRINK, Договор Философского Камня. Paris, EP Denoël, 1972, 1 Vol.

Также содержит:

- Пилот Живой Волны, Сюр Матюрин Эйкем. Предупреждение от Рене Алло, заметки Бернарда Роджера.

Рене Алло представляет две великие классики алхимии в одном томе.

LE BRETON, Ключи к философии Spagyric. Paris, Gutenberg Reprint, 1976, 1 Vol.

Фулканелли сделал его знаменитым благодаря одной аксиоме.

Тревисан, Бернард. Paris, Trédaniel-La Mesnie, 1991. 1 Vol. Библиографическая заметка К. Густава Бург, в ней содержатся:

• Книга естественной философии металлов,

• заброшенная речь,

• Зеленая мечта,

• Трактат о природе философского яйца.

Классический автор, отличный специалист по аллегориям и притчам.

LIMOJON DE SAINT-DIDIER, Александр Туссен, Договор о философском камне. Paris, EP Denoël, 1971, 1 Vol. Содержит:

- *Mutus Liber*, гипофиз Магофон,

- Герметический триумф, введение и примечание Эжена Канселие.

Александр Туссен - очень благотворительный и современный автор. Это ценится всеми современными авторами.

LINTHAUT, Анри де, L'Aurore, сопровождаемый l'Ami de l'Aurore. Paris, Trédaniel-La Mesnie, 1978. 1 Vol. Вступительные заметки и комментарии Бернарда Бибеля.

Анонимные

- Свет, выходящий из тьмы сам по себе. Париж. EP Denoël, 1971, 1 Vol. Введение и заметки Бернарда Роджера.

Также содержит:

- Химические афоризмы или истинная теория камня, Бруно де Ланзак.

Отличная работа, оцененная современными авторами и комментаторами.

- Старшая книга, письмо Пселлоса о хризопее. Paris, Ed. Dervy, 1993, 1 Vol.

- LEO, Irénéus, Компендиум трех химических заводов. с последующим посвящением на путь ораторского искусства. С 10 цветными фотографиями. Paris, Ed. Ramuel, 2003, 1 Vol.

- Розарий Философов. Paris, Librairie de Médecis, 1973, 1 том. Перевод, примечание и предисловие Этьена Перро.

- Изумрудный Стол, см. ГЕРМЕС ТРИМЕДЖИСТ.

- Трактат о деле философов в целом. Paris, Trédaniel La Mesnie, 1983. 1 Vol. Вводные соображения Бернарда Бибеля.

- Торф философов. Paris, Dervy 1993. 1 Vol.

- Водный Камень Мудрости или Аквариум Мудрых. Париж. La Table d'Emeraude, 1989, 1 Vol. Предисловие и перевод Клода Фридебиза.

Маркус де Везе, Жан, L'Or Alchimique. Лион, ред. Cosmogone 2001. 1 Vol.

Эта работа посвящена конкретным процессам 19 века.

MAIER, Мишель, Аталанте Беглец. Перевод Этьена Перро. Париж, ред. Дерви 1997. 1 Том.

МОНТЕ СНАЙДЕРС, Йоханнес де, Комментарий к универсальной медицине. Милан, Arché, 1977. 1 Том.

Перевод Пьера Паскаля.

Этот автор был высоко оценен Ньютоном и Бернардом Хуссоном, никогда не цитируемые Фулканелли или Канселиетом.

MORAS DE RESPOUR, Редкие впечатления о минеральном духе, Париж. Jobert, 1975, 1 Vol

PARACELSE, Четыре договора. Париж, ред. Дерви, 1992, 1 том. Содержит:

- Лабиринт странствующих врачей,
- Пять трактатов по философии,
- Книга реставрации,
- Книга долгой жизни.

ПЕРНЕТИ, Дом Антуан Жозеф,

- Mytho-Hermetic Dictionary, Paris EP Denoël, coll. Bibliotheca Hermetica, 1972, 1 Vol.

Египетские и греческие басни, Париж, La Table d'Emeraude, 1981, 2 Vol.

ФИЛАЛЕТ, Эйрен,

- Открытый вход в закрытый дворец короля. Париж. SGPP Denoël, 1970, 1 Vol.
- Опыт по приготовлению Меркурия Мудрецов для Камня Регулой Марса или Железной держащей звезды Сурьмы и Луной или Серебром.
- Правила Филалетов по ведению себя в герметической работе. Genes, Phoenix, 1979. 1 Vol.

Пиккольпасси, Киприан, Три книги гончарного искусства, Париж, Эд. Ramuel. 1 том

PLANYS-CAMPY, Дэвид де, Открытие трансмутатуры Escholle de философии, Париж. Guttenberg Reprint, факсимиле 1980, 1 Vol Уведомление В. Бибеля.

ПОНТАН, Жан, Послание философского огня. Париж. Guy Trédaniel La Mesnie, 1981, 1 Vol. Введение и перевод Бернард Бибель.

Аноним: Псалтирь Гермофилов, посланный в Филалет, за которым следует Словарь для использования юными учениками Гермеса. Издание Дерви, 1997, 1 том.

Вот отличная работа, такая же важная, как и работа Philalethes.

ПИРАЗЕЛЬ, Амброзия Солнца или Героический Камень, затем Тракто Тетльтия. Париж, ÉcL RamueE 2000.

1 том

Без комментариев.

Ранк, Жорж, La Pierre Philosophale. Париж. Роберт Лаффонт 1972, 1 том.

Содержит:

- LAMBSPRINCK, Договор Философского Камня,
- BASILE VALENTIN, Природные и сверхъестественные вещи,
- Лимонжон де Сен-Дидье, Герметический Триумф.

РИПЛИ, Джордж, Двенадцать Дверей Алхимии, Видение Рыцаря Джорджа. Париж. Trédaniel-La Mesnie, 1979. 1 Vol. Вступительные заметки и рисунки Бернарда Бибеля.

RICORDEAU, Joseph, V Œuvre au Blanc, Paris. Издание Традиционный, 1975. 1 том.

RIVIERE, Патрик, Alchimie et Spagyrie, от Великой Работы до Медицины Парацель-Кана. Ed. De Neustrie, 1988.

- Медицина Парацельса, Париж, Традиционный ред. 1988,
- L'Alchimie science et mystique, Paris Ed. De Vecchi 1990. 1 Vol.
- Фулканелли, его истинная личность раскрыта. Париж. Ред. Де Векки 1 Том.
- Алхимия и Архимия, искусство индивидуумов, Париж Эд. Де Векки. 1 том

САДУЛ, Жак, Сокровище алхимиков. Paris Denoël 1970, 1 Vol.

Отличная работа журналиста, который когда-то явно не привык к этому, отлично справляется с предметом.

STOLCIUS, Даниэль, Viridarium Chymicum или Jardin Chimique, Париж. Librairie de Médecis, 1975, перевод, записка и комментарии Бернарда Хуссона.

Чтобы научить операционному процессу через символические фигуры, мифологию и все тонкости древних, никто не мог бы сделать это лучше, чем Бернард Хуссон.

Стюарт де Шевалье, Сабина, *Философские речи о трех принципах: животном, растительном и минеральном*, Париж. Gutenberg Repint, 1982, 1 Vol.

Отличная работа, доступная для всех.

ТОЛЛИУС, Жак. *Путь к химическому небу*. Амстердам. 1688, в *Антологии Алхимии*. (См. *Бернард Хуссон*).

Тревизан, Бернард, *Слово, которым пренебрегают, Увидеть д'Иге*, Клод, в *Новой Ассамблее философов химии*.

ТРИСМОЗИН, Саломон, *La Toison d'or*, Paris, Retz, 1975, 1 Vol. Перевод и комментарии Бернарда Хуссона. Иконографическое исследование Рене Аллео.

VALOIS, Nicolas and GROSPARMEY, Paris, Retz, 1975, 1 Vol.

Содержит:

- Николя, *Ле Трезор де Тресор*,
- 5 книг или ключ к секрету секретов.

VEZE, Marcus, *L'Or Alchimique*, Lyon, Ed. Du Cosmogone, 2001, 1 Vol.

VIGENÈRE, *Предвзятость, Договор Огня и Соли*. Paris, Jobert, 1976, 1 Vol.

Д'ИЖ, Клод, *Nouvelle Assembly des Philosophes chimiques*, Paris, Dervy-Livres, 1954, 1 Vol.

Содержит:

- Выписка из 5 книг Николя Валуа,
- Извлечение из Приключений Неизвестного Философа, из Белина,
- Письменные науки всего герметического искусства (анонимно),
- Очень любопытное объяснение загадок и иероглифических фигур Гобино де Монливанта,
- Заброшенная речь Бернара Ле Тревизана.

Это превосходная антология, Клод д'Идж, несомненно, был первым учеником Канселиета, он, похоже, инициировал Бернара Хуссона.

BNP-Paribas фасад Рю Берже, Париж 9е

Фронтиспис Эрмеса Трегегиста

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Изучение и объяснение герметической символики двух парижских памятников.
Фронтиспис Эрмеса Трегегиста

Наша столица, безусловно, входит в число европейских городов, наиболее богатых произведениями искусства, особенно в отношении памятников, возведенных во славу Гермеса.

На портале бывшего *Comptoir d'Escompte de Paris*, под номером 14 rue Bergère, в здании, где сейчас расположены офисы BNP-Paribas, в самом сердце девятого округа, скульптор Эме Милле подписала настоящий шедевр. Это элегантная композиция, вид спереди которого виден с бульвара Пуассоньер, с вершины улицы Ружмонт.

Что особенно привлекло мое внимание, когда я впервые увидел эту великолепную фреску, были две носовые части корабля, расположенные по бокам с обеих сторон фронтисписа. Каждый неф на самом деле состоит из трех разных нефов, один внутри другого, и это становится яснее, когда мы смотрим на фасад в профиль, тройной неф, возникающий в элегантной проекции, кажется на плаву

тер на гирлянде из фруктов. Чтобы усилить интригу, вызванную этим мотивом, кадуцей

написано в центральной линии лука, как передний план. Наконец, последняя деталь, фигура

нос - голова Медузы. Какой тонкий способ представить алхимический тройной сосуд, связанный с предметом философии.

В работе Президента Испании можно прочитать в сто девятом каноне:

«Ваза, в которой философы готовят свои работы, имеет двойное происхождение; один из природы, другой из искусства. Ваза Природы, также называемая вазой философии, - это земля Камня, или женщины, или даже матрица, в которой семя

мужского пола принимается, разлагается и готовится для поколения. Теперь сосуд Искусства тройной, действительно, секрет готовится в тройном сосуде. "

Этот сосуд, наш Атанор, является нашей матрицей, он также представляет собой сборку материалов, ртути, серы и соли, которую мудрец должен выбрать, чтобы выполнить работу. Он также представляет состав компоста из конечной партии. Это связано здесь с кадуцей, представляющим ртуть мудрецов, узнаваемых двумя переплетенными змеями и преодолеваемых парой крыльев. Любопытно, что этот корабль, плывущий по филактерии, состоящей из тесьмы, обильно снабженной фруктами, овощами и злаками всех видов, является неоспоримым признаком изобилия.

Абсолютная утонченность, подставное лицо - одна из горгон, Медуза, та же самая, которая также появляется на груди Гермеса и которая, согласно Фулканелли, олицетворяет и благоразумие, и мудрость.

В греческой мифологии Медуза, одна из трех горгон, имела торговлю с Богом Нептун в храме Минервы. Богиня, возмущенная осквернением своего храма, затем превратила волосы Медузы в змей и дала ей силу окаменеть всеми, на кого она смотрела. Персей, используя волшебный щит, сумел отвести взгляд и отрезать ей голову. Кровь Медузы родилась Хрисаор и Пегас. Эта легенда относится к трем произведениям, из которых она представляет собой сокращение, Chrysaor вызывает хризопею.

Центральная часть фронтисписа - это изображение бога Меркурия-Гермеса, величественно возведенное на трон в обрамлении двух крепких грифонов на перемычке над тремя дверями здания. Наш прославленный персонаж в величественном образе безмятежно носит скипетр, увенчанный бронзовым петухом в его ловушке, и зеркало, украшенное змеей в сенестере, в то время как он позволяет своему предплечью опираться на гриву грифа. , Петух также символизирует философскую ртуть, и его присутствие на этой сцене не случайно.

У двух грифонов в этой композиции голова льва, что необычно. Условно, вообразители лепят для них голову орла и тело зверя с крыльями. Голова льва здесь отмечает силу, мужской принцип и изменчивость крыльев. Сборка дает гибридное, полустойчивое, полулетучее существо, грифон первой работы.

Другие детали удивительны. Посланник также несет на своем бюсте голову Медузы, переплетенную со змеями, и две ежевики украшают трон. Это повторение мотива Медузы должно скрывать важный секрет практики, то есть окончательного свертывания Камня.

Ежевика, или морские гребешки, над каждым грифоном, свидетельствуют о философском качестве ртути, получаемой каноническим способом, и указывают на то, что оператор выбрал правильные материалы.

Давайте вернемся к грифонам.

Для Фулканелли, во втором томе «Домов философов», грифон отмечает результат первой операции:

«Из битвы, которую рыцарь, или секретная сера, доставляет мышьяковой сере старого дракона, рождается астральный камень, белый, тяжелый, сияющий, как чистое серебро, и который кажется подписанным с отпечатком его благородства, коготь ... »

Далее Мастер указывает правильные пропорции:

Поэтому, если вы хотите завладеть грифином, который является нашим астральным камнем, вырвав его из мышьякового отряда, возьмите две части девственной земли, нашего чешуйчатого дракона, и одну из магнезиальных агентов, которая является этой доблестной рыцарь, вооруженный копьем и щитом ... ».

Мы уже знаем, что чешуйчатый дракон представляет стибнита, а рыцаря - железо. В алхимической криптологии стибнит имел в качестве символа крестообразный шар, этот же глобус, появляющийся на всех раскрашенных изображениях, а также на статуях пап или государей.

В конце алхимической битвы между старым Драконом и Военным Рыцарем Бернард Хуссон объясняет рабочую деталь, никогда не упоминавшуюся ранее, появляясь на иллюстрации четвертого ключа Базилики Валентин, Колеса Фортуны.

«На крестоцветном глобусе однозначно обозначен трисульфид сурьмы, а сама сурьма является его регулятором. Опрокинутый или опрокинутый крестоцветный шар

отождествляется со знаком Венеры. Василий Валентин Венера с римской богиней Фортуной, стоящей на земном шаре, с вытянутыми руками, чтобы сохранить равновесие, выражая тем самым ненадежность Фортуны. Алхимики XVII века хорошо знал эту сферу, гладкая поверхность которой скользит между пальцами художника, потому что она мокрая от лунных слез, которые оказывают на пальцы слегка едкое действие ... »

Мы должны особенно помнить квалификатор каустика, термин, который не мог бы быть более подходящим, выражая действие оксида калия, частично превращенного в гидроксид (KOH), и который находится на поверхности этого шара в конце борьба.

Он был просто щедрым, Бернард Хассон. Теперь уже никто не может сомневаться в том, что он лично пережил описанную выше фазу.

Операция Гриффона завершена, алхимик должен предпринять свержение мира (услышать переворот или, вернее, опрокидывание мяча), что оправдывает использование символа Венеры, который не следует принимать за вульгарное меди.

Когда битва двух главных героев закончится, вам просто нужно перевернуть тигель в железном конусе, предварительно смазанном маслом. Затем художник выполнит разделение, ударяя холодную форму резким ударом, чтобы собрать мерзкое трио. Он наконец может открыть дверь ко второй работе.

На композиции появляется еще одна интересная практическая деталь - зеркало со змеей. Зеркало - это иероглиф вселенской материи. Зеркало и Предмет мудрецов являются синонимами в алхимическом языке. Но символизм сложен, потому что есть двойственность, это правило в алхимии. Зеркало может символизировать как серу, так и ртуть, или и то и другое одновременно в символическом характере *Rebis*.

Для космополита, говорящего о Сере: «В его королевстве есть зеркало, в котором мы видим всех. Любой, кто смотрит в это зеркало, может видеть и изучать три части Разума от каждого, и таким образом он станет очень образованным в этих трех королевствах, как Аристотель, Авиценна и многие другие ».

Для Василия Валентина: «Все тело купороса должно быть признано за Зеркало Философской Науки. »

Но Зеркало Искусства также в своей вогнутости является эмблемой отражающей андрогинной ртути, содержащей как агента, так и пациента, о чем свидетельствует змея, вырезанная на его оборотной стороне.

В качестве орнамента по обе стороны от хранилища мы отмечаем симметрично два похоронных венка, помещенных на лавровую ветвь, подчеркивая важность капюшона в работе. Два похоронных венка информируют нас о том, что в разработках философа есть две операции, каждая из которых приводит к смертельному падению: - во-первых, в операции с грифоном, где особенно важно не отвергать шлак.

- второй капсула появляется в конце собрания, когда счастливый художник получает Пескарбула в непрозрачном футляре, грубом и красном, называемом проклятой камнем земли, бесполезным остатком, который нужно выбросить.

Под перемышкой композиции мы находим мотив кадуцея, повторенный дважды и появляющийся над крайними дверями.

На том же уровне, над центральной дверью, мы видим крылатый шлем, символизирующий улетучивание фиксированных, но также и требуемых пропорций: часть фиксированного (шлем) против двух частей летучего, крылья. Выше, выше нашего героя Эрмеса-Меркурия и у основания крыши в форме пирамиды скульптор поставил двух персонажей. Статуя слева очень похожа на статую правосудия из гробницы Франсуа II в Нантсе, которую Фулканелли подробно прокомментировал во втором томе «Дома философов». Здесь она скрыта и без меча. Завеса ставится специально, чтобы подчеркнуть эзотерическую природу символизма. То же самое профессиональное обучение исходит из закрытой книги, представляющей собой шкалу, символы весов и сырья. На обложке книги мы видим заглавную букву «Большая книга», что может быть более естественным, чем бухгалтерская книга для банковской организации?

Художник, высунув язык в щеку, хотел украсть у непрофессионала иероглиф сырья или минерального сырья, великую книгу природы, дозатор секретного

растворителя, закрытую книгу, которая в конце концов представляла сырье. шахта, которую алхимическая работа стремится облагородить, чтобы получить живую и открытую ртуть, баланс, указывающий на необходимость соблюдения весов.

Статуя справа представляет молодую раскрытую женщину, сжимающую кадучей в левой руке

Отсутствие завесы информирует нас об изменении состояния предмета искусства, которое после серии секретных операций превращается в философскую ртуть.

Использование женских символов постоянно в символике ртути, чтобы подчеркнуть пассивную и изменчивую природу этого принципа.

Фонтан Марса

Фонтан Марса

На улице Сен-Доминик, в двух шагах от Марсова поля в Париже, находится великолепный фонтан, чья вода считается превосходной, до такой степени, что многие любители со всего Парижа приезжают туда ежедневно, чтобы запастись.

Этот небольшой памятник является одним из многих курьезов нашей столицы, но причины, по которым фасад был слишком сдержанным, очевидно, не заинтриговали квидам.

Фонтан Марса, воздвигнутый под Империей на 188 улице Сен-Доминик, рядом с Эйфелевой башней, также назывался Фонтаном Военного госпиталя дю Гро Кайю.

На лицевой стороне скульптор изобразил пару полных ног Марса и Венеры enlassés.

Практически голый бог войны носит свой шлем. Он держит меч в ножнах в левой руке, в то время как его правая рука, кажется, опирается на щит, расположенный на заднем плане.

Его спутница Венера в парном платье, волосы украшены лавровым венком, держит чашку в правой руке. На его правом предплечье обернута змея.

Две другие детали привлекают внимание любителя старых камней: волна, которая молча вырисовывается за нашими двумя персонажами и которая, кажется, идет от башни на заднем плане (она может также оказаться там), и петух который стоит на щите у ног Марса.

В качестве дополнительного орнамента мы заметим, что каждый плывущий по волне, два сказочных зверя, рисунок повторяется по четырем сторонам основания здания. У этих двух животных есть тело рыбы, у одного слева голова льва, а у другого – голова барана.

Наконец, с каждой стороны, по обе стороны лицевой стороны памятника, имеется рельефная урна, на которой появляются три символа: мужчина с диском в каждой руке, женщина, бегущая с подающей надежды ветвью у рука и гном, размахивая орудием, похожим на бубен, правой рукой и держа в левой руке небольшую подающую надежды ветвь.

Задняя крышка голая.

Читатель не удивится, узнав, что этот великолепный фонтан целиком посвящен алхимии.

Давайте сначала рассмотрим символы на фасаде.

Пара Марс-Венера относится к материалам Великой Работы. Марс, планета, представляющая железо, символизирует активное вещество, мужское начало. Женщина, которая может быть связана с Венерой, но которую не следует путать с медью, символизирует женский и пассивный предмет искусства. Чтобы избежать путаницы, скульптор заставил змею появиться вокруг руки Венеры, которая посвящена богу Меркурию, женскому принципу. Петух, находящийся под защитой Марса, подчеркивает эзотерическую природу композиции. Художник, который разработал эту работу, умножил все детали, позволяющие неоспоримую интерпретацию герметического мотива, включив одну последнюю деталь, свидетельствующую о качестве агента женщины: чаша, которую Венера держит в правой руке, и кажется, предлагает бог Марс. Чашка символизирует нашу вазу,

Наша Венера, слегка одетая, представляет минерал, прошедший первую подготовку перед брачной церемонией, и Марс, практически голый, о чем неоднократно упоминал доблестный рыцарь. Бернард Хуссон показал, что одежда

персонажей, появляющихся на алхимических сценах, в большинстве случаев связана с операционным этапом и состоянием его прогресса.

Небольшая колонна, которую мы видим слегка выпуклой, в левом нижнем углу композиции, сразу за Венерой, выглядит либо как башня, к которой, похоже, движется почти стертая волна, либо, в другом случае, печь где испускаются пары. В первой гипотезе это представление следует сравнить с фреской собора Амьена, изображающей росу философов, падающих на тайную печь. Во второй возможности, которая кажется наиболее вероятной, башня относится к нашему атанору в действии, о чем свидетельствует относительно сильный дым, выходящий из нее.

Сказочные фигурки, плавающие на волнах, символизируют результат, полученный в конце орлов или сублимаций второй работы.

Действительно, это результат первой коагуляции ртутной воды, которую адепт Фулканелли, комментируя на странице 33, том II «Домов философов», описывает как таинственный, «как по своему развитию вопреки химическим законам, так и по своим неясным механизмам, загадка, которую не может объяснить самый образованный ученый и самый опытный адепт. »

Эти морские монстры имеют то же значение, что и дельфин или ремора; они символизируют ртуть в конце философских сублимаций. Весы тела рыбы, плавающие на волнах, представляют собой пересекающиеся линии, которые появляются на надлежащим образом подготовленном материале, так же, как морская волна напоминает эту косу или сеточку, которая иногда появляется на эзотерических изображениях, сравнимых с филе вулканца. кто удивил Марса и Венеру в Альдутер.

Головы льва и барана связаны с необходимым условием для начала с самого начала работы: «Это один из величайших секретов работы, и, как бы там ни было, камень камень преткновения, на котором ломается, с порога, на которого слишком давил исследователь », – предупреждает Клод д'Иге в своей Новой Ассамблее.

Для Фулканелли, «это самая деликатная фаза работы, когда первичная коагуляция камня, гладкая и легкая, появляется на поверхности и плавает на воде. Затем необходимо удвоить меры предосторожности и осторожности при применении огня, если кто-то не хочет покраснеть раньше срока и ускорить его. Вначале он проявляется в виде тонкой пленки, очень быстро ломающейся, фрагменты которой оторваны от краев, а затем сливаются, сгущаются и принимают форму плоского острова, – острова Космополит и мифическая земля Делоса, оживленная вращательными движениями и подверженная постоянным перемещениям. Этот остров – просто еще одна фигура герметичной рыбы, рожденной в Море Мудрецов, – нашей ртути, которую Гермес называет mare patens, – пилота работы, первого твердого состояния зародышевого камня. »

Символика боковых скульптур менее прозрачна. Спортсмен с облегчением, который появляется на урне для голосования, держит диск в каждой руке. Ее правый диск прокалывается в центре, это символ золота или герметичного солнца.

Второй диск, в значительной степени замаскированный левой рукой, соответствует лунному иероглифу. Эти два диска имеют такое же эзотерическое значение, как и у статуи Сен-Марселя, убивающего дракона, из которых Фулканелли провел мастерскую демонстрацию в Le Mystère des Cathédrales. Диски здесь вызывают открытые материалы, готовые доставить их активный ингредиент. Мы также найдем мотив аналогичного значения на ручках урны в виде розеток. В последнем случае это два возвышенных принципа: сера и философская ртуть.

Венера Урны раскрывается. Аллегория этой таблицы – это легкая версия того, что изображено на гравюре, иллюстрирующая второй ключ Василия Валентина: «Девственница, которая будет дана в браке, в первую очередь великолепно украшена разнообразием самой дорогой одежды, так что она радуется своего жениха и что, своим внешним видом, она зажигает в нем глубоко разжигание любви. Но когда она должна выйти замуж за своего жениха, в соответствии с использованием плотского союза, мы снимаем всю ее разную одежду, и она не оставляет ни одной, кроме той, которая была дана ей создателем. , во время его рождения. »

Хотя епископ, благословляющий магический союз Марса и Венеры, отсутствует на сцене, создатель изображения, тем не менее, не исключил солевого посредника в этой композиции. Лучше, кажется, вместо епископа появляется маленький чудовищный персонаж, задняя часть которого напоминает нижние конечности козла или козла. Может ли это быть гном?

Таким образом, спонсор этой работы прекрасно знал символику и масштабы этой операции, одной из самых секретных в процессе.

Фулканелли в своем анализе солнечных часов дворца Холлируд в Эдинбурге использует язык птиц. Он говорит, что греческий корень слова гном означает дух, разум, и он продолжает:

«Теперь гномы, подземные гении, отвечающие за охрану минеральных сокровищ, постоянно следят за золотыми и серебряными рудниками, залежами драгоценных камней, выступают в качестве символических представителей, гуманизированных фигур витального духа. металлическая и материальная активность. Традиция изображает их нам очень уродливыми и очень маленького роста; с другой стороны, их естественность сладка, их благотворный характер, их торговля чрезвычайно благоприятна. »

Далее, завершая анализ тайны, вызывая марш солнца мудрецов в философском труде, он добавляет:

«И этот марш регулируется икосаэдром, которым является этот неизвестный кристалл, Соль Разума, воплощенный дух или огонь, знакомый и полезный гном, друг хороших художников, который обеспечивает человеку доступ к высшим знаниям». древнего гнозиса. »

Нет сомнений, что это действительно тот же самый гном, символизирующий Соль Разумия, изумруд философов, то есть тайный катализатор.

Есть еще одна деталь, которая, возможно, заслуживает особого внимания: гном, кажется, пишет музыку со своим бубном, который он размахивает правой рукой. Алхимия, по сути, является синонимом Art Music для многих художников, которые достигли прекрасной гармонии. Это осторожный намек на определенные слышимые признаки принуждения.

Относительно подающих надежды ветвей, которые содержат и наш женский характер, и гнома, это намек на Драгоценный камень, который счастливый художник может рассмотреть в конце третьей работы. Слово «бутон» происходит от латинского *burgeonem*, что означает «буррио, бурра», что означает пух, драгоценный камень, росток или отвержение, что ни в коей мере не противоречит нашему предмету. Драгоценный камень или молодой росток, алхимия не считается небесным земледелием?

Наконец, одна из листовых ветвей композиции обвивается, как змея, вокруг ветви нашей богини. Создатель изображения, вероятно, хотел осторожно подчеркнуть ртутный характер богини.

Что касается урны, то она снова символизирует нашу вазу, секретный сосуд и сосуд из тельца философа, нашу глиняную вазу с пути бедняка, идеально подходящую для запатентованного искусства.

Richard TOUITOU

L'Or des Sages

Note au lecteur,

J'avais nommé le sulfure naturel d'antimoine, la Stibine ou Sb_2S_3 comme étant la matière première probable du Grand Oeuvre à la suite des recommandations non voilées de Canseliet (entre autres auteurs).

Je pense m'être trompé, un autre sulfure naturel, la Galène pourrait convenir parfaitement.

Pour le reste j'ai fait de mon mieux pour interpréter les textes et les mettre en harmonie.

En toute amitié et sincérité.

R.Touitou

Je soutiens la thèse selon laquelle la science, comme toute forme de pensée,
n'est qu'un système organisé de croyances.

Jean-Pierre PETIT

Une histoire d'Or

Nous sommes en 1924¹, la scène se déroule dans une modeste chambrette de la rue Taillepied, dans le vieux Sarcelles.

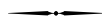
Deux personnages s'affairent en silence devant la petite cheminée, sous le regard espiègle d'un troisième compère. Tandis que l'un attise le feu avec application sous un creuset contenant une masse grise fumante, le second, un peu plus jeune, enrobe une poudre rouge sombre, dense, dans un bout de papier qu'il laisse ensuite choir avec une extrême délicatesse dans le plomb en fusion.

Un crépitement se fait entendre, comme une pétarade de feu d'artifice, immédiatement suivi d'une lueur éblouissante, presque aveuglante. Le métal en fusion émet maintenant des couleurs d'un vert chatoyant et la fumée s'estompe peu à peu au-dessus du creuset. Le jeune homme saisit le creuset à l'aide d'une longue pince métallique puis renverse incontinent son contenu dans une lingotière. Une fois l'opération accomplie, il plonge la lingotière pleine de métal vert incandescent dans une bassine d'eau préparée pour la circonstance. Un long sifflement se fait entendre et, comme un seul homme, nos trois personnages se penchent sur le lingot émergeant de l'eau.

L'or alchimique apparaît enfin, étincelant.

Le plus âgé des trois personnages, à l'aide d'un tranchet, gratte la surface du lingot pour en recueillir quelques copeaux. Il s'applique aussitôt à de mystérieuses manipulations sur la table du fond, jonchée d'éprouvettes et d'instruments les plus divers. Au bout de plusieurs minutes qui paraissent interminables, il se retourne alors, l'air complètement ébahi :

– 99,9 % de pureté ! Peut-être même davantage ! S'écrit Gaston Sauvage, ingénieur chimiste chez Poulenc.

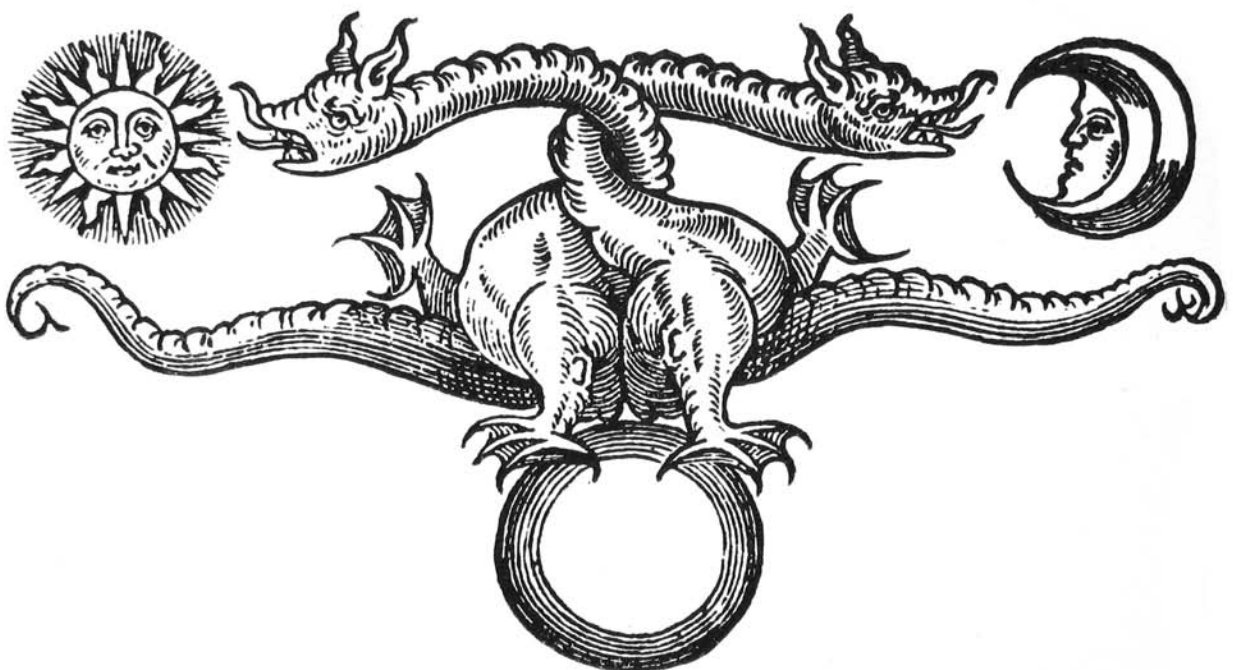
La mystérieuse poudre provenait de la provision de Pierre Philopsophale remise au jeune Canseliet par Fulcanelli.

Le troisième témoin s'appelait Julien Champagne, artiste peintre anarchiste.

Ainsi eut lieu la dernière transmutation alchimique connue du vingtième siècle et durant laquelle quelques 120 grammes de plomb furent changé en or.

1- Cette date semble plus probable que celle mentionnée par Eugène Canseliet dans "Réponse à un réquisitoire où il cite 1921 comme étant l'année de la fameuse transmutation. En effet, il apparaît que Fulcanelli n'a achevé le Grand Œuvre qu'au mieux en 1924, selon les dires même de son disciple dans l'une des préfaces du "Mystère des Cathédrales".

Les deux Dragons de la Philosophie

Avant propos

Mon tout premier contact avec l'alchimie remonte aux années soixante, jeune étudiant à l'École Technique Supérieure de Genève, je fus chargé par l'un de mes professeurs de faire un exposé complet sur l'histoire de la chimie.

Pour aborder cette recherche, je réussis à réunir facilement plusieurs bouquins intéressants sur ce vaste sujet, notre bibliothèque universitaire était fort bien achalandée. Par chance, des auteurs modernes tels que Serge Hutin et M. Caron¹ ou Mircea Éliade² avaient publié des ouvrages passionnants dans les années cinquante, cela me facilita grandement la tâche. Un siècle plus tôt, le célèbre chimiste Marcelin Berthelot³ avait entrepris un travail de recherche remarquable découlant de l'étude d'anciens documents et traités antérieurs au VIIIe siècle, les papyrus de Leyde, les manuscrits de Saint-Marc, ainsi que de vieux manuscrits d'un musée italien. Son « *Histoire de la Chimie* » peut-être considérée comme un monument d'érudition. Berthelot figure parmi les rares scientifiques à s'être réellement penchés sur les aspects positifs de la vieille *philosophie*.

Je reconnais que mes prédécesseurs m'avaient apporté une aide considérable pour la rédaction de ce mémoire couvrant plus de trente siècles d'histoire. Mon modeste exposé captiva toute l'attention de l'amphithéâtre.

Je venais de trouver une nouvelle occupation qui allait accaparer toutes mes heures de loisir pour les décennies à venir.

Je me souviens avoir ressenti une grande frustration à la suite de cette première prise de contact avec l'alchimie. Les questions se bousculaient dans mon esprit excité par une curiosité inouïe.

Qui étaient ces alchimistes ? Étaient-ils de subtils faussaires, des charlatans, ou de vrais savants ? Quel était ce processus mystérieux d'élaboration de la Pierre Philosophale ? Quels matériaux de base utilisaient les alchimistes ? Sur quels fondements théoriques se basaient les Adeptes ? Y eut-il des transmutations pondérales réussies au cours des siècles ? Pourquoi avoir dissimulé tous les secrets accumulés au cours de deux millénaires de recherche ?

Toutes ces questions semblaient ne pouvoir jamais trouver de réponses, tant ce mystérieux univers paraissait inaccessible au commun mortel et complètement anachronique. Ma curiosité était certes piqué au vif, il me fallait absolument découvrir ce qui se cachait derrière ces monuments d'énigmes, de symboles et d'allégories secrètes, accessibles seulement à une petite caste d'initiés ou d'illuminés. C'était inadmissible.

Je me fis la promesse de relever ce défi insolent afin de démonter une fois pour toute l'immense supercherie que constituait la recherche de l'absolu. Je rêvais de pouvoir révéler au grand jour les vraies facettes de l'hermétisme.

Quelle prétention !

J'avais manifestement sous-estimé cette tâche.

Il aura fallu près de quatre décennies d'investigation. Près de quarante années durant lesquelles j'ai emmagasiné une masse importante de données que j'ai classées, étudiées, disséquées, analysées et recoupées, pour finalement en extraire ce que je pensais être la quintessence.

Il m'a fallu pour cela confronter ces découvertes avec les possibilités actuelles de la chimie, de la métallurgie et de la physique, apprendre un français qui n'avait plus cours depuis des siècles et surmonter les difficultés linguistiques du latin et du grec ancien.

Cela ne suffisait pas. J'ai dû aussi mémoriser des dizaines d'ouvrages, décrypter d'incroyables énigmes, des rébus, des paraboles ou des allégories, et tout ceci pour éviter les pièges et les recettes fallacieuses créées intentionnellement pour dérouter les profanes avides et impatientes.

Je vais tenter de résumer en quelques lignes les principales constatations qui découlent de cette recherche peu commune pour un scientifique moderne. Elles seront abordées par le menu plus loin :

– il existe un nombre important d'écrits alchimiques qui ont fait l'objet de centaines de publications au cours des dix derniers siècles ainsi qu'un nombre encore plus considérable d'ouvrages inédits. La majeure partie de ces œuvres dort, du reste, dans les rayonnages des grandes bibliothèques ou des collectionneurs privés en attendant qu'un heureux artiste se décide enfin à en décrypter le contenu.

– les livres d'alchimie peuvent prendre des allures monumentales et ce n'est pas une image. Les anciens Adeptes, pour transmettre les secrets du Grand Art, ont édifié des cathédrales, des manoirs. Ils ont réalisé des statues, tissé des tapisseries, peint des tableaux, dessiné des gravures et fabriqué de nombreux objets dédiés tout spécialement à l'alchimie. Il ont fait graver des amulettes et ont sculpté des cheminées, des poêles. Des pièces et médailles d'or ou d'argent ont été frappées à l'occasion de transmutations réussies. Enfin, Fulcanelli a magistralement démontré que tous ces chefs d'œuvres sont les « livres » les plus sûrs et les plus riches en enseignement de tout le corpus alchimique.

– au cours des vingt derniers siècles, le courant alchimique, plus fort que la ruée vers l'or américaine, a touché toutes les souches de la population, hommes ou femmes de toutes confessions; des rabbins, des moines, des évêques et des papes s'y sont exercés, ainsi que des poètes ou écrivains, des artistes peintres ou sculpteurs, des médecins célèbres, des hommes de lois, des princes et des princesses, des rois et des reines, des bourgeois, des paysans, des forgerons, des gentilshommes verriers, des orfèvres, des architectes sans oublier les savants, bien entendu.

– sur une période couvrant les dix derniers siècles, on constate qu'il y a une parfaite continuité dans la définition des principes de base, des matériaux et du processus alchimique bien qu'il existe plusieurs écoles (entendez plusieurs voies). Aujourd'hui on en compte au moins quatre :

- la voie réguline (voie métallique)
- la voie antique (voie animale)
- la voie naturelle ou voie végétale
- la voie du cinabre, autre voie métallique d'origine sino-hindienne.

L'étude de ce petit essai ne concerne que la voie métallique. Je ne suis pas en mesure de ranger la voie *humide*, ne disposant d'aucune donnée précise, mais sachez que dans la plupart des processus chimiques la cinétique de réaction est accélérée lorsque la température de réaction augmente. C'est un fait scientifiquement établi ; grosso modo, la vitesse d'une réaction chimique double à chaque élévation de 10 °C. L'une des principales revendications sur la durée du processus la voie brève est donc avérée. Il peut effectivement très bien exister deux processus opératoires d'une même réaction, ou d'un même groupe de réactions, l'un lent, élaboré à température modérée, l'autre très rapide, faisant intervenir des températures bien plus élevées.

– le ou les procédés alchimiques n'ont jamais cessé d'évoluer et de s'améliorer au cours des siècles, soit pour accroître la puissance transmutatoire de la Pierre, soit pour réduire son temps d'élaboration.

– pour chacune de deux voies réguline, il y a plusieurs variantes possibles, à condition que l'on puisse concentrer « l'esprit universel » au sein du compost philosophale.

– de mon point de vue, le mercure coulant (Hg) n'est pas la Prima Materia du Grand Œuvre, bien que quelques Adeptes comme Flamel, Philalèthe, Urbiger ou Cyliani le mettent en œuvre à un certain stade du processus et où il interviendrait comme un simple adjuvant, l'hypothétique « serviteur fugitif ». Certains auteurs modernes comme Caro ou Duchesne ont travaillé sur

cette voie et publié de nombreux ouvrages. Ils affirment même avoir obtenu des résultats concrets . Je m'abstiendrai de publier le moindre commentaires sur ces procédés car je ne les ai pas personnellement étudiés.

– Fulcanelli, Eugène Canselier ainsi que bien d'autres alchimistes contemporains ignoraient apparemment tout du processus humide, affublé souvent du qualificatif *fallacieux*.

– les phénomènes décrits dans les premières préparations alchimiques sont connus et expliqués par les chimistes depuis longtemps, mais ceux des deuxième et troisième régimes échappent complètement à toute explication scientifique, ils semblent tenir du miracle.

– les figures allégoriques ne peuvent être comprises que de ceux qui travaillent au fourneau, elles sont le reflet imagé des phénomènes observables durant la coction.

– il existe, en marge du processus alchimique canonique, des procédés spagyriques ou archimiques conduisant à des transmutations pondérables. Ils ont fait l'objet de plusieurs publications, la plus complète étant celle de B. Husson⁴.

– la plupart des procédés dits « *particuliers* » utilisent des procédés dérivés du Grand Œuvre et sur lesquels ils font intervenir « *la lumière de la nature* ».

– concernant les produits chimiques utilisés par les Adeptes dans la voie métallique, deux éléments appartiennent à la même famille dans la classification de Mandéléev : l'azote, combiné dans l'un des adjuvants salins, et l'antimoine, l'un des constituants secrets. Sont-ils interchangeables ? S'agit-il d'une coïncidence ?

L'Azoth et le feu te suffisent dit l'adage. L'Azote dissimule sans aucun doute l'arcane le plus secret du Grand Œuvre.

– la coction alchimique en voie sèche au creuset procure au compost une densité incroyablement élevée et la propriété, pour la Pierre, d'être améliorée en qualité et en quantité à l'infini. L'ultime coction est jalonnée par une manifestation sonore ponctuant l'augmentation de poids et de densité, indice certain de réussite.

– l'alchimiste sur le chemin de l'adeptat a-t-il réussi à dérober le feu du ciel ? De nos jours, on parle beaucoup d'Énergie du Point Zéro dans les milieux scientifiques. L'énergie qui se concentre dans la Pierre pourrait donc provenir de cette source inépuisable découverte il y a quelques millénaires par nos prédécesseurs ?

– la phase finale de multiplication modifie graduellement les propriétés physiques de la Pierre qui tend à ne plus coaguler et à quitter l'état solide pour devenir liquide, en manifestant une phosphorescence accrue. Le passage de l'état solide vers l'état liquide laisse suggérer une transformation ultime vers l'état gazeux si les multiplications sont poursuivies...

Vous venez juste d'entrevoir une partie du savoir-faire de nos prédécesseurs ainsi que l'objet principal de leurs préoccupations. Les Adeptes prétendent pouvoir élaborer une entité chimique – la Pierre Philosophale – une matière aux propriétés inconnues de la chimie et de la physique moderne, une matière synthétique, ayant l'aspect du verre pilé, de couleur grenat sous sa forme solide, très fusible et présentant de surcroît une densité incroyablement élevée. La Pierre agirait comme un catalyseur capable de provoquer des transmutations sur des corps métalliques en fusion.

D'autres propriétés sont attribuées à la Pierre ; celle de guérir de nombreuses maladies et de prolonger la vie.

Quelle fascination a produit la simple évocation du mot « alchimie » au cours des siècles écoulés, au-delà de toute considération philosophique, mystique, paranormale ou magique ?

Est-il besoin de souligner que la transmutation est une réalité physique incontestable ? C'est bien elle qui fait fonctionner les centrales nucléaires et exploser, hélas, les bombes atomiques.

La transmutation est une propriété naturelle de la matière radioactive qui se dégrade selon un processus lié à une probabilité spécifique de l'élément, lequel processus appartient à la Mécanique Quantique et échappe aujourd'hui encore à toute explication rationnelle.

La science postule que des transmutations massives ne peuvent être provoquées sans mettre en jeu des énergies colossales. Ces arguments ne sont pas convaincants et les accélérateurs de particules n'ont pas encore épuisé la totalité de leur ressources. Les mystères qui entourent l'atome sont donc loin d'être tous résolus.

Nous abordons aujourd'hui une nouvelle ère et la physique tente désespérément d'expliquer l'atome à l'aide de la Mécanique Quantique, et l'univers, avec la théorie de la Relativité. Les savants sont confrontés avec un problème dimensionnel, concernant deux univers diamétralement opposés : d'un côté l'infiniment petit, de l'autre, l'infiniment grand, deux concepts apparemment inconciliables.

Dans le microcosme, la recherche fondamentale est une entreprise de démolition très efficace. On casse la matière pour expliquer ce qu'elle est, dans des collisionneurs de plus en plus grands et de plus en plus puissants. Est-ce la bonne méthode ?

Dans les chambres à bulles, on a trouvé vingt-quatre particules élémentaires. Elles ne sont que les résidus des collisions, des débris d'atomes que l'on suppose être les constituants de base. C'est un peu léger. Pour valider ces résultats, pour prouver les théories échafaudées durant un demi-siècle, il faudra un jour faire la preuve expérimentale de la réversibilité des phénomènes observés, c'est-à-dire reconstituer les atomes détruits à l'aide de leurs débris. C'est un pari difficile à tenir.

Dans le même esprit, avec la théorie des cordes en cours de constitution, on a fabriqué un être purement mathématique pour expliquer l'atome ou la particule : une corde vibrante de longueur infinitésimale, la longueur de Plank. Le plus embêtant c'est qu'il n'y a pas encore de contrepartie expérimentale et cela relègue cette théorie au rang des simples curiosités, après plus de deux décennies de recherches et d'investigations.

Enfin, les recherches actuelles menées sur l'énergie du vide, la matière sombre, l'antimatière et la fusion froide, si elles aboutissent, pourront sans aucun doute, accréditer les théories empiriques des anciens Philosophes.

L'alchimie est une discipline plus proche de la physique du solide, de la métallurgie et de la... cosmologie, que de la chimie. Les principes de bases reposent sur la mise en œuvre d'un nombre restreint de matériaux qui, sous certaines conditions, sont capables de capter et d'accumuler une forme inconnue d'énergie, un peu à la manière dont se charge un condensateur électrique, mais en lui conservant son caractère spécifique, indéterminé. C'est cette énergie qui permettra à la Pierre Philosophale d'opérer les transmutations.

Les processus physiques mis en œuvre par les alchimistes ont la possibilité de modifier profondément la structure de l'atome. La poudre de projection non orientée résultant de ces processus serait en outre dotée de surprenantes propriétés thérapeutiques.

Quels sont ces matériaux et quelle est cette énergie inconnue ? Quelles techniques ont développé les alchimistes pour réaliser le Grand Œuvre ?

Les réponses à ces questions fondamentales ont été disséminées dans l'immense corpus alchimique que les Adeptes nous ont légué pour ne pas que cette science se perde. Ils nous laissent croire que leurs écrits sont accessibles à tous mais ils sont exclusivement réservés à d'autres Adeptes.

Heureusement, quelques Maîtres de l'Art, à la suite de l'imposant héritage laissé par Fulcanelli, ont eu la courtoisie de déposer de nombreux jalons pour nous permettre de retrouver la voie.

-
1. M. Caron et S. Hutin, *Les Alchimistes*, Paris Éditions du Seuil, 1959. 1 vol.
 2. Mircea Heliade, *Forgerons et Alchimiste*, Paris . 1 vol.
 3. Marcelin Berthelot , *Les Origines de l'Alchimie*, G.Steinheil Editeur 1885.
 4. Bernard HUSSON, *Transmutations Alchimiques*. Paris. Éd. J'ai lu, 1974, 1 Vol.

CHAPITRE I

Un peu d'histoire

Plusieurs tentatives pour situer les origines de l'alchimie dans l'espace et le temps ont été faites ces trois derniers siècles. Parmi les plus sérieuses recherches, on notera l'étude de l'abbé Lenglet-Dufresnoys¹ en 1742, de Marcelin Berthelot² en 1885, celle de Serge Hutin et M. Caron³ en 1951 et 1959 respectivement, et enfin celle du philosophe-historien Mircea Heliade⁴.

Il me semble opportun de réparer plusieurs grossières erreurs, inlassablement répétées, souvent à cause d'idées préconçues, mais quelques fois résultant d'études superficielles.

Tout d'abord, il faut négliger dans cette recherche historique, toute considération relative aux alchimies chinoise et indienne, trop récentes, et fort éloignées de la tradition hermétique européenne, tant au niveau théorique que pratique.

La plupart du temps, la majorité des hermétistes et bon nombre d'historiens, Berthelot et Fulcanelli exceptés, ont attribué des origines égyptiennes ou grecques à l'alchimie, ceci en raison probablement de l'irruption très tôt dans les croyances du mystérieux personnage que représente Hermès, plus divinité que dignitaire ou prêtre mésopotamien, exilé, selon la légende, en Égypte. De plus, les innombrables références à Platon, Aristote ou Démocrite faites par plusieurs auteurs arabes ou chrétiens n'ont pas peu contribué à répandre cette erreur fréquente qui consiste à situer le berceau de l'alchimie en Grèce.

Marcelin Berthelot, dans son « *Histoire de la chimie* » expose une analyse très critique de ces méprises :

« Si les alchimistes se sont rattachés à Hermès, s'ils lui ont dédié le mercure, matière première du Grand Œuvre, c'est que Hermès, autrement dit Toth, était réputé l'inventeur de tous les arts et de toutes les sciences. Platon en parle déjà dans ses dialogues, tels que le Philèbe et le Phédon. Diodore de Sicile fait remonter à Hermès l'invention du langage, de l'écriture, du culte des dieux et celle de la musique ; de même la découverte des métaux, celle de l'or, de l'argent, du fer en particulier. Hermès paraît avoir personnifié la science du sacerdoce Egyptien. C'était le Seigneur des divines paroles, le Seigneur des écrits sacrés.

Oui mais Berthelot a omis de préciser ici que le mythique Hermès n'était pas égyptien mais... babylonien.

Ainsi, contrairement aux idées reçues, il n'a jamais pu exister de tradition alchimique typiquement égyptienne. Sans remettre en cause le génie égyptien, il importe de savoir que les secrets « jalousement » gardés par les prêtres égyptiens ne concernaient que des procédés métallurgiques relatifs au travail et à la fonte de l'or, de sa falsification et de son doublage, ainsi que des recettes de fabrication de colorants, d'émaux et de bases chimiques pour les techniques d'embaumement. Certaines de ces techniques sont d'ailleurs clairement exposées sur des fresques tombales.

En approfondissant l'histoire des civilisations sumériennes, une autre hypothèse concernant l'origine de l'alchimie apparaît ainsi plus plausible, la filière mésopotamienne. Les tablettes d'argile de Ninive nous ont appris que les sumériens cultivaient les sciences au moins quatre mille ans avant notre ère. Ils maîtrisaient les mathématiques, l'astronomie, la métallurgie, la chimie et surtout l'écriture servant à transmettre et conserver la connaissance. Le peuple hébreu originaire de mésopotamie, en émigrant vers l'Égypte 2000 ans avant notre ère a importé vers l'Ouest cette culture d'un niveau scientifique le plus élevé au monde pour l'époque, ainsi que les techniques des arts du feu dont la transmission se faisait de père en fils et tout ce qui permettra de tisser la trame de cette alchimie en train de se propager dans le bassin méditerranéen.

Les premières opérations chimiques pour purifier l'or, comme la coupellation, par exemple, furent utilisées au moins 3000 ans avant notre ère, au nord-est de l'Asie Mineure, par les

Babyloniens. On retrouve du reste des allusions précises à l'affinage de l'or dans l'Ancien Testament, ainsi qu'un traité Juif très ancien, écrit en hébreu, « *l'Aesh Mesareph* » ou *le feu d'affinage*.

C'est également dans l'Ancien Testament qu'apparaissent les premières références au fer et à sa métallurgie, autre élément fondamental dans l'élaboration de la Pierre Philosophale.

D'autre part aucun papyrus ou hiéroglyphe, se rapportant à une véritable alchimie égyptienne avant Ptolémée et Cléopâtre, n'a été découvert à ce jour.

Berthelot a fait une étude exhaustive des papyrus de Leyde, découverts dans un tombeau de Thèbes, et il évoque avec conviction la filière juive :

« Ainsi, écrit-il, dans le papyrus n° 75 de Reuvens figure une recette alchimique, attribuée à Osée roi d'Israël. Dans d'autres papyrus de la même famille, on lit les noms d'Abraham, Isaac, Jacob, le mot Sabaoth et plusieurs passages se rapportant aux Juifs.

Le papyrus n° 76 renferme un ouvrage magique et astrologique, intitulé : le Saint livre, appelé la huitième Monade de Moïse, la clef de Moïse, le livre secret de Moïse. Les noms et les souvenirs juifs sont donc mêlés aux sciences occultes, à l'époque des premiers écrits alchimiques, c'est-à-dire vers le IIIe siècle de notre ère. »

En Égypte antique ne fleurissaient que des recettes de falsification de l'or et de l'argent. Ce n'était pas de l'alchimie.

Le manuscrit de Thèbes, rédigé vers 350 ans avant notre ère, est également le premier document qui décrit les façons d'imiter ou d'augmenter l'or et l'argent de même que l'art de contrefaire les pierres précieuses.

Les faussaires avaient appris empiriquement avec les arts du feu que l'apparence extérieure de la matière pouvait être modifiée à volonté, laissant une part importante à la superstition pour expliquer ce qui restait mystérieux à leurs yeux.

Du sable on tirait le verre, de la galène le plomb et ainsi de suite par des techniques relativement simples, à l'aide de réactifs d'acquisition facile et banalisés à ces époques. Ainsi, on pensait que, pour transformer du plomb en or, par exemple, il suffirait de trouver le moyen d'en augmenter la densité et d'en changer la couleur à l'aide d'un réactif approprié.

Mais il ne s'agissait là en aucun cas de techniques alchimiques.

Vers 340 avant J.-C., Aristote, disciple de Platon, élaborait sa physique de la qualité et du quaternaire des éléments ainsi que des principes sur l'évolution de la matière. Avec la diffusion de ces théories révolutionnaires s'instaure durablement l'ère des néoplatoniciens. Les faussaires opportunistes se mirent alors à explorer les comportements de la matière sous toutes les coutures et en exploiter les propriétés au mieux, dans le dessein de réaliser des imitations d'or et d'argent. Pour atteindre leur but, ils réalisèrent une synthèse complète des arts du feu et finirent bientôt par devenir de très bons généralistes, peut-être les premiers vrais chimistes de l'histoire des sciences.

Les apprentis faussaires étaient devenus des savants, en quelque sorte, n'hésitant pas à se lancer dans des opérations hasardeuses, à manipuler des produits toxiques ou explosifs pour fabriquer des alliages ayant l'apparence des métaux précieux. Les fraudes étaient devenues monnaie courante car les procédures d'analyses fines n'étaient praticables que dans des ateliers dotés d'équipements sophistiqués pour l'époque. Parallèlement s'établirent progressivement toutes les bases de notre chimie.

Au IIe siècle avant J.-C., Archimède mit au point un moyen simple pour détecter les alliages d'or frelaté : la double pesée, première méthode d'analyse rapide non destructive qui vit ainsi le jour.

L'alchimie qui poursuit son développement entre-temps n'a cependant que peu de rapports avec les générations des faussaires évoqués plus haut. Les principes dont elle relève sont plus nobles, ils dépassent la simple portée de la chrysopée, la transmutation n'étant que l'indice final de la réussite.

Cette science qui nécessite la maîtrise de techniques très élaborées, n'a pas pu naître spontanément, comme celle de la production du verre par exemple. Il lui aura fallu de nombreux siècles de tâtonnement et de perfectionnement qui se poursuivront certainement jusqu'à la Renaissance.

Trois conditions devaient être réunies pour permettre l'émergence de l'alchimie et surtout le développement des voies métalliques :

- la parfaite maîtrise des arts du feu, des fours et des matériels de la pyrotechnique,
- la connaissance des techniques d'extraction minières et métallurgiques, ainsi que des techniques chimico physiques d'enrichissement des minerais,
- la connaissance des matériaux nécessaires pour accomplir le Grand Œuvre, et leur propriétés chimico-physiques.

En remontant le temps, il nous sera donc possible d'établir un calendrier précis :

- les découvertes de l'antimoine et du cuivre remontent à 4000-5000 ans avant J.-C.
- les techniques de purification de l'or ont été développées environ 3000 ans avant J.-C.
- le fer est essentiel au processus alchimique, les premiers objets en fer météorique datent de 1900 ans avant J.-C. tandis que l'âge de fer, à proprement parler, ne date que du 13e ou du 14e siècle avant J.-C.

On peut donc estimer que plusieurs siècles ont dû s'écouler depuis le début de l'âge de fer, avant que les techniques alchimiques ne s'affinent et n'arrivent à maturité.

L'alchimie embryonnaire n'a donc pu voir le jour, au mieux, que douze ou treize siècles avant notre ère.

Dans l'Exode biblique, Berthelot a noté ce passage très révélateur des techniques métallurgiques utilisées par les Hébreux: « *Et l'Éternel dit à Moïse : J'ai choisi Beseleel, prêtre de la tribu de Juda, pour travailler l'or, l'argent, le cuivre, le fer et tout ce qui regarde les pierres et les travaux du bois, et pour être le maître de tous les arts...* »

« *...Puis viennent une série de recettes purement pratiques, placées sous le patronage de Moïse et de Beseleel. On sait que ce dernier est donné dans l'Exode comme l'un des constructeurs de l'Arche et du Tabernacle. Il y a dans tout ceci une attache rabbinique, et comme un premier indice des sources et des doctrines secrètes de la franc-maçonnerie au moyen âge.* »

Cette dernière remarque relative à la franc-maçonnerie est très pertinente. Qui ne connaît ce délicieux morceau de poésie attribué au roi Salomon, le Cantique des Cantiques ? Il s'agit du premier poème alchimique allégorique, qui a du reste été déjà signalé par Fulcanelli. La matière première apparaît sous les traits d'une belle déesse noire aux seins voluptueux...

Les légendaires mines du roi Salomon n'ayant jamais été découvertes, la tentation serait forte d'attribuer une origine alchimique à la richesse de Salomon.

Ensuite, il y a un grand trou de plusieurs siècles dans notre chronologie. Peu d'écrits, pas de papyrus ni de parchemins. Les manuscrits alchimiques de cette période auraient-ils été tous détruits lors de l'incendie qui ravagea la grande bibliothèque d'Alexandrie, sous le règne de César ? C'est très probable. Mais fort heureusement, une tradition orale a permis de sauvegarder cet héritage jusqu'à la période aristotélicienne, lorsque la théorie des quatre éléments se fait jour.

Qui donc va contribuer à diffuser les nouvelles idées alchimiques à partir de cette époque ?
Les Juifs, une fois de plus.

Selon Marcelin Berthelot : « *Le rôle attribué aux Juifs pour la propagation des idées alchimiques, rappelle celui qu'ils ont joué à Alexandrie, lors du contact entre la culture Grecque et la culture Egyptienne et Chaldéenne. On sait que les Juifs ont une importance de premier ordre dans cette fusion des doctrines religieuses et scientifiques de l'Orient et de la Grèce, qui a présidé à la naissance du christianisme. Les Juifs Alexandrins ont été un moment à la tête de la science et de la philosophie.* »

Ainsi, on retrouve de nouveau les Juifs, juste au moment où l'alchimie amorce le dernier virage, il a quelques 2300 ans environ. Il ne faut pas oublier que les premiers écrits alchimiques qui nous sont parvenus ne remontent qu'au IIe siècle de notre ère, alors que des recettes de fausses saires circulaient trois ou quatre siècles avant notre ère.

Un manuscrit ancien, le Livre des Mystères, attribué à un certain Apollonius de Tyane, va circuler de mains en mains jusqu'au Xe siècle au moins, il figure parmi les traités les plus hermétiques de l'histoire de l'alchimie. Apollonius de Tyane serait un personnage fictif, selon Fucanelli qui pense que, sous ce pseudonyme, se cache le secret de fabrication du mercure philosophique (Apollonius se rapportant au Soleil et Tyane, c'est-à-dire Diane, à la Lune). Quoiqu'il en soit, des auteurs arabes attribuent également à ce personnage controversé, la rédaction de la Table d'Émeraude, le plus ésotérique, le plus édité et le plus commenté des condensés du Grand Œuvre.

Les alchimistes arabes ont mis au rang des adeptes plusieurs philosophes grecs, comme Pythagore, Archelous, Socrate, Olympiodore, Platon, Aristote, Porphyre, Galien ainsi qu'un mystérieux Bolos dit le Démocrate de Mendes. Ils les considéraient, à tort, comme leurs précurseurs.

Mais il importe de noter que le premier manuscrit d'alchimie pratique connu est attribué à Myriam la Juive qui aurait vécu vers le IIIe siècle, à Alexandrie (Les historiens la prénomèrent Marie, une mauvaise adaptation occidentale de ce beau prénom toujours en usage de nos jours).

Myriam inventa le fameux « bain Marie », donna la description de nombreux appareils de laboratoire, dont certains sont encore utilisés de nos jours, vases sublimatoires, alambics et athanors.

A propos de l'athanor, il faut rectifier une erreur relative à l'origine de ce mot qui vient de l'hébreu et non pas de l'arabe comme on aurait tendance à le croire : *ha-thanour* signifie littéralement « le four ». En Arabe on aurait plutôt dit « *al-tanour* », mot dérivant de toute façon de l'hébreu. Les éditeurs de dictionnaires de la langue française qui reproduisent systématiquement ce type d'erreur devraient pourtant le savoir. Il ne faut pas oublier que l'hébreu est antérieur à l'arabe de plusieurs siècles et que les arabes ont emprunté quantité de mots à l'hébreu ancien, ce qui explique mais sans la pardonner, cette confusion. La racine ternaire des mots de la langue arabe est elle aussi calquée sur celle de l'hébreu, de même que l'absence de voyelles dans l'alphabet se retrouve dans la langue arabe écrite. Ceci étant dit, de très nombreux mots empruntés à l'arabe sont restés dans notre langage courant, comme par exemple l'alambic (*al inbic*) ou l'alcool (*al kohol*). Nous verrons plus loin que le mot « *alcohol* » recèle l'un des arcanes majeurs du Grand Œuvre.

Mais revenons à Myriam la Juive qui est citée dans l'encyclopédie El Firhist de l'arabe Al Nadim. El Firhist révèle que Myriam aurait initié Zozime le Panopolitain à l'alchimie, malgré l'avertissement qu'elle lui fit : « *Comment oses-tu toucher la Pierre des Philosophes, toi qui n'est pas de la souche d'Abraham ?* » Ce passage démontre bien qu'il existait au début de notre ère des groupes d'initiés juifs qui cultivaient l'alchimie plus ou moins ouvertement.

Myriam jouissait d'un excellent crédit auprès des philosophes Arabes. Elle était considérée comme une disciple ou *fille* de Platon par Al Nadim, qui marquait ainsi son estime pour l'al-

chimiste juive. Elle serait donc bien l'auteur du tout premier véritable manuscrit alchimique, (*véritable manuscrit alchimique* par opposition aux manuscrits des auteurs de recettes de faussaires, de magie ou de sorcellerie que j'exclus résolument de cette étude).

À partir du IVe siècle, l'École d'Alexandrie avec Zozime comme initiateur et ses disciples, le Pseudo-Démocrite, puis Synésius ainsi que Olympiodore, prend de l'ampleur dans le bassin méditerranéen. De nombreux laboratoires alchimiques fonctionnent à cette époque dans tout le delta du Nil. On retrouvera du reste la trace de plusieurs manuscrits alexandrins cités également dans l'encyclopédie d'Al Nadim.

Puis l'alchimie commence à se répandre dans le milieu chrétien juste après la période du schisme judéo-chrétien, c'est à dire vers 325 après J.-C.

Ensuite, vers la fin du IVe siècle, le fanatisme des moines chrétiens soulevés par l'archevêque Théophile provoquera l'anéantissement de l'École et de la Bibliothèque d'Alexandrie, ainsi que la destruction de la plupart des laboratoires de chimie alexandrins, celui du magnifique Sérapéum de Memphis compris.

Ce fut une très grande perte pour la civilisation et un recul pour le développement des sciences.

Vers le VIIe siècle, Morien, disciple d'un alchimiste nommé Adfar, enseigne l'art sacré au prince arabe Chalid ibn Jazid, et dès lors, selon Serge Hutin, l'alchimie fut cultivée parmi les communautés mystiques de l'Islam et surtout par les Soufis.

La grande invasion musulmane d'Afrique du Nord et d'Espagne favorisera certainement le courant alchimique en Europe. De grands personnages comme Chalid, Rhases et Avéroès ont laissé une empreinte profonde au Moyen Âge, comme en témoignent de nombreux textes. Mais tous ces personnages ne peuvent être mis au rang des adeptes, ni même des alchimistes.

Rhases (Abu Bakr Muhammad ibn Zakariyya al-Razi), tout comme Avicennes, fut un médecin renommé.

Avicennes ne crut pas les transmutations possibles.

Enfin Averoès fut un vrai philosophe humaniste dans toute l'acception moderne du terme. On notera qu'il entretenait aussi des relations privilégiées avec le grand rabbin Maïmonide.

Artéphius, alias Al Tohgra'i, est certainement le plus savant de tous les alchimistes arabes, et peut-être même le plus grand adepte du Moyen Âge. Précurseur de Flamel et de Basile Valentin, son manuscrit, « *Le livre secret du très ancien philosophe Artéphius* » est un traité moderne d'une grande valeur didactique, écrit en langage à peine voilé. Il aurait vécu au douzième ou au treizième siècle.

En ce qui concerne le grand Geber, Jabir ibn Haiyan, sa « *Somme de la perfection* » apparaît comme un ouvrage très moderne de chimie ou de spagyrie, écrit en latin... deux à trois siècles après sa mort. On n'a jamais trouvé d'original écrit en arabe.

Force donc est de constater qu'il y eut peu d'Adeptes arabes en dehors d'Artephuis, de Calid ou Rases. En vérité, il y a peu de textes alchimiques arabes intéressants, en dehors des habituels traités de magie ou de spagyrie. Aurait-il existé un corpus alchimique arabe secret dont on aurait perdu la trace, faute de traducteurs ou d'un lectorat avisé ?

Le transfert du savoir-faire aux chrétiens semble plutôt avoir eu lieu d'une manière tout à fait indépendante de l'invasion islamique, entre le IXe et le XIIe siècle, (il précède de peu l'explosion de l'Art Gothique en Europe), juste au moment des croisades.

Quelle autorité a pu transmettre l'imposant savoir-faire aux croisés à Jérusalem ? D'où viennent les connaissances qui ont permis l'édification et la prolifération des cathédrales entre

le douzième et le quatorzième siècle en Europe, ainsi que les messages alchimiques à peine codés transcrits sur des vitraux, des statues et des fresques sur les grands portails des cathédrales de Paris, Amiens et Chartres ou Tolède ? Les explications de Fulcanelli⁵, qui voit l’empreinte du catholicisme et de la religion chrétienne dans tout ce qui touche à l’alchimie, sont trop partisans. Les secrets de ces transferts sont peut-être enfouis dans quelque obscure cave du Vatican.

Dès le douzième siècle l’alchimie européenne va très rapidement se structurer pour prendre une nouvelle dimension jusqu’à la Renaissance.

L’alchimie n’a jamais été figée, immuable comme d’aucuns le soutiennent, au contraire, les procédés vont s’affiner au fur et à mesure que les traités alchimiques se répandent dans toute l’Europe avec l’invention de l’imprimerie et des caractères mobiles. Désormais, l’alchimie sera cultivée dans toutes les souches de la population, et des savants de grand renom vont marquer cette époque : Jehan de Mehung, Arnaud de Villeneuve, Nicolas Flamel, en France, Basile Valentin et Henri Khunrath en Allemagne, Ripley, Norton et Crémer en Angleterre, et puis Sethon alis le Cosmopolite, Philalèthe.

Parallèlement, des Adeptes, ou leurs émissaires, déploient de constants efforts dans les capitales européennes afin de démontrer l’efficacité de leurs poudres de projection et la réalité alchimique. Les témoignages abondent et de nombreuses médailles sont frappées pour commémorer des transmutations publiques ou privées.

Le déclin de l’alchimie s’amorcera dès le XVIIIe siècle, avec l’ère des grands chimistes. Il ne subsistera plus que très peu d’initiés et encore bien moins d’Adeptes comme Cyliani au XIXe siècle et Fulcanelli au premier quart du XXe siècle.

Fort heureusement, de grands hermétistes comme René Alleau, Claude d’Ygé, Eugène Canseliet, Bernard Husson et Atorène nous ont laissé un précieux héritage d’œuvres philosophiques très peu voilées, rare legs de cette importance dans toute l’histoire de l’alchimie.

Aujourd’hui, à l’ère de la conquête spatiale, les partisans de l’alchimie n’ont pas dit leur dernier mot. Ainsi on dénombre, pour la seule France, plusieurs milliers « d’amateurs de l’art » et certainement quelques centaines d’alchimistes œuvrant secrètement dans leur cave.

Ces nouveaux « artistes » sont très modernes. Leurs athanors fonctionnent au gaz ou à l’électricité, leurs fours sont équipés de régulateurs électroniques, de capteurs de température, et ils sont maintenant capables d’analyser et de comprendre les mécanismes qu’ils font intervenir dans les opérations qu’ils déclenchent.

Phénomène de civilisation, le transfert d’information se fait maintenant via internet et il y a des sites sur lesquels on peut télécharger d’innombrables et précieux ouvrages alchimiques, très peu diffusés auparavant, et quelques forums où s’échangent les idées.

Petite chronologie Alchimique

Avant J.-C

20000 - 10000

Découverte des premiers colorants dans les peintures rupestres de Lascaux.

5000 - 4000

Découverte du cuivre (Tello) et de l'antimoine (Sumer), l'or étant déjà connu.

4000 - 3000

Début de l'âge du bronze. En Egypte on embaume les morts.

3000 - 2500

Invention des techniques de purification de l'or par coupellation en Babylonie.

1900 - 1800

Utilisation du fer météoritique.

1350 - 1250

Début de l'âge du fer.

800 - 700

Fabrication d'objets en verre, émaux, utilisation de sels antimoniaux, d'oxydes de cuivre, cobalt, étain.

350 - 320

Rédaction du manuscrit de Thèbes relatif à l'art d'imiter l'or et les pierres précieuses.

Aristote élabore sa physique des quatre principes et de la «*matéria prima*».

200

Archimède invente la méthode dite de double pesée, première analyse non destructive pour déterminer avec précision la densité des solides.

Après J.-C.

200 - 300

Marie la prophétesse (Myriam) enseigne l'alchimie à Zozime. Dioclétien interdit l'alchimie et fait brûler tous les livres traitant de transmutation.

400 - 500

Les Byzantins composent de vastes compilations d'ouvrages attribués à Marie, Zozime, Synésius, Olympiodore.

500 - 600

Les Chrétiens d'Alexandrie détruisent la grande bibliothèque ainsi que la plupart des laboratoires sous l'autorité dévastatrice de l'archevêque Théophile.

650 - 700

Morien, hermite romain, enseigne l'alchimie au prince arabe Chalid ibn Jazid qui publiera «*Le livre de Cratès*».

Calid rédige «*Le Livre des Mystères*».

720 - 800

Jabir ibn Hayyan (Geber) décrit les sels d'arsenic et de mercure.

900 - 950

Rhases expérimente le minium, la litharge, l'orpiment et élabore des sulfures métalliques.

Avicennes dans son «*Kitab as Sifa*» déclare que s'il est possible d'imiter l'or et l'argent, la transmutation n'est pas envisageable.

Al Nadim publie l'encyclopédie «*Kitab al Fihrist*».

1100

Découverte du bismuth, de l'acide sulfurique.

Artéphius, auteur arabe, signe son traité majeur.

1182

Robert Castensis rédige le «*Liber de compositione alchemiae*».

1200 - 1250

Michel Scott dédicace son «De Secretis» à son maître, l'empereur Frédéric II.

Albert le Grand étudie l'action de l'acide nitrique sur les métaux, prépare des sels de potasse.

1247

Roger Bacon invente la poudre à canon.

1260

Saint Thomas d'Aquin reprend la philosophie aristotélicienne de la « materia prima », mais ne cultive pas l'art sacré.

1310

Arnault de Villeneuve opère une transmutation devant la Curie romaine, il publie « Le Chemin des Chemins ».

Guillaume de Lorris et Jehan de Mehung écrivent « Le roman de la Rose », chef d'œuvre de la poésie alchimique.

D'autres alchimistes de renom ont marqué cette époque : Petrus Bonus (de Ferrare) (*la bonne pierre de fer*), Jehan de Ruspessica, L'Ortholain, John Cremer...

1312

Raymond Lulle et son homonyme, rédigent une demi-douzaine de petits traités. La « Clavicule » décrit un procédé *particulier* dans lequel l'argent et l'acide nitrique jouent un rôle très important, il réalise une transmutation en Angleterre.

1382

Nicolas Flamel opère une transmutation du mercure en or le 25 avril 1382

Il rédige notamment :

« Le Livre des Figures Hiéroglyphiques », « Le Livre des Laveures », « Le désir désiré », « Le Sommaire Philosophique » et « Le Bréviaire ».

1400 - 1500

Nicolas Valois, Nicolas Groparmy et Vicot achèvent le Grand Œuvre en 1420.

Jehan de la Fontaine publie « La Fontaine des Amoureux de la Science ».

Basile Valentin établit la série de tous les sels d'antimoine et élabore des médicaments contre les maladies vénériennes. Il rédige les « douze Clefs de la Philosophie », « Le Traité des choses naturelles et surnaturelles », « Le Char triomphal de l'Antimoine ».

Bernard le Trévisan édite deux livres: « La Philosophie naturelle des métaux » et « La Parole délaissée ».

Georges Ripley, alchimiste anglais, religieux augustin, publie le « Livre des douze Portes ».

1500 - 1600

Agricola rédige le premier traité de minéralogie « De Re Metallica » en 1530.

Augurelle écrit un poème célèbre « La Chrysopée ».

Blaise de Vigenère rédige un imposant traité du Sel et Salomon Trimosin publie son « Splendor Solis ».

Paracelse s'inspire de Basile Valentin pour affermir la notion du troisième principe (le Sel) et occupe la première chaire de chimie à l'université de Bâle.

Denis Zachaire rédige « La vraie Philosophie naturelle des métaux »

Edition en latin du traité anonyme « L'Art de faire de l'or, qu'on appelle chimie ».

Kelley et Jean Dee réalisent des transmutations publiques en Allemagne et en Angleterre.

1600 - 1700

Sethon, adepte écossais, plus connu sous le pseudonyme du Cosmopolite, est emprisonné par le duc de Saxe, Christian II, pour avoir refusé de révéler le secret de la Pierre Philosophale. Il s'évade grâce à un gentilhomme polonais, Sendiviogus, et laisse en héritage un grand classique : « La nouvelle Lumière Chimique ».

Stolcius fait paraître en latin le « Viridarium Chymicum »

Le président d'Espagnet rédige « L'arcane hermétique des philosophes », œuvre d'une surprenante érudition.

Clovis Husteau de Nuysement rédige ses poèmes alchimiques.

Jean-Baptiste Van Helmont, médecin et chimiste flamand découvre le gaz carbonique, invente le thermomètre et réalise une transmutation à l'aide d'une poudre que lui remit un inconnu.

Pierre-Jean Favre rédige son traité « Abrégé des secrets chimiques ».

Henri Khunrath, médecin alchimique, compose « L'Amphithéâtre de l'éternelle Sagesse » et Valentin Andreea ses « Noces Chymiques »

Maier Michel fait paraître « Atalante Fugitive » et « Chansons intellectuelles sur la résurrection du Phénix »

Huginus à Barma publie « Le règne de Saturne changé en siècle d'or ».

Philalèthe, adepte américain, rédige le traité le plus populaire de toute l'histoire de l'alchimie : « L'Entrée ouverte au Palais fermé du Roi ».

Isaac Newton étudie l'alchimie et expérimente au fourneau.

Limojon de Saint Didier commente le traité intitulé « L'Ancienne Guerre des Chevaliers » dans son « Triomphe Hermétique ».

Helvétius réalise une transmutation en 1667, grâce à une poudre remise par un adepte au nom bizarre d'origine hollandaise, Elia Artista.

Barent Coenders Van Helpen fait paraître son traité à Groninge, « L'Escalier des Sages ».

En Angleterre, Robert Fludd systématise les doctrines rosicrusiennes et fait une émule en Allemagne : le cordonnier Jacob Boehme.

1700 - 1800

Georges Stahl invente la théorie du phlogistique.

Bruno de Lansac (B.D.L.) commente les merveilleux chants de Marc-Antoine Crassellame « La Lumière sortant par soi-même des ténèbres ».

Dom Pernety rédige son « Dictionnaire Mytho-Hermétique ».

Un auteur anonyme rédige en 1732 l'excellent traité intitulé « Récréations Hermétiques ».

1800 - 1900

Louis-Paul-François Cambriel publie son « Cours de Philosophie Hermétique en 19 leçons ».

Cyliani réalise une transmutation à froid du mercure en or et dédie à la postérité son « Hermès Dévoilé ».

Albert Poisson rédige « Théories et Symboles des Alchimistes ».

1900 - 2000

Pierre Dujol, ami de Fulcanelli, fait paraître son « Hypothypose », (commentaire des planches du « Mutus Liber » de Jacob Sulat).

Fulcanelli, dernier adepte connu, lègue deux chefs d'œuvres de la littérature alchimique à son unique disciple, E. Canseliet : « Le Mystère des Cathédrales » et « Les Demeures Philosophales »

Claude d'Ygé, disciple de Canseliet, publie sa « Nouvelle assemblée des Philosophes Chymiques ».

Eugène Canseliet, l'auteur alchimiste le plus prolifique du XXe siècle nous lègue un important héritage : « Deux logis Alchimiques », Commentaires des « Douze Clefs de la Philosophie » de Basile Valentin, « Alchimie », Commentaires du « Mutus Liber », « Trois Anciens Traités d'alchimie », « L'Alchimie expliquée sur ses textes classiques ».

Eugène Canseliet a également préfacé les œuvres de nombreux auteurs contemporains.

René Alleau, auteur de « Aspect de l'alchimie Traditionnelle », dirige une collection d'ouvrages alchimiques inédits dans les années 70.

Bernard Husson, grand initié, hermétiste hors pair, excellent multilinguiste, historien de surcroît, nous lègue de précieux commentaires sur plusieurs ouvrages réédités : « Deux traités Alchimiques du XIXe siècle », « Anthologie de l'alchimie », « Verger Chymique » (traduction de l'ouvrage en Latin ; Viridarium Chymicum), ainsi qu'un petit livre intitulé « Transmutations Alchimiques ».

Atorène, ami et disciple de Canseliet, excellent praticien, publie une étude de portée pratique incontestable : « Le Laboratoire Alchimique »

Et nous signalerons enfin la généreuse contribution de Deux Auteurs contemporains dont la réputation internationale n'est plus à faire.

De 1961 à 1992, Roger CARO, alias Kamala-Jnana, 58e Impérator de Frères Aînés de la Rose+Croix, nous a légué avec ses "Maîtres" de Vréhappada, plusieurs ouvrages Alchimiques incomparables sur la voie du Cinabre qu'il connaissait parfaitement.

- Dictionnaire de Philosophie Alchimique. 1961
- Pléiade Alchimique. 1967
- Tout le Grand Oeuvre Photographié. 1968
- Concordances Alchimique. 1968 (Plus d'autres titres)
- Chez: <http://perso.orange.fr/cabanis/>
Aux éditions de Massanne.

~~Depuis 2002, Pierre DUCHESNE, Supérieur du Sanctuaire des Fils D'Hélios Adam, nous offre de son côté, des ouvrages d'une portée considérable dans la voie du Cinabre ouverte depuis 1961 par Roger CARO.~~

- ~~- Alchimie, les Vraies Lumières de l'Oeuf de la Philosophie Hermétique~~
 - ~~- Panorama Photographique du Grand Oeuvre~~
 - ~~- Deux Grands Trésors de la Philosophie Hermétique Sacrée.~~
 - ~~- Petits Trésors Philosophique~~
- ~~Auprès de l'Association Hélios Adam: <http://heliosadam.alchimie.free.fr/>~~

Alchimie et religions

Nous venons de voir que l'alchimie n'était pas d'origine purement égyptienne, mais plus vraisemblablement babylonienne. Il est évident que l'apport juif a été décisif dans le développement de cette science jusqu'au Ve siècle de notre ère, époque à partir de laquelle Chrétiens et Arabes ont repris le flambeau.

Jusqu'au VIIIe siècle, l'alchimie était surtout une discipline métallurgique qui mélangeait arts du feu et superstitions en étroite corrélation avec des pratiques chamaniques séculaires. La déviation hermétique, spirituelle ou philosophique qui interviendra ensuite est le fait de l'intrusion continue des courants mystiques et religieux chrétiens et peut-être aussi en partie musulmans (soufis), à partir du début du Moyen Âge.

Cette infiltration mystique se remarque surtout dans la partie spéculative et pseudo-théorique des traités hermétiques, car c'est elle qui rend incompréhensibles tous ces ouvrages à connotation fortement religieuse, *la partie pseudo théorique n'ayant aucun rapport avec le processus opératoire.*

C'est pourquoi tous les chercheurs et historiens modernes, sans réaliser les études approfondies que mérite ce sujet ni son expérimentation pratique, ont aussitôt rangé l'alchimie dans la catégorie des curiosités mystico-spirituelles. Ils ont ainsi retiré toute portée scientifique et matérielle à l'alchimie.

Cependant, si certains alchimistes mystiques ont voulu spiritualiser cet art, mêlant pratique et religion, ils l'ont fait, non pas pour voiler ce qui était déjà suffisamment obscur, mais plutôt pour revendiquer l'appartenance à une certaine élite, à des sectes ou à des sociétés secrètes, comme celles des Rose-Croix et des Franc-Maçons par exemple.

Cette constatation est confirmée par M. Caron et S. Hutin, qui écrivent : « *au XIVe et au XVe siècle l'alchimie européenne tendra à se constituer en gnose secrète, prétendant donner une interprétation hermétique des dogmes du christianisme.* »

Dans cette galerie d'auteurs mystiques, on peut ranger Mynsicht, Khunrath, Valentin Andree, Fludd, Jacob Boehme, Maier, Grillot de Givry, auteurs ou hermétistes illuminés des XXe et XXIe siècles.

Ces mystiques ont construit un pont entre l'alchimie et la religion chrétienne pour cautionner une vision sectaire de l'hermétisme, à l'exemple de certains de leurs précurseurs comme Grillot de Givry par exemple.

Pour ces auteurs, l'alchimie est la concrétisation du message évangélique et voici comment ils développent leurs concepts :

- la matière première est assimilable à la Vierge sans tache qui doit enfanter,
- la calcination se rapporte à la mort du Christ et au *mystère de la croix* (la croix figurant le creuset) et le fer, utilisé pour la réduction du minerai, symbolise quant à lui les trois clous de la crucifixion, ou la lance de Longin,
- la purification ou sublimation de la matière est assimilée à la résurrection du Christ,
- le ternaire des principes alchimiques (mercure, soufre et sel), est comparé à la Sainte Trinité.

Pour la secte des Frères de la Cité d'Hélios (FCH) créé par le disciple de Fulcanelli, l'alchimie est un don de Dieu (*donum dei*) réservée à une élite méritante que la foi fervente et le travail au fourneau vont récompenser.

Doit-on comprendre que musulmans, juifs ou agnostiques sont tout simplement exclus du cercle des Adeptes ? C'est bien fâcheux pour les véritables précurseurs et fondateurs de l'antique Philosophie, des non chrétiens qui sont les seuls inventeurs de cette science et les seuls

vecteurs du progrès, en Europe et jusqu'au premier millénaire, tout au moins.

Pour quelle raison faut-il faire subir un racisme insidieux, une discréditation intellectuelle aux précurseurs des sciences modernes ? C'est d'autant plus ridicule que les promoteurs de ce racisme ont allègrement piraté tous le savoir faire de ceux-là même qu'il excluent de leurs sphères.

La vérité, ainsi que l'a démontré Berthelot, c'est que l'alchimie s'est constituée progressivement à partir de fondements établis sans doute en Mésopotamie dans la haute antiquité, exportés et développés par les Juifs dans le bassin méditerranéen, puis enfin diffusés par les Arabes au Moyen-Âge. Alors pourquoi ce « hold up » religieux stupide ?

Il faut mettre un terme à ce piratage intellectuel grotesque. ***L'alchimie n'est en aucun cas une religion et n'appartient à aucune religion particulière.*** C'est un Art et une discipline scientifique. Comme tous les arts, l'alchimie est universelle. Si des imagiers, au Moyen-Âge, ont immortalisé les doctrines hermétiques sur les murs, les vitraux et les statues des cathédrales gothiques, c'est afin de séculariser les techniques opératoires de l'ancienne *chymie* et non pas pour servir à des fins de propagande religieuse d'un genre douteux. Au Moyen-Âge, les grands maîtres ont utilisé la mythologie grecque et égyptienne ainsi que l'allégorie et la cabale, avec beaucoup d'esprit, et ils ont fait preuve d'une singulière érudition pour voiler leur enseignement. Ainsi, Dom Pernety a longuement expliqué dans les *Fables grecques et égyptiennes dévoilées* et dans son *Dictionnaire Mytho-hermétique*, les relations associant le processus du Grand Œuvre aux fables de la mythologie ancienne. Cette idée avait été émise déjà par le savant Jacques Toll, vers 1635 et c'est également ce qu'explique l'érudit Bernard Husson dans « *Anthologie de l'Alchimie* ».

La technique de cryptage mythologique utilisée par les anciens Maîtres consistait à associer, à chacun des matériaux du Grand Œuvre, un personnage, un animal fabuleux ou une divinité. Les fables mettant en jeu les acteurs ainsi définis, étaient censées représenter une ou plusieurs des phases opératoires du processus alchimique. Les travaux d'Hercule, la quête de la Toison d'Or avec l'odyssée des Argonautes allégorisaient toutes les opérations requises pour obtenir la Pierre Philosophale. Dans le bestiaire alchimique on reconnaîtra le Griffon, symbolisant le résultat de la première conjonction, l'Hydre à sept têtes qui figurent les sept Aigles ou sublimations philosophiques et le Phenix, emblème de la Pierre achevée, renaissant de ses cendres. On notera surtout, qu'il n'est pas nécessaire d'invoquer des personnages issus d'une quelconque religion, pour voiler le processus alchimique.

Mentionner et crypter les différentes phases au fourneau ne suffisait pas, il fallait également jalonner le processus de repères aisément identifiables par les disciples.

Afin que les secrets ne se perdent pas, les anciens maîtres ont eu l'amabilité de signaler les nombreux indices qui apparaissent au cours des régimes. Ce sont, par exemple, des couleurs, l'aspect physique de la matière, une odeur, une marque distinctive ou quelques fois un son.

Le cryptage mythologique représentait un moyen de camouflage puissant : divulguer pour que les secrets ne se perdent pas, mais voiler pour qu'ils ne tombent pas entre des mains indignes, telle était l'une des principales préoccupations des Adeptes.

La richesse des fables de l'Antiquité et toutes les combinaisons possibles avec l'allégorie ou la cabale hermétique permettaient la diffusion des secrets de manière à transmettre la connaissance uniquement aux érudits et intellectuels qui possédaient les bonnes clefs, celles de la *langue des oiseaux*, la *cabale hermétique* ou l'*argotique*, comme l'a démontré Fulcanelli.

Mais l'apprentissage de tous ces styles de cabale et de langage ésotérique ne suffit pas. En vérité, il faut que le chercheur poursuive inlassablement l'expérimentation au fourneau, afin d'établir le lien entre le symbolisme alchimique et les métamorphoses du compost.

Alchimie et Spagyrie

On a souvent confondu l'alchimie, branche qui traite de la transmutation des métaux et de la recherche de la Pierre Philosophale, et la spagyrie, ancêtre très probable de notre chimie moderne. Fulcanelli⁴ a soutenu, avec raison, et développé cette thèse, dans « *Les Demeures Philosophales* ».

La spagyrie est surtout concernée par les développements pratiques et concrets au laboratoire et utilise des matériaux banalisés, alors que l'alchimie préconise l'emploi de matériaux *canoniques* de propriétés secrètes, et fait intervenir des énergies inconnues, conventionnellement dénommés « *esprits* », dans certaines réactions. La spagyrie est la branche qui touche à l'élaboration de médicaments à partir d'extraits végétaux, organiques ou minéraux. Elle intervient dans les procédés de fabrications industrielles (teintures, savons, sucre), dans la métallurgie (purification des métaux et réalisation d'alliages), et l'industrie du verre. Si de nombreuses transmutations spagyriques ont été relatées dans le passé, elle furent de portée limitée, sur des substrats spécifiques, préparés par des procédés particuliers, c'est-à-dire non alchimiques.

Une autre branche, selon Fulcanelli, s'occupait également de transmutations, l'archimie ou l'archidumie. Un des artisans de cette branche aurait été formé par un savant tunisien. Il s'agit de Vincent de Paul, d'abord esclave puis affranchi, qui revint en Europe avec une recette infailible pour fabriquer de l'or à partir d'argent en feuille soumis à l'action d'une mystérieuse poudre. Ce procédé ressemble étrangement à ceux développés par l'américain Emmens et le français Tiffereau⁵.

L'apprentissage de l'alchimie passe obligatoirement par celui de la spagyrie. Aucune manipulation au laboratoire n'est possible sans la connaissance parfaite des propriétés chimiques des matériaux mis en œuvre. Cette précaution reste valable de nos jours, à cause des dangers d'empoisonnement ou d'explosion que court l'impétrant. A ce propos il serait bon de consulter l'excellent ouvrage de Lemery⁶.

Alchimistes ou souffleurs ?

Le corpus alchimique compte de nombreux ouvrages incomplets, tronqués, inachevés ou altérés. Il comporte également un nombre incroyable de livres écrits par des faux alchimistes, brillants illusionnistes, en un mot des souffleurs qui ont copié le style et les expressions des grands maîtres. Ces ouvrages sont un réel danger pour les non initiés, car outre les inutiles pertes de temps et d'argent pour ceux qui tentent de reproduire les expériences alambiquées, les risques d'explosion ou d'empoisonnement par les émanations toxiques pour avoir appliqué littéralement de fausses recettes, sont, hélas, monnaie courante.

Lorsqu'on évoque les anciens manuscrits ou grimoires alchimiques, il ne faut pas croire qu'ils constituent une possibilité instantanée de vulgarisation. Ces textes sont chiffrés, codés, truqués, ils n'ont été rédigés que pour des initiés. Très souvent ils comportent des rébus ou des anagrammes plus ou moins faciles à déchiffrer ou dont la signification a quelque fois été dévoilée par un commentateur charitable. Dans d'autre cas, il s'agit de résoudre de véritables énigmes dont le sens ne peut être révélé que si l'on a acquis soi-même la parfaite maîtrise du magistère au laboratoire.

Un des aspects les plus extraordinaires des illustrations alchimiques, se rapporte au caractère didactique du symbolisme, qui est le reflet imagé du point de doctrine incriminé. René Alleau⁴ a eu une phrase admirable : « *En alchimie, dit-il, tout ce qui est symbolique est observable, de même que tout ce qui observable est symbolique* ».

Pour comprendre les symboles alchimiques, il faut avoir soi-même expérimenté au four.

C'est tout simplement frustrant. Comment se repérer dans un fatras de mots ou d'expressions très imagées, poétiques et irrationnelles comme « *la lascive Vénus, les embrassement des Colombes de Diane, l'Esprit de Mercure, le Mercure Philosophale, le Mercure Philosophique, le Mercure des Sages, le Mercure des Philosphes, le Mercure simple, double ou triple, le Mercure des Mercures, l'or philosophique, l'Eau Pontique, l'Eau sèche qui ne mouille pas les mains...* » ?

Comme plusieurs branches de notre ancienne chimie ont cohabitées au cours des siècles avec l'alchimie, les confusions volontairement entretenues dans les terminologies utilisées, rendent encore plus difficiles les tentatives d'investigations.

Ce n'est pas tout, il n'y a pas qu'un seul et unique processus alchimique. Il existe plusieurs procédés permettant d'aboutir à des transmutations pondérales. Ces procédés dit « *particuliers* », par opposition au processus alchimique dit « *universel* », sont quelquefois mis en œuvre. Ces « *particuliers* » sont pour la plupart élaborés à l'aide des matériaux propres à l'œuvre, mais ne suivent pas l'intégralité du processus alchimique. Ils donnent, en règle générale, des résultats plus médiocres sur le plan quantitatif et qualitatif. Quant aux processus purement alchimiques, il existe deux voies avec quelques variantes — que contestent par ailleurs certains adeptes par envie ou par méconnaissance.

Comment expliquer cette manie de crypter les opérations alchimiques ? Les lointains précurseurs, babyloniens, juifs, grecs, chamanes reconnus ou élevés au rang de grands prêtres et souvent protégés par les empereurs et rois de ces époques, par stratégie politique ou économique, inventèrent des cérémonials religieux ainsi que des jargons réservés à leur caste, pour chaque domaine scientifique dont ils conservaient jalousement les secrets. Par prudence, il fallait à tout prix empêcher toute vulgarisation assimilable à un sacrilège et éviter que des secrets ne tombent entre des mains ennemies. Selon Mircéa Éliade, ces cérémonials incluent aussi bien le choix de certains mois pour fondre des alliages, en fonction du zodiaque, que le sacrifice d'animaux et les incantations chamaniques. En tout état de cause, il apparaît certain que les alchimistes sont les inventeurs de la cryptographie.

Les techniques d'élaboration ainsi que les théories hermétiques s'échafaudaient au fur et à mesure que de nouveaux procédés étaient expérimentés ou mis au point. Bien entendu, à défaut de tout système rationnel d'évaluation, on procédait par analogie en traçant des parallèles entre les trois règnes, animal, végétal et minéral.

Au tout début de l'histoire de l'alchimie, il y eut vraisemblablement beaucoup de faussaires et de charlatans qui tentaient de fabriquer des alliages imitant l'or ou l'argent et qui falsifiaient les titres des monnaies avec plus ou moins de bonheur. On trouve un nombre important de manuscrits, grimoires ou autres ouvrages contenant des recettes complètement farfelues, n'ayant absolument rien en commun avec l'alchimie. Ainsi, par exemple, ce livre intitulé le Petit et le Grand Albert, faussement attribué à Albert le Grand reste un modèle du genre.

Les « transmutations » attribuées à ces souffleurs ne trompaient pas grand monde. Au Moyen-Âge, la pierre de touche permettait rapidement de déterminer avec une bonne précision le titre de l'or et la technique de la double pesée était connue depuis longtemps déjà. D'ailleurs, les Adeptes ne se gênaient pas pour dénoncer les fraudeurs et mettre leurs lecteurs en garde contre ces pratiques.

Une des fraudes les plus courantes et que dénonçaient les Adeptes, consistait à faire précipiter le cuivre d'une solution aqueuse par une lame de fer, aussitôt apparaissait un nuage de précipité doré ayant l'apparence de l'or. De nos jours de telles propriétés sont utilisées par des prestidigitateurs dans des tours faisant encore illusion.

Il convient aussi de retenir qu'un grand nombre d'ouvrages sont attribués, à tort, à de vrais alchimistes, même s'ils sont l'œuvre d'auteurs renommés, et que d'autres, non moins nombreux, ne traitent que de procédés particuliers.

1. FULCANELLI, *Le Mystère des Cathédrales*, troisième édition, Paris Jean-Jacques Pauvert, 1964. 1 vol. Trois préfaces d'Eugène Canseliet.
2. Eugène CANSELIET, *Alchimie, études diverses de symbolisme hermétique et de pratique philosophale*. Paris, J.-J. Pauvert 1964, 1 Vol.
3. Claude d'YGÉ DE LABLATINIÈRE, *Nouvelle Assemblée des Philosophes Chymiques*, Paris, Dervy Livres 1954, 1 Vol.
4. FULCANELLI, *Les Demeures philosophales et leur rapport avec l'art sacré et l'ésotérisme du Grand Œuvre*, troisième édition, Paris Jean-Jacques Pauvert. 2 vol. Trois préfaces d'Eugène Canseliet.
5. VEZE, Marcus, *L'Or alchimique*, Lyon, Éd. du Cosmogone, 2001, 1 Vol.
6. LEMERY, Nicolas, *Cours de chymie, avec ses applications en médecine*, Paris, Houry, 1757, 1 vol.

*Laboratoire de chimie du XVIIIe siècle.
Les équipements de ce laboratoire sont tous issus de la recherche alchimique.*

CHAPITRE II

Initiation au XXIe siècle

Pour un premier contact avec l'alchimie, il est indispensable de commencer par lire les Fulcanelli¹, même si, au premier abord, on est étonné du caractère abstrait de son enseignement. Contrairement à bon nombre d'auteurs ésotériques, Fulcanelli est un écrivain passionnant à lire, son style est d'une pureté inégalable et il manipule le verbe comme les plus grands auteurs classiques.

Qu'on ne se méprenne surtout pas, si Fulcanelli est un expert qui maîtrise langues, sciences et techniques, son habileté extraordinaire force votre imagination à envisager toutes sortes de processus souvent éloignés de la vérité hermétique. Comme la plupart des auteurs, l'Adepté Fulcanelli écrit sous le sceau d'Hermès dans le plus pur respect de la tradition, .

En revanche, son unique disciple, Eugène Canseliet², d'un commerce beaucoup moins direct, au style plutôt emphatique, emprunté aux siècles précédents, s'est appliqué cependant à dispenser un enseignement considérable, sans détours, impossible à dénicher ailleurs.

Une fois l'étude des Fulcanelli et Canseliet entreprise, lorsque l'on pense enfin avoir acquis enfin une connaissance satisfaisante de la *Philosophie Alchimique*, la démarche suivante consiste à combler les vides laissés intentionnellement par le grand Maître et son disciple.

Fulcanelli, tout au long de ses surprenantes démonstrations qui ne sont évidentes que pour les hermétistes chevronnés, cite, pour appuyer ses dires, des passages entiers de textes empruntés au corpus alchimique, afin d'exciter la curiosité du lecteur et de le pousser à découvrir les secrets cachés chez d'autres auteurs. Instinctivement, vous tenterez de consulter tous les ouvrages qu'il vous aura indiqués, pour compléter les informations volontairement tronquées. Quelle sera alors votre déception ! Si vous débutez, vous ne trouverez souvent rien qui ne soit digne d'intérêt, tout au plus de vagues indices éparpillés çà et là, de quoi vous faire trépigner de désarroi. Il faut être bien naïf pour penser qu'un Adepté puisse vous permettre de découvrir les secrets, que lui-même a mis des lustres à percer, et qu'il a soigneusement dissimulés, en vous dirigeant vers ses confrères, obéissants à la même discipline.

Au demeurant, vous savez maintenant que tous les Philosophes écrivent sous le sceau du secret, que tous leurs livres sont fermés et, fort heureusement, un livre peut souvent en ouvrir un autre. Lorsque vous accomplirez ces escapades littéraires qui contribueront à compléter vos connaissances, vous vous accoutumerez au langage des anciens. C'est ce que le grand maître a trouvé de mieux pour votre formation. Vous apprendrez vite à raisonner comme un alchimiste, et c'est là l'unique moyen pour progresser dans cette discipline d'une autre époque quand on ne dispose pas d'un bon initiateur.

Afin d'économiser un temps précieux, le débutant a tout intérêt à se procurer des ouvrages publiés par de bons auteurs contemporains, comme Claude d'Ygé³, Bernard Husson⁴ ou Atorène⁵. Il se rendra vite compte que plus on s'enfonce dans le passé, plus l'assimilation des textes est ardue. Un détail important : la connaissance, même basique, des langues mortes comme le latin ou le grec ancien, est un atout majeur en cet art. Au fil des années, l'amateur accumulera une collection importante d'ouvrages. Il se trouve fort heureusement de nombreux éditeurs charitables, qui font resurgir régulièrement du passé des chefs d'œuvres et traités classiques de la *Chymie des Anciens*. Le mot charitable, dont l'usage en matière d'alchimie s'est banalisé, est tout à fait approprié. De nos jours on ne peut pas s'enrichir en éditant des livres tirant à moins de mille exemplaires. Saluons au passage la longue chaîne de ceux qui contribuent à perpétuer l'Antique Tradition, auteurs, traducteurs, commentateurs, éditeurs et libraires.

Après avoir lu et relu les Fulcanelli et les Canseliet, il faut tôt ou tard s'attaquer au plat consistant que représente toute la littérature alchimique des siècles passés. Comment définir les critères de choix dans un domaine où les critiques littéraires brillent par leur absence ? J'avoue

avoir acheté quelques dizaines de bouquins absolument vides de tout enseignement, simplement parce qu'ils étaient cités par un autre auteur ou parce que le titre semblait très prometteur. D'une part, ce ne sont pas quelques lectures réitérées d'un traité qui permettront d'en tirer la substantifique moelle et, d'autre part, il est impossible de juger un livre ésotérique uniquement en parcourant quelques pages. Il faut donc considérer que c'est le prix à payer pour compléter cet apprentissage.

Ce qu'il importe également de savoir, c'est que l'on est très souvent dérouteré par la lecture de textes complètement hermétiques et à l'examen desquels on serait tenté de conclure hâtivement qu'ils n'ont aucun rapport avec l'alchimie. Les auteurs de ce type d'ouvrage se font plaisir avec des effets de style afin d'épater le lecteur. Cette littérature résiste à tous les examens tant elle est obscure. Comme je pense l'avoir déjà souligné, certains livres ont été écrits par des prétendus initiés ou des mystiques fréquentant d'étranges sectes. C'est certainement le cas des deux livres de Grillo de Givry⁵, l'un intitulé « *Le Grand Œuvre* » et l'autre « *Lourdes* ». Leur étude ne permet d'y retirer aucun enseignement positif. Le premier livre ressemble plus à un recueil de prières qu'à un traité d'alchimie, le second est entièrement dédié au culte marial. Cependant il faut être honnête, le « *Musée des sorciers, mages et alchimistes* » de cet auteur est un ouvrage digne d'intérêt.

Défiez-vous également des auteurs qui, feignant d'écrire sous le manteau du philosophe, propagent des théories fallacieuses. Par de subtiles suggestions, ils vous feront douter de vos connaissances et perdre tout le savoir que vous aurez péniblement acquis. Évitez également de vous laisser entraîner dans des manipulations dangereuses et ne tentez rien si vous n'avez pas de solides bases en chimie, vous risquez de mettre votre vie et celle de vos proches en danger.

Un hermétiste du début du siècle dernier, le Docteur Marc Haven⁶, supposé commenter la réédition du *Mutus Liber* aux éditions Chacornac, en 1914, jura qu'il avait tout compris du message laissé par Altus, quinze planches en l'occurrence très mal reproduites. Ce soi-disant commentateur, prétextant ne pas vouloir transgresser le serment d'Harpocrate, conseilla au lecteur de « lire, lire et relire etc. » les 15 figures du *Mutus Liber*. C'est très original, car c'est justement cette légende qui se trouve à la fin de l'ouvrage concerné.

Fort heureusement, les mêmes planches, magnifiquement rééditées en 1967 chez Jean-Jacques Pauvert, seront cette fois-ci brillamment éclairées par les explications du philosophe et savant contemporain, Eugène Canseliet⁷. Cette digression a pour but de vous montrer comment on peut être abusé même par des gens qui se prétendent être des philosophes.

Il y a d'excellents auteurs dans le corpus alchimique couvrant la période du Moyen Âge au XIXe siècle. Parmi ces nombreux auteurs, il importe de retenir ceux qui, en plus de la réputation d'Adeptes accomplis, poussent la générosité jusqu'à partager leur savoir-faire.

Pour le lecteur curieux, voici une liste d'auteurs réputés, par ordre alphabétique.

Altus ou Sulat Jacob - Arnauld de Villeneuve - Artéphijs,
Aurach, Georges - Barrent Cœnders Van Helpen - Basile Valentin - Belin, Dom - Jean-Albert - Le Cosmopolite, alias Alexandre Sethon - Cyliani- D'Espagnet, Jean - Du Bonai, Jean - Fabre, Pierre-Jean - Flamel, Nicolas - Grassot, Louis - Gobineau de Montluisant - Grosparny, Nicolas - Huginus à Barmà - Le Trévisan, Bernard - Limojon de Saint-Didier, Alexandre-Toussain - Linthaut, Henri de - Lanzac, Bruno de - Monte-Snyders, Johannes - Planis Campis, David - Philalèthe, Eyrénée - Stolcius, Daniel - Stuart de Chevalier, Sabine - Toll, Jacob
- Valois, Nicolas - Urbiger

Voici d'autres titres d'auteurs anonymes, aussi intéressants que rares :

- *Récréations hermétiques, suivie des Scholies*
- *La Lumière sortant par soi-même des ténèbres,*
- *Le Psautier d'Hermophile envoyé à Philalèthe,*
- *Le Rosaire des Philosophes,*
- *Science écrite de tout l'art hermétique.*

Maintenant, si vous souhaitez compléter vos connaissances en alchimie pratique, par curiosité ou par amour de l'Art et si vous êtes quelqu'un de moderne et pressé, vous pouvez vous épargner plusieurs années d'errements et de frustration en commençant par étudier les œuvres de quelques grandes figures contemporaines, des experts particulièrement compétents et généreux que je vous recommande tout spécialement, sans excepter, bien entendu, Fulcanelli et Canseliet.

Je citerai tout d'abord mon initiateur, Bernard Husson⁸, hermétiste accompli, grand initié, excellent linguiste, honnête et humble savant. Husson a déniché de véritables trésors de la littérature alchimique. Dans ses « *Deux Traités Alchimiques du XIXe siècle* » il a restitué l'intégralité des « *Récréations hermétiques* », manuscrit alchimique inédit et d'importance majeure pour l'hermétiste, inspirateur certain de l'ouvrage intitulé « *Hermès Dévoilé* » attribué à Cyliani. Il a pu ainsi mettre un nom sous les initiales B.D.L., l'érudit commentateur de « *La lumière sortant par soi-même des ténèbres* » – l'Adepté Bruno de Lansac – et il a rédigé une excellente « *Anthologie de l'Alchimie* », commenté magistralement le « *Viridarium Chemicum* » ainsi que l'ouvrage intitulé « *Discours d'un Auteur Incertain sur la Pierre* ». On lui doit, en outre, une étude extrêmement intéressante et parfaitement documentée sur l'histoire des transmutations. Bernard Husson, décédé à la fin du siècle précédent, avait la parfaite maîtrise du grec, du latin, de l'allemand et de l'anglais. Ses différents talents lui permirent de traduire et commenter de nombreux ouvrages, notamment pour la collection dirigée par René Alleau, la « *Biblioteca Hermetica* ».

Bernard Husson, nul n'en sait la raison, a été déchu de la paternité de ses découvertes par quelques auteurs contemporains. Il avait osé contester Fulcanelli, dans une étude relative à la statue de Saint-Marcel terrassant le dragon lors de la réédition des « *Cours de Philosophie Hermétique en dix neuf leçons* » de Cambriel. Ces « *confrères* » ont souvent publié des passages entiers empruntés aux *Récréations Hermétiques*, dévoilé le personnage qui se dissimulait sous les initiales B.D.L (Bruno de Lanzac), sans même nommer l'ouvrage duquel ont été tirés ces extraits et leur auteur, Bernard Husson, ainsi que le veut une tradition bien établie entre écrivains, ou en raison de la plus simple courtoisie.

Mais en dépit de cette disgrâce, Eugène Canseliet, en honnête philosophe, fut l'un des rares à le citer dans ses commentaires du *Mutus Liber*, puis dans son *Alchimie expliquée sur ses textes classiques* :

« A notre connaissance, écrit Canseliet, c'est Bernard Husson qui l'a mis en lumière dans son premier ouvrage. C'est donc pour la seconde fois que notre ami a publié in extenso, à la fin de son *Anthologie de l'alchimie*, cet opuscule vraisemblablement autographe et que son auteur inconnu totalement, intitula, non sans l'humour cabalistique des artistes par le feu : *Récréations Hermétiques*. »

Le deuxième auteur contemporain digne d'intérêt ne m'est connu que par son pseudonyme, Atorène. Il a, semble-t-il, été l'ami intime d'Eugène Canseliet, avec qui il entretenait une correspondance suivie. Atorène⁹ n'a rédigé qu'un seul livre intitulé le « *Laboratoire Alchimique* ». C'est l'œuvre d'un authentique initié, riche en détails pratiques que peu d'Adeptes ont osé révéler jusque-là. Cet ouvrage, qu'il faut absolument inclure dans toute collection, est très agréable à lire et comporte de nombreuses illustrations. Il est référencé dans l'index bibliographique figurant à la fin du livre « *Alchimie* »¹⁰, aux éditions Dervy. À cette occasion l'auteur de cet index

félicite Atorène pour « *ses profondes connaissances spagyriques* ». J'ai questionné à ce sujet, l'auteur de la très conséquente et originale bibliographie qui figure dans cet ouvrage, monsieur Richard Caron, afin de lui faire préciser la raison de l'épithète « *spagyriques* », utilisé en la circonstance. Monsieur Caron, avec une extrême gentillesse, m'a fait savoir qu'il fallait prendre ce mot dans son acception moyen-âgeuse, comme aimaient l'utiliser Basile Valentin ou Paracelse, ce qui revient à complimenter, très élégamment, Atorène, pour la qualité de son enseignement. Il ne faudra donc pas se méprendre sur les réelles compétences alchimiques d'Atorène.

Pour terminer, je conseillerai également l'étude de deux autres auteurs contemporains que j'aime bien, leurs livres contiennent d'excellentes déductions. Il s'agit de Jacques Sadoul¹¹ et de Fabrice Bardeau¹².

1. FULCANELLI,

- *Le Mystère des Cathédrales*, troisième édition, Paris Jean-Jacques Pauvert, 1964. 1 vol. Trois préfaces d'Eugène Canseliet.
- *Les Demeures philosophales et leur rapport avec l'art sacré et l'ésotérisme du Grand Œuvre*, troisième édition, Paris Jean-Jacques Pauvert., 1965 2 vol. Trois préfaces d'Eugène Canseliet.

2. Eugène CANSELIET,

- *Deux logis alchimiques en marge de la science et de l'histoire*, Paris, éd. Jean Schemit., 1945, 1 vol.
- *Alchimie, études diverses de symbolisme hermétique et de pratique philosophale*, Paris chez J.-J. Pauvert, 1978, 1 vol.
- *L'Alchimie et son livre muet*, Paris chez J.-J. Pauvert, 1967, 1 vol.
- *L'Alchimie expliquée sur ses textes classiques*, Paris chez J.-J. Pauvert, 1972, 1 vol.
- *Trois anciens traités d'alchimie*, Paris chez J.-J. Pauvert, 1975, 1 vol.

3. Claude d'YGE de LABLATINIÈRE, *Nouvelle Assemblée des Philosophes Chymiques*, Paris, Dervy Livres 1954, 1 Vol.

4. Bernard HUSSON,

- *Deux Anciens Traités d'alchimie du XIXe*, Paris, Omnium Littéraire, 1964. 1 vol. Contient les traités suivants :
 - CAMBRIEL, *Cours de Philosophie Hermétique en 19 leçons*, 1843.
 - CYLIANI, *Hermès dévoilé, dédié à la postérité*, 1932.
 - Anonyme, *Récréations Hermétiques*, manuscrit fin XVIIe-début XVIIIe siècle.
- *Anthologie de l'Alchimie*, Paris, Pierre Belfond 1978, 1 vol.
- *Viridarium Chemicum, traduction et commentaires*, Paris, Librairie de Médecis, 1975, 1 vol.
- *Transmutations Alchimiques*, Paris, éditions J'ai Lu, 1974, 1 vol.
- *Discours d'auteur incertain sur la pierre des philosophes*, (Présentation), in Cahiers de l'Hermétisme, Alchimie, édition Dervy 1996, 1 vol.

5. GRILLOT de GIVRY, Émile-Jules

- *Le Grand Œuvre*, Paris, éd. Chacornac, 1960, 1 vol.
- *Lourdes, ville initiatique*, Paris, éd. Chacornac, 1930, 1 vol.
- *Le musée des sorciers, mages et alchimiques*, Paris, Lib. de France, 1929, 1 vol.

6. Dr Marc HAVEN, *Le Mutus Liber*, Paris, éd. Chacornac, 1914, 1 vol.

7. Eugène CANSELIET, *L'Alchimie et son livre muet*, opus cit.

8. Bernard HUSSON, opus cit.

9. ATORÈNE, *Le Laboratoire alchimique*, Paris, Trédaniel-La Maisnie, 1982, 1 vol.

10. Richard Caron, *Bibliographie des ouvrages consacrés à l'alchimie publiés en langue française de 1900 à 1995*. In alchimie.

11. Jacques SADOUL, *Le trésor des alchimistes*. Paris, Denoël 1970, 1 vol.

12. Fabrice BARDEAU, *Les clefs secrètes de la chimie des anciens*. Paris, Robert Laffont, 1 vol.

Naissance et évolution d'une science

L'alchimie est née dans les forges des métallurgistes, les fours des orfèvres ou dans les fourneaux des verriers et des potiers de la haute antiquité.

C'est en voyant les métaux en fusion, en fondant étain, cuivre, argent, or ou antimoine, en appliquant des procédés d'affinages empiriques, que les premières croyances virent naturellement le jour. La matière minérale ou métallique semblaient naître, vivre et mourir, tout comme le règne animal ou végétal en ce bas monde, mais à un rythme imperceptible, tant le processus semblait lent. Les minéraux, pour ces précurseurs, devaient se développer suivant un mystérieux cycle, dans les laboratoires naturels de leurs gîtes géologiques, et sous les influences des planètes astrologiques présidant à leur destinée.

Selon les doctrines qui allaient se mettre progressivement en place, on en vint à imaginer que les métaux, corps vivants, étaient tous destinés à évoluer vers la perfection, l'incorruptibilité de l'or étant l'ultime étape de l'évolution minérale.

Les chercheurs, praticiens ou savants de ces époques reculées, se penchèrent sur l'étude des phénomènes provoqués par les matériaux mis en œuvre, lors des opérations d'affinage des métaux, de la fabrication du verre, d'acides, de bases ou de chaux. Ils se mirent en quête de devoir expliquer les transformations subies par la matière afin, peut-être, de rationaliser la production et de développer de nouvelles techniques.

Il fallait, en premier lieu, constituer une base de données analogiques, ranger les matériaux mis en œuvre par catégorie, de même, pour les réactions observées, les classer dans des groupes ou familles de réactions facilement identifiables.

C'est ainsi que naquirent les premières définitions associées directement aux principaux états de la matière, celles des Éléments :

- la Terre, attribut de tout ce qui est solide,
- l'Eau, définissant tout état liquide,
- l'Air, l'état gazeux,
- le Feu, considéré comme élément, préfigurant la notion d'énergie.

On associait aux quatre éléments des propriétés physiques que les sens pouvaient apprécier

:

- le Chaud,
- le Froid,
- le Sec,
- l'Humide.

Ces définitions ne suffisaient pas pour décrire tous les phénomènes découlant des modifications engendrées au niveau de la matière par les réactions chimiques. Les anciens ajoutèrent donc la notion de « Principes » :

- le Mercure,
- le Soufre,
- le Sel.

Enfin, ne pouvant expliquer certaines métamorphoses, faute de moyens analytiques appropriés, les alchimistes établirent ensuite le concept d'*Esprit* pour expliquer le dynamisme de la vie et de tout ce qui est susceptible de provoquer des transformations.

Les quatre Éléments, les quatre Propriétés, les trois Principes et les Esprits, plus rien ne leur manquait pour décrire avec une certaine fiabilité toutes les modifications physiques qu'ils pouvaient imprimer à la matière.

Au demeurant, la science actuelle reconnaît bien trois états de la matière, plus un pseudo état «énergétique» avec l'équivalence relativiste masse-énergie ($E=mc^2$). En revanche, cela se complique un peu au niveau des principes car, en effet, on ne peut pas objectivement établir d'équivalence entre nos acides nos bases et nos sels – issus des combinaisons des deux premiers – et le Mercure, le Soufre et le Sel des vieux Maîtres, excepté les « Esprits » qu'il ne faut pas confondre avec les acides ou les bases des spagyristes.

Quelques auteurs théoriciens ou hyperchimistes n'ont pas hésité à faire de savantes combinaisons entre terre-eau, feu-air, chaud-froid-ou sec-humide pour élaborer une alchimie purement symbolique. Ils ont même créé des assemblages puérils de figures géométriques et ont mêlé astrologie et magie. Ces combinaisons quelques fois dites cabalistiques, aussi subtiles soient-elles, n'apportent aucun éclaircissement aux opérations du Grand Œuvre, elles sont incompatibles avec les grands principes que l'on rencontre dans la plupart des axiomes et aphorismes hermétiques et ne résistent pas à une analyse approfondie.

En étudiant d'une manière complète et réitérée les textes anciens, on peut déduire, comme le fit en son temps le grand savant chimiste Chevreul¹, que la partie spéculative de l'alchimie n'a aucun rapport avec la pratique au fourneau et ne correspond pas à ce que l'on appellerait aujourd'hui la théorie d'une science. Ce n'est effectivement pas en combinant notre *Mercur*e avec notre *Soufre* (tous deux philosophiques) que les alchimistes obtenaient le sulfure de mercure, du *cinabre* !

Chevreul² ajoute que cette pratique, en évoquant la confection de la pierre philosophale : « consistait à donner la vie à une matière inorganique en opérant la conjonction avec une âme, par l'intermédiaire d'un esprit, substance moyenne participant à la fois de la matière et de l'âme ».

Le célèbre chimiste a ainsi, en très peu de mots, magistralement exposé la nature et le but de toute la Philosophie Hermétique. Il a raison de dire que toutes les théories développées dans les écrits alchimiques, depuis l'Antiquité jusqu'à la Révolution Française, sont parfaitement décalées de la pratique avec laquelle elles n'ont absolument aucun rapport.

Quelquefois ces théories sont attendrissantes par leur naïveté. Souvent des concepts dits *philosophiques* sont empruntés à des écoles platoniciennes ou aristotéliennes, par pur exercice de style ou pour servir de cautionnement intellectuel. C'est ce qu'ont fait les auteurs Arabes jusqu'au dixième siècle. et même certains auteurs européens, comme d'Espagnet³ par exemple.

Les alchimistes du Moyen Âge jusqu'au XIXe siècle croyaient en l'existence de « *Esprit Universel* », sorte d'agent énergétique ou magnétique, invisible, attaché à la vie, ayant le pouvoir de se condenser et de s'accumuler dans certains corps spécialement préparés pour le Grand Œuvre. C'était également un *feu secret* qui, excité par la chaleur externe, aurait le pouvoir de provoquer des modifications dans la structure de la matière, et cela, jusqu'à lui conférer une densité incroyablement élevée. Ce feu secret, jouissant de propriétés catalytiques inconnues de la science actuelle, n'opérerait de manière perceptible, que sous certaines conditions et à certaines périodes de l'année, selon quelques auteurs.

En définitive, comme certains ont crû le déduire de la *Table d'Émeraude*, l'alchimie opératoire consistait à mettre en parfaite adéquation l'Univers Supérieur et le Monde Inférieur en captant et condensant une certaine spiritualité aérienne, un esprit pour reprendre la bonne expres-

sion, dans un substrat capable de le recevoir tout en lui conservant sa nature indifférenciée.

La condensation de cet agent universel provoque, sur le support approprié, toutes les métamorphoses requises pour élever l'embryon alchimique au niveau de la Pierre Philosophale.

Toute la Philosophie Hermétique se retrouve dans ces deux vers extraits de la *Table d'Émeraude* :

« *Ce qui est en Haut et semblable à ce qui est en Bas, de même que ce qui est en Bas ressemble à ce qui est en Haut* »,

À une époque indéterminnée, la pratique opératoire se retrouve avec deux processus parallèles devant aboutir au même résultat : la Pierre Philosophale.

Ces deux procédés, la voie sèche et la voie humide, incluent eux-mêmes de nombreuses variantes, des sous-procédés, mais font intervenir les mêmes matériaux de base. Pour certains auteurs, il y aurait même une troisième voie dite « *brève* ».

Nous avons vu plus haut que pour voiler le processus opératoire, relativement simple pour qui possède quelques clefs et les bons principes, la plupart des alchimistes transmettaient les grands principes du processus sous forme de puzzles, en intervertissant par exemple l'ordre des opérations, le noms des matériaux. Plus fort encore, afin d'obscurcir davantage le procédé opératoire, la voie sèche était décrite très souvent sous le modus operandi de la voie humide. Ainsi, le lecteur abusé, croit comprendre qu'il faut, à certain stade, utiliser un élément liquide, alors qu'il est question d'une « *eau qui ne mouille pas les mains* », donc une matière solide. Que de confusions !

Après quelques recherches et un peu de bon sens, on constate que le processus complet a été divisé en trois phases principales appelées *régimes* présentant certaines similitudes entre eux.

Cela a incité les auteurs les plus malins à réaliser des mélanges volontaires entre les trois régimes et les deux voies, et tout particulièrement Eyrénée Philalèthe⁴ dans son *Introitus*.

Parallèlement à l'alchimie, il faut se rappeler que deux autres disciplines chimiques sont apparues dès le Moyen Âge :

– l'archimie, technique chimico-métallurgique faisant intervenir des réactions provoquées par « *des esprits* » sur des alliages d'or ou d'argent avec des métaux vils comme le cuivre, le mercure ou le plomb,

– la spagyrie, discipline dans laquelle excellait Basile Valentin, qui fut reprise ensuite et développée par Parascelse. Son but principal était de fabriquer des remèdes.

Ce fût également le prétexte pour quelques Adeptes de mélanger des manipulations spagyriques à leur traité alchimique.

En effet, il y a quelques ressemblances entre l'alchimie, la spagyrie et l'archimie, et, selon Bernard Husson, ces trois disciplines font sans aucun doute toutes appel, quoique de manières différentes, à « *l'agent universel* ».

Rabelais a nommé *Entéléchie* cet agent, en ajoutant très sentencieusement : « *s'aïlle chier qui aultrement la nomme* » et il ne faut pas s'y tromper, c'est le vrai pivot de l'Art.

Basile Valentin⁵, parlant de la nature de la Pierre dans ses Douze Clefs assure qu'*en rien gît tout*, mais c'est lui l'*esprit* ou l'*agent universel*, est c'est également lui, cette fameuse *lumière de nature* à laquelle font souvent allusion les hermétistes du passé. Vous comprendrez combien il est facile d'abuser le lecteur avec ce type d'enchaînement.

C'est à cela que se sont amusés les nombreux adeptes qui nous ont précédés.

Bernard Husson⁶ précisera à propos de ce mystérieux agent :

« *alors que l'alchimie envisageait l'accumulation d'un agent sur un support provisoire mais capable d'opérer cette condensation, les spagyristes étaient occupés à la préparation de remèdes faisant quelquefois intervenir cet agent universel, avec plus ou moins de succès, dans des compositions d'extraits de substances végétales ou animales, de même que les archimistes faisaient intervenir*

cet agent dont sa captation s'accompagnaient immédiatement d'une transmutation corrélative, parfois d'un accroissement pondéral du métal précieux initialement présent ».

Voici les grandes lignes selon les axiomes alchimiques.

Pour obtenir alchimiquement cette condensation de l'*agent universel*, il est indispensable de n'utiliser que les matériaux propres à réaliser le Grand Œuvre.

En théorie, ces matériaux se trouvent en tous lieux, en tous temps, mais si l'on examine les possibilités de la *nature*, selon l'axiome fondamental de l'alchimie, seuls les minerais et les métaux peuvent participer à cette grande ontogenèse. On écartera donc tout ce qui est animal, végétal et organique.

De plus, il faut rejeter tout ce qui fuit ou se consume au feu ainsi que les métaux nobles, car ces derniers ont achevé leur cycle de transformation, et, dans leur état de perfection, il ne peuvent communiquer aucune vertu. Le mercure vulgaire est, quant à lui, trop jeune, et l'*agent spécifique* que l'on recherche ne s'y trouve pas, la nature ne l'y a jamais introduit.

La tradition alchimique précise aussi que l'on doit chercher la perfection dans les choses imparfaites, dans la matière vile. Dans ce *rien* de Basile Valentin, ou dans ce *vieux dragon* qui infecte tout par son venin, détruit les métaux imparfaits et les convertit ensuite en médecine plus que parfaite.

Dans la mythologie alchimique, le *Dragon* est le symbole du sujet dispensateur du *Mercur*, c'est la matière noire écaillée que l'artiste doit élire au commencement de l'œuvre et sur laquelle il doit tout d'abord travailler. Cette dernière phrase du travail, tout à fait anodine, recèle un grand secret. Ce *Dragon* sera ensuite vaincu par le *chevalier* armé de la lance et du bouclier, selon Fulcanelli, afin d'engendrer un peu plus tard le *dauphin*, ou la *rémore*, unique poisson péché dans la *mer des sages* et que l'artiste doit savoir assaisonner pour le faire renaître, tel le Phénix, de ses cendres.

Cette manière de s'exprimer se retrouve dans la plupart des ouvrages classiques. Quelquefois l'œuvre alchimique est présentée sous la forme d'un drame que doit subir la matière. Il ne s'agit en aucun cas de fantasmes nés dans le cerveau des hommes depuis l'aube des temps comme le proclament certains psychanalystes qui n'ont aucune compétence pour critiquer une discipline chimique, dont ils ignorent les règles de base.

Ce drame a été mis en scène par Dante, qui utilise un style de cryptage cabalistique subtile pour voiler le processus secret. L'artiste joue le rôle de sauveur, venant délivrer l'âme métallique pour lui faire gravir marche après marche les échelons de la rédemption, par sublimations successives, jusqu'à l'état de perfection qui symbolise la Pierre Philosophale. Le processus secret permettra alors la réhabilitation des métaux vils ou lépreux qui attendent la résurrection en coulisses, entendez leur transmutation en or.

Dans cette démarche animiste, on fait subir à la matière un vrai supplice au creuset. Il faut *tuer le vif et ressusciter le mort* pour accomplir ce grand dessein. On verra plus loin qu'un autre grand secret de fabrication se cache derrière cet axiome.

En alchimie, aucune phrase n'est vide de sens pratique.

Mais il semble bien qu'il n'y a aucune borne pour l'exagération.

Dans d'autre cas, on assimilera carrément la pierre au Christ, « *Notre Pierre doit être enfermée dans un récipient comme le Christ dans le tombeau* » (Arnault de Villeneuve), et c'est hélas cette vision empruntée au catholicisme que quelques alchimistes chrétiens vont véhiculer durant plusieurs siècles à tel point que plusieurs auteurs semblent vouloir faire de l'alchimie un puissant auxiliaire de prosélytisme chrétien.

L'association du processus alchimique aux *Mystères* chrétiens devait peut-être servir à l'origine à cautionner les recherches ésotériques au Moyen Âge et éviter aux amateurs de l'Art les

bûchers de l'inquisition. Ce ne fut plus le cas à partir de la Renaissance.

Aujourd'hui, fort heureusement, on ne brûle plus les sorciers, mais les mauvaises habitudes ont été prises et il y a fort à faire pour que cette discipline redevienne ce qu'elle n'aurait jamais cessé d'être : une discipline laïque ouverte à tous les chercheurs honnêtes.

Enfin, pour passer d'un extrême à l'autre, certains auteurs ont assimilé le *mercure alchimique* à la prostituée babylonienne du Grand Œuvre. En alchimie, on passe indifféremment du vulgaire au sacré ou vice et versa, sans vergogne.

1. CHEVREUL, *Journal des Savants*, Juin 1851.

2. CHEVREUL, *Journal des Savants*, Décembre 1851.

3. D'ESPAGNET Jean, *L'Œuvre secret de la philosophie d'Hermès*. Paris, E.P. Denoël, 1972. 1 vol.

4. PHILALÉTHE, Éyrinée, *Entrée ouverte au Palais fermé du Roi*. Paris, S.G.P.P. Denoël, 1970, 1 vol.

5. Basile VALENTIN, *Les douze clefs de la philosophie*, *Op. cit.*

6. HUSSON, Bernard, *Viridarium Chemicum, avertissement, introduction, traduction et commentaires*.

DEUXIÈME PARTIE

TECHNIQUES D'ÉLABORATION DE LA PIERRE PHILOSOPHALE

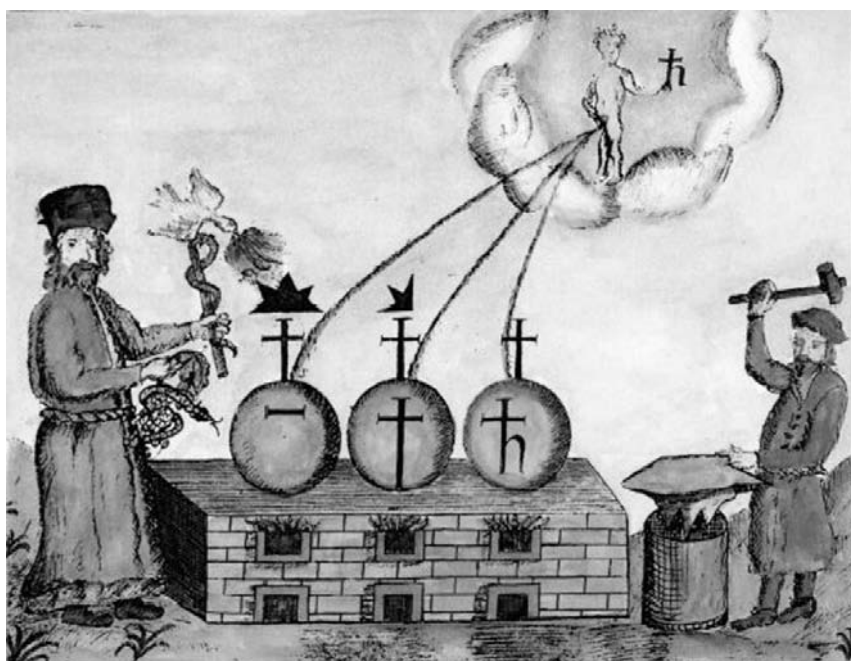
Lexique Alchimique

- *Sujet des sages, Sujet de l'Art* : l'une des matières premières de l'alchimie dans son état brut.
- *Magnésie* : autre nom du sujet des sages.
- *Esprit de la magnésie* : nom du dissolvant hermétique.
- *Matière première* : minerai naturel extrait de la mine.
- *Première matière* : minerai pré-traité, enrichi par liquation.
- *Mercuré commun ou mercure simple, ou second mercure* : régule
- *Mercuré* : principe femelle, premier principe
- *Mercuré des Sages ou mercure double, mercure philosophique* : matière obtenu à l'issue des sublimations, par la solution de l'or philosophique.
- *Notre Mercuré* : mercure coulant (Hg) ou hydrargyre.
- *Mercuré Triple ou Trimégiste* : mercure servant aux trois œuvres.
- *Premier Adam* : fer, nœud de l'or, soufre, élément mâle, extrait des scories ferriques du premier œuvre.
- *Rebis, Rémore ou Rémora, Poisson, Dauphin* : mercure issu des sublimations du second œuvre, devant subir l'ultime coction.
- *Colombes de Diane* : mercure du deuxième œuvre.
- *Soufre* : principe male, second principe.
- *Sel* : troisième principe.
- *Salpêtre, sel nitre* : l'un des adjuvants salins.
- *Sel harmoniac* : double sel, mélange *ana* du nitre et du tartre, à ne pas confondre avec le chlorure d'ammonium.
- *Tartre* : deuxième adjuvant, confusion souvent entretenue entre tartre et bitartrate de potassium.
- *Vitriol philosophique* : sel issu des calcinations du premier œuvre.

Quelques définitions à retenir.

- *Adepté* désigne l'alchimiste parvenu à l'élaboration la Pierre. Ce terme désigne aujourd'hui un *fan* ou un passionné.
- *Artiste, ou amateur de l'Art*, mots qui désignaient l'alchimiste autrefois.
- *L'archimie* et la *spagyrie* étaient cultivées par des hyperchimistes au Moyen Âge.
- *Athamor* : de l'hébreu *Tanor*, désigne le four secret des alchimistes.
- *Caput Mortuum*, (tête du mort ou du Maure), résidu foncé obtenu après une opération de calcination au creuset dans la voie sèche, ou de distillation, dans la voie humide.
- *Compost* : désigne le mélange prêt à subir la coction.
- *Compostelle* se rapporte au compost étoilé du premier œuvre.
- Le mot *Philosophe* désigne le savant ou l'alchimiste du Moyen Âge (ami de la science). La *Philosophie Hermétique* désignait autrefois l'alchimie, de même que la *Philosophie Chymique*.
- Le *matra* est un ballon de verre utilisé dans le processus de la voie humide.
- Les *souffleurs* constituaient l'aréopage des chercheurs qui appliquaient de fausses recettes sans tenir compte des axiomes alchimiques.
- La *réincrudation* est le terme employé jadis pour désigner le retour de la matière vers un état antérieur. Pour Canseliet, la réincrudation désignait simplement le broyage fin de la matière.
- *Sorbonne* : niche vitrée et ventilée dans laquelle les chimistes effectuent des opérations susceptibles de former des gaz toxiques

CHAPITRE IV

L'urine philosophale

Secrets de fabrication

Les deux processus d'élaboration de la Pierre Philosophale – voie sèche et voie humide – commencent par les mêmes opérations, selon Fulcanelli.

Avant d'entamer la phase expérimentale il est nécessaire de connaître :

- 1 - les matériaux de base,
 - 2 - les quantités et proportions des produits mis en œuvre,
 - 3 - le matériel de labo et les instruments nécessaires,
 - 4 - la nature des opérations mises en œuvre à chaque étape du processus,
 - 5 - les propriétés des produits et sous-produits intermédiaires,
 - 6 - les règles à suivre à chaque étape,
 - 7 - les temps requis pour chacune des phases,
 - 8 - les quantités et proportions des produits et sous-produits intermédiaires,
 - 9 - tous les phénomènes observables durant le processus,
 - 10 - les moyens de contrôle,
 - 11 - les règles d'utilisation pour la projection.
- D'autres auteurs auraient ajouté :
- 12 - la connaissance de l'instant propice pour chaque opération.

Avertissement

Comme il est d'usage, pour étayer et conforter les déductions exposées tout au long des chapitres qui suivent, je vais reproduire de nombreux extraits, repris chez les meilleurs et les plus sûrs auteurs.

Ces extraits à eux seuls, regroupés en rubriques, autorisent déjà une première approche accessible à tout amateur de l'art. J'aurais certes pu écourter cette étude, en allant droit au but et éviter certaines redites, mais cela aurait pour conséquences d'oter toute crédibilité aux révélations qui suivent prises hors du contexte bibliographique.

Afin de procéder avec ordre et méthode, je vais tenter de définir les ingrédients de base à l'état brut et les travaux préliminaires dit « *hors d'œuvre* ».

Les procédés de fabrication, à proprement parler, viendront ensuite.

De l'aveu même de tous les grands Maîtres, le processus d'élaboration complet de la Pierre philosophale n'a jamais été dévoilé. De même, les préparations préliminaires dites « *hors d'œuvre* » n'ont jamais été divulguées, avant que l'hermétiste Eugène Canseliet ne mentionne l'ensemble de ces détails opératoires dans ses commentaires des « *Douze Clefs* » de Basile Valentin, du « *Mutus Liber* », puis enfin dans « *l'Alchimie expliquée sur ses textes classiques* ». S'il ne l'avait fait, nul doute que ces secrets seraient à jamais perdus avec sa disparition au siècle dernier.

La principale pierre d'achoppement réside dans toutes sortes de confusions entretenues par les meilleurs auteurs.

En alchimie, tout est interchangeable, selon l'expression de Bernard Husson. Le *Mercur*e d'un régime pourra être le *Soufre* de l'autre, le *Mercur*e pourra être également assimilé au *Sel*, qui devient ici un principe et non pas le médiateur nécessaire pour les trois œuvres. De même, le *Sel* sera pris pour un des feux, sachant bien qu'il existe d'autres feux etc.

Bernard Husson a signalé, à différentes reprises, la difficulté de résoudre les arcanes du Grand Œuvre en démontrant que les protagonistes de l'œuvre changent de costume et de nom d'un régime à l'autre.

C'est ainsi que, commentant la première clef de Basile Valentin (in « le Jardin Chymique »), Bernard Husson ne manque pas de signaler ce piège :

« C'est pourquoi, si quatre corps, chimiquement définis, au sens actuel du terme, jouant chacun le rôle d'un des éléments cosmiques traditionnels, sont effectivement requis pour le début de l'opération évoquée dans cette première clef, il ne faut pas croire qu'à chacun corresponde d'une manière univoque, l'une des quatre figures de la planche. Elle symbolise en effet deux opérations similaires, et successives, dont la superposition ou le décalage (dans le décryptement analytique) représente l'essentiel du secret opératif de toute l'alchimie. Le processus d'exposition, à dessein sybillin, est exactement le même ici que dans l'Introitus du Philalèthe. L'avertissement que nous sommes probablement le premier à formuler aussi explicitement, à l'intention des chercheurs déjà avancés dans l'étude des textes alchimiques, vaut aussi bien pour le personnage à la béquille, porteur d'une faux et emjambant une coupelle d'affinage, tout à la fois Saturne et Vulcain, que pour le loup bondissant par dessus le creuset de hesse environné de flammes. Sans exclure sa signification spagyrique bien connue (où le symbole, perdant sa multiplicité se réduit à une allégorie univoque, et n'interprète plus de façon parfaitement satisfaisante le texte qui l'explique de façon volontairement contradictoire), le loup gris est également ici le loup vert, dont on célébrait, jusque vers 1830 encore, la fête près de Jumièges, la veille de la Saint-Jean. »

Le sujet de l'Art, la materia prima

Le Dragon noir de la philosophie.

Bruno de Lanza : « L'essence en laquelle habite l'esprit que nous cherchons est entrée et gravée en lui, quoi qu'avec des traits et linéaments imparfaits ; la même chose est dite par Ripleus Anglois au commencement de ses Douze Portes ; et Ægidius de Vadis, dans son Dialogue de la Nature, fait voir clairement et comme en lettres d'or il est resté, dans ce monde, une portion de ce premier Chaos, connue, mais méprisée d'un chacun, et qui se vend publiquement, le même auteur dit encore que ce sujet se trouve en plusieurs lieux et dans chacun des trois règnes ; mais si nous regardons les possibilités de la nature, il est certain que la seule nature métallique doit être aidée de la nature et par la nature ; c'est donc dans le règne minéral seulement, où réside la semence métallique, que nous devons chercher le sujet propre à notre art. »

« Il faut prendre garde que l'essence métallique soit non seulement en acte, mais également en puissance. Il est certain que la seule nature métallique doit être aidée de la nature et par la nature ; c'est donc dans le règne minéral seulement, où réside la semence métallique, que nous devons chercher le sujet propre à notre art ».

Les révélations de l'Adepté qui voilait son nom sous les initiales de B.D.L. sont formelles, le sujet de l'art est métallique, il doit être aidé par un autre sujet de même nature.

Il a pris beaucoup de précautions, Bruno de Lanza, pour éviter de divulguer le nom de la secrète matière première, tant de précautions autour d'un secret de Polichinelle.

La matière première était parfaitement connue depuis au moins 3 000 ans avant notre ère par les Sumériens, ainsi que l'attestent les tablettes d'argile découvertes sur les vestiges de Ninive. En effet, la stibine, autrement dit le sulfure naturel d'antimoine, était utilisée dans de multiples applications, à l'état métallique pour la fabrication de vases, à l'état de sulfure naturel, pour la purification de l'or, ou enfin, sous forme pulvérulente pour le maquillage des yeux. C'est naturel, ce minerai, à température de fusion modérée (550 degrés) était fort répandu.

Avant de poursuivre et pour éviter la moindre confusion, il est nécessaire de préciser que, de nos jours, on nomme antimoine le métal et stibine le sulfure naturel d'antimoine, alors que le terme antimoine désignait, chez les alchimistes, le minerai ou sulfure naturel.

Philalèthe : « J'ai pris une partie du dragon igné et deux parties du corps magnétique. Je les ai préparées ensemble par un feu de roue et, par la cinquième préparation, huit onces environ de véritable arsenic philosophique ont été faites. »

Philalèthe : « C'est un chaos ou un esprit, parce que notre dragon igné, quoiqu'il surmonte tout, est néanmoins pénétré par l'odeur de la saturnie végétale. Par l'union qui se fait de son sang avec le suc de la saturnie, il se forme un corps admirable, qui n'est pourtant pas corps, parce qu'il est tout volatil, et n'est pas aussi esprit, parce qu'il ressemble à du métal fondu dans le feu. Il est donc effectivement un chaos, qui est à l'égard de tous les métaux comme leur mère, car je sais extraire et tirer toutes choses de lui et, même, je sais transmuier par lui le soleil et la lune sans l'élixir. Et qui l'a vu comme moi en peut rendre témoignage.

On appelle ce chaos notre arsenic, notre air, notre lune, notre aimant, notre acier, toutefois sous diverses considérations, parce que notre matière passe par divers états [et souffre divers changements], auparavant que le diadème royal soit tiré du menstrue de notre prostituée. »

Philalèthe : « pour bien dénouer la difficulté, lit attentivement : Il faut prendre de notre dragon igné, qui cache dans son ventre l'acier magique, quatre parties ; de notre aimant, neuf parties. Mêles ensemble par un feu brûlant en forme d'eau minérale, au-dessus de laquelle surnagera une écume que tu mettras à part. Laisse la coquille et prends le noyau. Purge-le et le nettoie trois fois par le feu et le sel ; et cela se fera aisément, si Saturne a vu et considéré sa beauté dans le miroir de Mars. »

C'est par l'antimoine, donc la stibine, qu'Artéphius commence son exposé : « L'antimoine est des parties de Saturne, ayant en toutes ses façons sa nature, ainsi cet antimoine saturnin convient au soleil ayant en soi l'argent-vif dans lequel aucun métal ne se submerge que l'or : c'est-à-dire seulement vraiment le soleil se submerge en l'argent-vif antimonial saturnin, sans lequel argent-vif aucun métal ne se peut blanchir. Il blanchit donc le laiton, c'est-à-dire l'or et réduit le corps parfait en sa première nature... »

Ici Saturne peut être confondu avec le plomb. **Equivoque maintes fois entretenue!**

Saturne, au sens alchimique, est le père des métaux, c'est aussi l'anagramme de *natures*, nous dit Fulcanelli qui poursuit ailleurs, « Quand au sujet grossier de l'Œuvre, les uns le nomment *Magnesia lunarii* ; d'autres, plus sincères, l'appellent *Plomb des Sages*, *Saturnie végétale*. Philalèthe, Basile Valentin, le Cosmopolite le disent *Fils ou Enfant de Saturne*. Dans ces dénominations diverses, ils envisagent tantôt sa propriété aimantine et attractive du soufre, tantôt sa qualité fusible, sa liquéfaction aisée. Pour tous, c'est la Terre sainte (*Terra sancta*) ; enfin, ce minéral a pour hiéroglyphe céleste le signe astronomique du Bélier (*Ariès*) ».

L'antimoine a également pour anagramme l'âne Timon et il est le légendaire Aliboron et la robe de Peau d'Âne. C'est aussi le pseudonyme d'un alchimiste fictif, Marc Antoine Crasellame chinois, auteur d'un poème alchimique réputé, « *La lumière sortant par soi-même des ténèbres* ». Ce pseudonyme est très parlant, Mars mis pour le fer (Marc), antimoine, stibine pour Antoine, Mercure, Sel et Soufre pour Crasellame (corps, sel, ame).

L'antimoine est le fils aîné de Saturne, nous dit Flamel, le loup gris vorace de Basile Valentin « C'est pourquoi, si tu veux opérer par nos corps, prends le loup gris et avide qui, par son nom, est soumis au belliqueux Mars, mais, par sa naissance, est un enfant du vieux Saturne, jette lui le corps du roi, afin qu'il y trouve sa substance, et quand il aura englouti le roi, fais un grand feu et jettes y le loup, en sorte qu'il s'y consume complètement, pour que le roi soit à nouveau délivré. Lorsque cela est accompli à trois reprises le lion a surmonté le loup, et il ne trouvera plus rien à manger et notre corps se trouve alors parfait pour le début de notre œuvre. », ailleurs l'Adepté précise : *L'antimoine est le bâtard du plomb de même que le bismuth, ou marcassite, est le bâtard de l'étain. L'antimoine se place entre l'étain et le plomb, alors que le bismuth et la magnésie se placent entre l'étain et le fer...*

Michaël Maier : « les artistes ont leur antimoine, différent de celui du vulgaire, bien qu'ils ne rejettent point le régule martial étoilé que l'on obtient de ce dernier, mais ils l'emploient à différents usages. »

« Nous ne saurions décrire plus clairement notre œuf vitriolé, pourvu que l'on connaisse quelqu'un des enfants de Saturne, savoir, l'Antimoine triomphant », écrit un auteur anonyme.

Jacques Toll : « Et vous enfin qui que vous soyez, et qui doutez encore de ce que je vous dis, fondez seulement de l'Antimoine, et appliquez-vous à voir exactement ce qui se passe ; vous y verrez toutes ces choses, vous y verrez les Colombes de Philalèthe, vous y entendrez le chant des Cygnes de Basile, et vous y verrez cette Mer des Philosophes, que j'ay expliqué plus au long dans mon traité des Événements fortuits et imprévûs. »

Le Cosmopolite : « C'est une pierre et non pierre : elle est appelée pierre par sa ressemblance ; premièrement, parce que sa manière est véritablement pierre au commencement qu'on la tire hors des cavernes de la terre, c'est une matière dure et sèche qui peut se réduire en petite partie et qui peut se broyer à la façon d'une pierre. Secondement parce qu'après sa destruction qui n'est qu'un soufre puant qu'il faut auparavant lui ôter... Et pour parler plus clairement, c'est notre aimant, autrement notre acier; et en ce sens Hermès veut que son père soit le Soleil, et sa mère la Lune, et que le Vent l'a porté dans son ventre. L'air vulgaire engendre ou fait paraître cet aimant, et cet aimant engendre ou fait paraître l'Air ou le Mercure des Philosophes, qui est le fils du Soleil, de la Lune, parce qu'il est tiré des rayons du Soleil et de la Lune par la force et la vertu attractive de cet aimant physique, ou de cet acier magnétique, qui se trouve en tout lieu et en tout temps ; et c'est ce sel alkali que les Philosophes ont appelé sel armoniac et végétale, caché dans le ventre de la magnésie. On l'appelle magnésie, parce que, par une vertu aimantine et occulte, elle attire à soi le fils du Soleil dans le même moment qu'elle prend son existence actuelle. »

Flamel : « Aviseras en abord prendre l'aîné du prime fils enfant de Saturne qui n'est mie le vulgal 9 parts, du sabre chalybé du dieu guerrier 4 parts. Fais iceux rougir en un creuset, quand sera rougi fondant jette les 9 de Saturne que je t'ai dit, dedans, lors celui-ci soudain mangera l'autre : nettoie bellement des ordures fécales venant a mont de la Saturnie avec salpêtre et tartre à quatre ou cinq reprises que sera bon quand verras un signe astral dessus le régule en mode d'étoile. »

Le Breton : « Il y a un minéral connu des vrais savants caché dans leurs écrits sous divers noms, lequel contient abondamment le fixe et le volatil. »

Limojon de Saint Didier : « Notre pierre naît de la destruction de deux corps, de ces deux corps, l'un est minéral, l'autre métallique et croissent tous deux dans la même terre. »

Selon cet extrait des œuvres de M. Grimaldy, Chef de l'Université de Médecine de Chambéry, il est aisé de comprendre l'importance du minéral alchimique, seul dispensateur du Mercure. « Passons au choix de l'Antimoine, & aux diverses dénominations que lui ont donné ceux qui en ont voulu cacher la préparation & les mystères, afin que cela serve pour l'intelligence de leurs énigmes, & pour l'explication de leurs hiéroglyphes...

Les Philosophes Chimistes nous dépeignent ce minéral avec un caractère qui représente le monde avec la croix au-dessus, pour nous signaler que comme le mystère de la croix purifie & sauve l'âme de toutes ses souillures spirituelles, l'Antimoine & ses remèdes bien & doucement préparés, purifient & délivrent le corps de toutes les impuretés qui causent & entretiennent les maladies qui l'affligent. Ils le nomment de plusieurs noms énigmatiques comme le Loup, à cause qu'il consomme & dévore tous les métaux, à l'exception de l'or. D'autres l'ont nommé Prothée, parce qu'il reçoit toute sorte de formes, & qu'il se revêt de toutes les couleurs par le moyen du feu. D'autres l'appellent la racine des métaux, tant à cause qu'on en trouve proche leurs minières, qu'à cause qu'il y en a qui croient qu'il est la racine & le principe des métaux. Ou l'appelle encore Plomb Sacré, Plomb des Philosophes, & Plomb des Sages, parce qu'il a quelque rapport à la nature de Saturne qui dévorait ses enfants comme il dévore les métaux, & parce qu'il y en a qui le prennent pour le **sujet du Grand Œuvre des Philosophes**, & de leur quintessence. Glauber nous le décrit comme le premier être de l'or. »

Mais le grand Adepté Fulcanelli ne semble pas partager cette opinion : « les plus instruits des

nôtres dans la cabale traditionnelle ont sans doute été frappés du rapport existant entre la voie, le chemin tracé par l'hiéroglyphe qui emprunte la forme du chiffre 4, et l'antimoine minéral, ou stibium, clairement indiqué sous ce vocable topographique. En effet, l'oxysulfure d'antimoine naturel se nommait, chez les Grecs, Στιμμυ ou Στιδι; or, Στιδια est le chemin, le sentier, la voie que l'investigateur (Στιδευξ) ou pèlerin parcourt en son voyage ; c'est elle qu'il foule au pieds (Στειδω). Ces considérations, basées sur une correspondance exacte de mots, n'ont pas échappé aux vieux maîtres ni aux philosophes modernes, lesquels, en les appuyant de leur autorité, ont contribué à répandre cette erreur que **L'antimoine vulgaire était le mystérieux sujet de l'art**... On sait que les alchimistes du XIVe siècle appelait Kohl ou Kohol leur Médecine universelle, des mots arabes al kohol, qui signifient poudre subtile, terme qui a pris plus tard dans notre langue le sens d'eau-de-vie (alcool). En arabe, Kohl est dit-on l'oxysulfure d'antimoine pulvérisé, qu'employaient les femmes arabes pour se teindre les sourcils en noir... Nous serions du même avis, si nous ignorions qu'il n'entraîne pas la moindre molécule de stibine dans le platyophthalmon des Grecs (sulfure de mercure sublimé), le Kohl des Arabes et le Cohol ou Cohel des Turcs. Les deux derniers, en effet, s'obtenaient par calcination d'un mélange d'étain grenailé et de noix de galle, telle est la composition chimique du Kohl des femmes orientales, dont les alchimistes anciens se sont servis comme terme de comparaison pour employer la préparation secrète de leur antimoine. »

J'ai souligné à dessein deux phrases des extraits ci-dessus, en caractères gras. En effet, l'antimoine, lorsqu'il s'agit du minéral connu sous le nom de stibine, est bien le sujet du Grand Œuvre, en dépit de l'infirmité de Fulcanelli. Mais, comme d'autres auteurs avant moi l'ont si bien compris en dénonçant le piège, Fulcanelli, jouant sur les mots, ajoute à la confusion en mettant volontairement en avant l'oxysulfure d'antimoine naturel et l'antimoine vulgaire. En effet, ni l'un, ni l'autre ne se rapportent à la stibine, seul minéral valable pour le Grand Œuvre.

Une autre erreur doit être relevée, elle me vaudra certainement les foudres des inconditionnels du grand Adeptes Fulcanelli. Je veux parler de son interprétation du Kohl.

Le Kohl, en Arabe, désigne effectivement la stibine finement pulvérisée, utilisée depuis des millénaires par les femmes sumériennes, par les hébreux ensuite, puis par les égyptiens pour maquiller leurs paupières et leurs sourcils. Ce n'est pas un mélange d'étain grenailé et de noix de galle, comme veut le faire croire Fulcanelli, espérant ainsi brouiller les pistes en confondant volontairement la kermésite de formule chimique Sb_2S_2O , et la stibine, Sb_2S_3 , qui est effectivement une sorte de Kohl. Le mot Kohl vient d'une racine de trois lettres qui signifie noir en Arabe, et Al Kohl, mot masculin, signifie le noir. Le Kohl, minerai noir réduit en poudre impalpable dont se servent entre autres les femmes arabes, désigne bien le véritable sujet des sages et la manière de le réduire en poudre ultra fine. La Galène est également une variété de Kohl.

Je suis belle et je suis noire, fait dire au sujet de l'art, le roi Salomon, dans le Cantique des Cantiques.

C'est le mot Al Kohl, tiré de l'Arabe, qui a donné en Europe le mot alcohol puis alcool, dont le sens initial était associé de toujours à la mystérieuse matière nécessaire à la confection de la Pierre. Il désignera plus tard mais à tort, l'alcool, produit obtenu par la distillation du vin.

Pour confirmer la thèse développée ci-dessus, voici un extrait très explicite, tiré du « Plomb sacré » de Chartier : « Vous savez que l'Antimoine dans sa fonte représente toutes les couleurs des autres Métaux ; que de ses entrailles on tire des teintures différentes tant pour colorer les Pierreries, que pour conserver & embellir les yeux, qui sont les organes propres à discerner les diverses sortes de couleurs, d'où vient que les Chaldéens, Rabbins, & Arabes, ayant égard aux grandes vertus Antimonialles, d'un seul mot dit Alcohil en leur langue, ont signifié la Couleur, le Collyre, & l'Antimoine, pour exprimer que l'Antimoine est propre à colorer, c'est-à-dire que de ses parties intérieures on tire plusieurs sortes de couleurs, tant pour embellir les yeux, que pour ôter & arrêter les fluxions qui pourraient les incommoder ; repousser les humeurs piquantes, qui seraient cause d'in-

flammation, ou de solution de continuité.

Ce mot doit servir à faire remarquer que l'usage de l'Antimoine était si particulièrement connu des grandes Dames de ce temps-là, qu'elles s'en servaient pour s'embellir le visage & les yeux. Le Prophète Ezéchia reprochant à ces Dames qu'elles s'embellissaient pour plaire aux Assyriens, Chaldéens, & Egyptiens explique cette vérité en ces termes : Incontinents dit-il, vous étiez lavées & adoucissiez vos yeux avec l'Antimoine, & preniez vos ornements pour leur plaire... Pour le mot le texte Hébreu dit : c'est-à-dire vous êtes ajustées & avez lavé Vos yeux avec l'Antimoine. La paraphrase chaldaïque explique ; vous avez appelé les Assyriens, Chaldéens & Egyptiens, les avez envoyé quérir par Ambassadeurs exprès pour offenser Dieu avec eux, & pour leur plaire d'avantage, comme des impudiques vous vous êtes lavées, embellies & fardée d'Antimoine, d'où, les Chaldéens l'ont nommé Cohal, & les Arabes Alcohol, qu'il embellit la vue, les Grecs l'ont dit Vibi à raison de sa teinture, qui par sa noirceur embellissait les cils & les sourcils des Dames, même en Espagne les femmes ont encore cette coutume de se noircir les cils & les sourcils avec l'Antimoine, qu'elles appellent Piedra de Acohols diction transportée des Arabes en ces lieux, tirée de la racine Cahala, d'où vient Cahala al haina*, qui signifie il s'est mis un collyre aux yeux, il a frotté ses yeux d'Antimoine, dans l'Ecriture Sainte Jesabel entendit, & se peignit les yeux avec l'Antimoine, le Texte hébreu dit : Vattasem bappouch eneha: elle composa ses yeux avec l'Antimoine, ou la Paraphrase Chaldaïque explique ; elle donna couleur à ses yeux avec l'Antimoine, Vechahalath bissrah eneha, d'où ils l'ont nommé en leur langue Qvp Pouch, Poudre noire faite d'Antimoine pour peindre les yeux & le visage.

*N.B. : Cahala al haina : la bonne traduction est : « Le noir de l'œil ».

Le Kohl, produit à l'état pulvérulent, est encore employé comme fard de nos jours, en Afrique du Nord et au Moyen Orient. Excepté au Maroc, où la galène, c'est-à-dire sulfure naturel de plomb, est quelquefois vendue pour du Kohl dans les souks de Casablanca ou de Marakech, comme j'ai eu l'occasion de m'en rendre compte lors d'un récent voyage.

Cela n'a pas échappé à Fulcanelli, persistant à brouiller les pistes, a suggéré que la lettre G était l'initiale du nom vulgaire du sujet des sages. Ce n'est en réalité qu'un demi-mensonge, car G est également l'initiale de Gea ou Gaïa, la Terre, notre Terre alchimique. En langage des oiseaux tout est permis, y compris faire passer des vessies pour des lanternes. Fulcanelli fait peut-être un clin d'œil à l'adresse de ses frères par la tradition, les Francs Maçons, pour qui la lettre G a une importance initiatique.

Pour Dom Pernety, Alcohol signifie bien antimoine, et le dernier doute sur le sujet initial de l'œuvre est ainsi levé. Les extraits rapportés ci-dessus convergent tous.

Il ne fait plus aucun doute, la stibine – le seul minerai d'antimoine valable pour l'œuvre – sera donc notre dragon écailléux.

Mars, le Vaillant Chevalier

Le dispensateur du soufre.

La matière première étant connue, il n'y a plus qu'un pas à faire pour découvrir son protagoniste.

Philalèthe : « Comme l'acier tire à soi l'aimant, de même l'aimant se tourne vers l'acier. C'est ce que l'aimant des Sages fait à l'égard de leur acier. C'est pourquoi ayant déjà dit que notre acier est la minière de l'or, il faut pareillement remarquer que notre aimant est la vraie minière de l'acier des Sages. »

Cyliani : « N'oubliez pas que la solution mystérieuse de la matière, ou le mariage magique de Venus avec Mars, s'est faite dans le temple dont je vous ai précédemment parlé, par une belle nuit, le ciel calme et sans nuages, et le soleil étant dans le signe des Gémeaux, la lune étant dans son premier quar-

tier à son plein, à l'aide de l'aimant qui attire l'esprit astral du ciel, lequel est sept fois rectifié jusqu'à ce qu'il puisse calciner l'or.»

Basile Valentin : « Par l'addition du tartre et du sel, on fait, avec l'antimoine, un régule, qui, étant fondu, si on ajoute de l'acier par une secrète préparation, il se fait étoilé, qui a été devant moi appelé étoile des sages. Si quelquefois on le fond avec salpestre, il devient jaune de propriété igné... »

Fulcanelli n'hésita pas à désigner le fer comme étant le vrai dispensateur du soufre. Pour Fulcanelli, le protagoniste mâle ou fixe, apparaît souvent déguisé sous le masque de Mars, du Chevalier ou du Saint terrassant le Dragon, (Saint-Marcel, Saint-Michel, Saint-George, Sainte-Marthe). C'est lui le Roi ou le Lion de Basile Valentin, dans le combat symbolisant la préparation de la première matière.

Le fer, c'est le Chevalier Ares, nous dit encore Fulcanelli. Éthymologiquement, Arès est ce qui donne forme aux individus. C'est notre Aimant qui attire notre Magnésie dont le symbole astrologique est le Bélier – la stibine ou Aries –, c'est pourquoi il recommande de différencier Arles, d'Arès ou d'Aries. L'aimant, c'est le fer, pris pour *amant*, c'est lui qui a cette affinité pour le soufre (S) contenu dans la stibine, la magnésie qu'il va attirer comme l'aimant attire le fer.

Le fer, c'est également la *minière de l'or* du docte Lintaut et du Président d'Espagnet, dont Fulcanelli reprend l'expression à son compte dans ses deux livres, où il consacre au vil métal de nombreux chapitres et passe en revue les différentes propriétés que les adeptes et les spagyristes lui attribuent. Il mentionne également le fer qui émerge de la devise du grand argentier Jacques Cœur, – *A vaillans cuers riens impossible* –, le fer, qui est le nom vulgaire de la matière basique ouvrée, écrit le Maître.

Ailleurs, analysant l'hiéroglyphe du Griffon, dans le combat du « chevalier armé de la lance et du bouclier, et du vieux dragon arsenical », il décrit le procédé par analogie avec la passion du Christ; « crucifiez avec trois pointes de fer, afin que le corps meure et puisse ressusciter ensuite ». Plus loin, commentant le livre d'Abraham le Juif, le Maître souligne une fois de plus le détail opératoire: « il est, dit-il en parlant du vieux grimoire, écrit avec une pointe de fer dont la secrète propriété change la nature intime de notre Magnésie ».

Toutes ces remarques sur le fer sont très pertinentes. Le métallurgiste connaît bien les propriétés du fer et son utilité dans la réduction du minerai d'antimoine jusqu'à l'obtention de l'étoile (*compos stellae*). Le choix du fer comme antagoniste confirme également le choix de la stibine, le mercure primitif qui, en association étroite avec le fer, le seul dispensateur du soufre, donnera naissance au *Rebis*.

Le Médiateur, troisième agent, le Sel

Le Feu Secret, l'Eau des Sages, etc.

Nous disposons du *vieux dragon arsenical* (la stibine), du *chevalier armé de la lance et du bouclier* (le fer), il ne nous reste qu'à trouver le Médiateur.

Le sel, double selon Eugène Canseliet, n'est pas une simple vue de l'esprit. C'est un des éléments indispensables du Grand Œuvre. Il est représenté par un prêtre célébrant l'union du Roi et de la Reine, sur la sixième clef de Basile Valentin. Canseliet a révélé qu'une autre représentation symbolique se retrouve souvent sous l'apparence de petits anges (parvuli). Fulcanelli envisage le sel lorsqu'il évoque le mythique *Eros-Cupidon*.

Pour Fulcanelli : « De ces principes, deux sont réputés simples, le soufre et le mercure, parce qu'ils se rencontrent naturellement combinés dans le corps des métaux; un seul, le sel, apparaît constitué en partie de substance fixe, en partie de matière volatile. On sait, en chimie, que les sels, formés d'un acide et d'une base, relèvent, par leur décomposition, la volatilité de l'un, de même que la fixité de l'autre. Comme le sel participe à la fois du principe mercuriel par son humidité froide et volatile (air),

et du principe sulfureux par sa sècheresse ignée et fixe (feu), il sert donc de médiateur entre les composants soufre et mercure de notre embryon. »

De Pontanus : « Toute notre application et notre soin, donc, ne doit être qu'à la connaissance de la vraie pratique, dans le premier, le second, et le troisième oeuvre. Ce n'est point le feu de bain, de fumier, ni de cendres, ni aucun de tous les autres feux que nous chantent les Philosophes, et nous décrivent dans leurs livres.

Qu'est-ce donc que ce feu qui parfait et achève tout l'oeuvre, depuis le commencement jusqu'à la fin ? Certainement tous les Philosophes l'ont caché; mais, pour moi, touché d'un mouvement de pitié, je le veux déclarer avec l'entier accomplissement de tout l'oeuvre.

La Pierre des Philosophes est unique, et une, mais cachée et enveloppée en la multiplicité de différents noms, et avant que tu la puisses connaître tu te donneras bien de la peine; difficilement la trouveras-tu de ton propre génie. Elle est aqueuse, aérienne, ignée, terrestre, flegmatique, colérique, sanguineuse et mélancolique. Elle est un soufre et pareillement Argent vif.

Elle a plusieurs superfluités, qui, je t'assure par Dieu vivant, se convertissent en vraie et unique Essence, moyennant notre feu. Et celui qui sépare quelque chose du sujet – croyant cela nécessaire –, ne connaît assurément rien à la Philosophie. Car le superflu, le sale, l'immonde, le vilain, le bourbeux, et, généralement toute la substance du sujet, se parfait en corps spirituel fixe, par le moyen de notre feu. Ce que les Sages n'ont jamais révélé, et, fait que peu de gens parviennent à cet Art ; s'imaginant que quelque chose de sale et de vilain doit être séparé.

Maintenant il faut faire paraître, et tirer dehors les propriétés de notre feu; s'il convient à notre matière selon la manière dont j'ai parlé, c'est-à-dire s'il est transmué avec la matière. Ce feu ne brûle point la matière, il ne sépare rien de la matière, ne divise ni n'écarte les parties pures des impures, ainsi que disent tous les Philosophes, mais convertit tout le sujet en pureté. Il ne sublime pas comme Géber fait les sublimations, et Arnaud pareillement, et tous les autres qui ont parlé des sublimations et distillations. Il se fait et parfait en peu de temps.

Ce feu est minéral, égal et continuel, il ne s'évapore point, si ce n'est qu'il soit trop excité; il participe du soufre, il est pris et provient d'ailleurs que de la matière. Il rompt, dissout, et congèle toutes choses, et semblablement congèle et calcine; il est difficile à trouver par l'industrie et par l'Art. Ce feu est l'abrégé et le raccourci de tout l'oeuvre, sans prendre autre chose, du moins peu, et ce même feu s'introduit et est de médiocre ignition; parce qu'avec ce petit feu tout l'oeuvre est parfait, et sont faites, ensemble, toutes les requises et dues sublimations.

Ceux qui liront Géber et tous les autres Philosophes, quand ils vivraient cent millions d'années, ne le sauront comprendre; car ce feu ne se peut découvrir que par la seule et profonde méditation de la pensée, ensuite on le comprendra dans les livres, et non autrement. L'erreur en cet Art, ne consiste qu'en l'acquisition de ce feu, qui convertit la matière en la Pierre des Philosophes.

Etudies-toi donc à ce feu, parce que si moi-même je l'eus premièrement trouvé, je n'eus pas erré deux cents fois sur la propre matière. A cause de quoi je ne m'étonne plus si tant de gens ne peuvent parvenir à l'accomplissement de l'oeuvre. »

Canseliet cite un passage extrait du Rosaire des Philosophes: « Les sels et les aluns ne sont pas la pierre, mais les aidants de la pierre. Celui qui n'aura pas goûté la saveur des sels ne viendra jamais au désiré ferment du ferment; car il met en fermentation le défini pas excellence.

Le supérieur est tel que l'inférieur.

Brûle dans l'eau, lave dans le feu.

Cuis et recuis, et de nouveau cuis.

Très souvent dissoudre et sans cesse coaguler.

Tue le vif et ressuscite le mort.

Et cela sept fois. Et tu auras vraiment ce que tu cherches, si tu connais le régime du feu. Le Mercure et le feu te suffisent.

Nicolas Flamel: « Aviseras en abord prendre l'aîné du prime fils enfant de Saturne qui n'est mie le vulgal 9 parts, du sabre chalybé du dieu guerrier 4 parts. Fais iceux rougir en un creuset, quand sera rougi fondant jette les 9 de Saturne que je t'ai dit, dedans, lors celui-ci soudain mangera l'autre : nettoie bellement des ordures fécales venant à mont de la Saturnie avec salpêtre et tartre à quatre ou cinq reprises que sera bon quand verras un signe astral dessus le régule en mode d'étoile. Adonc de l'or est faite la clef et coutelas qui ouvre et incise tout métal voire surtout le Or, Argent et Mercure tous lesquels mange et dévore et garde en son ventre, et as par icelui engin droit, chemin de vérité appert, si as œuvré ainsi qu'est métier, car icelui engin saturnal est l'herbe régale triomphante pour ce qu'icelle est l'Argent et petit roi imparfait que promouvons au degré de moult de gloire et honneur et est mêmelement la reine c'est à savoir la lune et femme du soleil. »

Canseliet: « Le salpêtre des philosophes, suivant que le proclame l'indéniable éthymologie de son nom, latine et consonnante, désigne le sel qui est pour la pierre ou bien encore qui appartient à la pierre : *Sal petræ*. »

Canseliet, commentant un extrait des «Trois livres du Potier», de Cyprian Piccolpassy cite ce passage: « Il est a sçaveoyr que chez nous la lie du vin se recueille plus en les moys de novembre et décembre, que non pas en aultre temps, veu que se peut recueillir le tartre, pour veu que soyent les tonnes bien seiches, i'entends icelles où sont long temps ia demeurés les vins. Ceste-cy rasclées en dedans avecques ung fer, il s'en levera une croustees poisse d'ung ou deux doigts, c'est là le tartre...

« Nous ajouterons le conseil assurément non négligeable, de ne point utiliser d'artifice dans le but que la solution du tartre devienne plus facile. Le double facteur du temps et de la patience, en l'occurrence, joue un grand rôle, ... »

Huginus à Barmâ: « Où trouve-t-on l'eau des Sages ? Hermès écrit : Nous tirons notre eau d'une menstrue sordide et puant et Dantin : Notre eau se trouve dans les vieilles étables, les latrines, les cloaques ; sachez que les insensés n'entendent pas ces paroles, ils croient qu'il s'agit ici du mercure ; remarquez bien cependant que ce n'est pas du mercure dont les philosophes parlent mais d'une eau sèche qui rassemble tous les esprits minéraux, l'âme et le corps, en les rendant pénétrants, et qui après les avoir rassemblés les abandonne, se sépare d'eux et les laisse dans l'état de fixité. »

Bernard Husson: « Les aidants, par leur étroite union avec le couple alchimique, transforment à ce point l'apparence et les fonctions de ses protagonistes, que les meilleurs auteurs emploient, pour décrire l'opération qu'ils provoquent, les termes de retournement ou de reversement. Rien ne rend mieux compte de ces phénomènes subits, que la brusque irruption sur la scène du théâtre chimique, d'acteurs imprévus, sous le costume et le masque nouveau desquels le néophyte devra reconnaître un des anciens personnages (ou plusieurs fondus en un seul). C'est pourquoi, si quatre corps chimiquement définis, au sens actuel du terme, jouant chacun le rôle d'un des éléments cosmiques traditionnel, sont effectivement requis pour le début de l'opération évoquée dans cette première clef, il ne faut pas croire qu'à chacun corresponde d'une manière univoque l'une des quatre figures de la planche. »

Limojon de Saint-Didier: « Tout ce que vous pouvez raisonnablement attendre de moi, c'est de vous dire que le feu naturel, dont parle ce Philosophe, est un feu en puissance, qui ne brûle pas les mains ; mais qui fait paraître son efficacité pour peu qu'il soit excité par le feu extérieur. C'est donc un feu véritablement secret que cet Auteur nomme Vulcain Lunatique dans le titre de son récit. Artephtius en a fait une plus ample description, qu'aucun autre philosophe. Pontanus l'a copié et a fait voir qu'il avait erré deux cents fois parce qu'il ne connaissait pas ce feu, avant qu'il eût lu et compris Artephtius : ce feu mystérieux est naturel, parce qu'il est d'une même nature que la matière philosophique; l'artiste néanmoins prépare l'un et l'autre... Considérez seulement avec application, que ce feu naturel est néanmoins une artificieuse invention de l'artiste, qu'il est propre à calciner, dissoudre et sublimer la pierre des Philosophes et qu'il n'y a que cette seule sorte de feu dans le monde, capable de produire un pareil effet. Considérez que ce feu est de la nature de la chaux et qu'il n'est en aucune manière étranger à l'égard du sujet de la Philosophie. Considérez enfin par quels moyens Geber enseigne de

faire les sublimations requises à cet art : pour moi je ne puis faire davantage que de faire pour nous le même souhait qu'a fait un autre Philosophe : Sydera Veneris et Corniculatae Dianae tibi propitia funto. »

Le Cosmopolite : « Prends ce qui est, mais qui ne se voit pas, jusqu'à ce qu'il plaise à l'artiste ; c'est l'eau de notre rosée, de laquelle se tire le salpêtre des philosophes, par laquelle toutes choses croissent et se nourrissent. »

De Grimaldi : « En convenant que tout ce que les Philosophes disent de sublime au sujet du Nitre est vrai, il faut en même temps convenir qu'ils entendent parler d'un Nitre aérien, qui est attiré en sel plus blanc que la neige, par la force des rayons du Soleil et de la Lune, par un aimant qui attire l'esprit invisible ; c'est là la magnésie des Philosophes. »

Fulcanelli : « Si donc vous désirez posséder le griffon - qui est notre pierre astrale - prenez deux parts de terre vierge, notre dragon écailleux, et une de l'argent igné, lequel est ce vaillant chevalier armé de la lance et du bouclier. Ares plus vigoureux qu'Aries doit être en moindre quantité. Pulvérissez et ajoutez la quinzième partie de ce sel pur, blanc, admirable, plusieurs fois lavé et cristallisé, que vous devez nécessairement connaître. Mélangez intimement ; puis prenant exemple sur la passion de Notre Seigneur, crucifiez avec trois pointes de fer, afin que le corps meure et puisse ressusciter ensuite. Cela fait, chassez du cadavre les sédiments les plus grossiers, broyez et en triturez les ossements ; malaxez le tout sur un feu doux avec une verge d'acier. jetez alors dans ce mélange la moitié du second sel tiré de la rosée qui, au mois de Mai, fertilise la terre, et vous obtiendrez un corps plus clair que le précédent. Répétez trois fois la même technique, vous parviendrez à la minière de notre mercure, et vous aurez gravi la première marche de l'escalier des Sages. »

Basil Valentin : « Toute chose réduite en cendres montre et manifeste son sel. Si, dans la dissolution, tu sais garder séparément son soufre et son mercure, et de ces deux-là rendre avec industrie ce qui est nécessaire au sel, il se pourra faire le même corps qu'avant sa dissolution... Au jour du Jugement Dernier, le monde sera jugé par le feu, et ce qui a été fait de rien par le Maître, sera par le feu réduit à nouveau en cendres, desquelles le Phénix produira ses petits, car en ces cendres est caché le vrai tartre, et après sa dissolution, la forte serrure du palais Royal peut être ouverte.

« Le Maître qui n'a pas de cendres, celui-là ne peut pas non plus préparer de sel pour notre art, car sans cendres, notre ouvrage ne peut être corporifié, car le sel est le seul qui opère l'endurcissement de toute chose.

« Comme le sel conserve toutes choses, et les préserve de pourriture, de même le sel de nos maîtres défend et préserve les métaux et empêche qu'ils soient entièrement détruits, en conservant leur baume et leur esprit, car autrement il resterait un corps mort, dont il ne pourrait plus être produit quelque chose de fécond, parce que les esprits métalliques l'auraient quitté, et leur baume et sel spirituel incorporé de nature, périssant, le corps sera mort. »

Monte-Snyder : « Le tartare améliore les métaux, les rend maléables, et c'est pourquoi il s'accorde avec le Sel métallique, qui, par le tartare, est multiplié... Tout comme la terre se trouve en présence de l'air, ainsi se trouve aussi le Sel vis-à-vis de l'esprit ; et, de rechef, de même que l'air est médiateur entre le feu et la terre, non diversement le Ruah des sages est le médiateur entre le corps et l'âme, vrai nœud de ce qui conjoint l'âme avec le corps ; et cet intermédiaire dont je parle, est à comparer à quelque double homme igné : dans le grand Œuvre philosophique, il est double, et, du reste, de par l'obtention de sa vivacité ignée, hermaphrodite, puisque la vie consiste dans le feu, qui, de personne, sinon seulement de lui-même, vit et se meut, et ainsi de suite.

« Mais afin d'accéder au sujet et à mon but, saches donc que le feu minéral et métallique, en lui-même et pour lui-même, est matière première, qui se trouve dans la minière de Saturne, ou dans son réceptacle, ou Maison universelle : de cette demeure universelle, qui est la sienne, il doit, de temps en temps, battre en retraite, à cause de l'affliction de l'igné dragon volant... »

Canseliet : « Sous l'effet de la chaleur appliquée avec sagesse, grâce à son nitre subtil, la rosée élève et anoblit tout sel que ce soit et, préférablement ceux que la nature a réservé pour le Grand Œuvre.

En compagnie de cette couple des fondants salins, la nocturne condensation subit l'action du feu facilement et sans dommage ;

Canseliet : « Quel est ce sel blanc qu'il faut employer, préférablement, cristallisé en neige, et qui est aisément mêlé à notre minéral et à notre métal, eux-même divisés, l'un en poudre, l'autre en limaille ?

« Notre sel ou, si l'on préfère, notre fondant, est double parce qu'il est physiquement composé de l'addition ana de deux sels différents. »

Le lecteur a compris qu'il faut utiliser deux sels, le terme *ana*, utilisé par monsieur Canseliet, signifiant en proportions égales.

Le premier sel, le sel nitre, ou salpêtre, était extrait des aluvions du Nil, dans la Haute Antiquité. En Égypte il était surtout connu pour ses propriétés fertilisantes.

De formule chimique NO_3K , autrement dit nitrate de potassium, on l'obtenait au Moyen Âge, en brossant les vieux murs et plâtrats, on lui donnait alors la dénomination de salpêtre de housage. Il ne faut pas confondre le nitre avec le natron des égyptiens.

Le second sel, le tartre, désigne en réalité le tartrate acide de potassium ou bitartrate, produit naturel recueilli lors de la fermentation du vin. Le terme de tartre désigne aujourd'hui plus généralement certains dépôts salins, comme le carbonate de calcium dans les canalisations d'eau par exemple.

La rosée

Nous abordons ici le domaine mystérieux et magique de l'alchimie. C'est sans doute l'utilisation de cet agent qui lui a valu sa conotation astrologique et mystique, compte-tenu des conditions de sa captation, la nuit, aux équinoxes, la lune en phase ascendante.

Contrairement aux autres protagonistes du Grand Œuvre dont on peut suivre la trace sur une longue période, qui remonte à Marie la Juive, les rares allusions à la rosée n'apparaissent que vers le milieu du Moyen Âge. L'histoire de la rosée débute peut-être avec le *Roman de la Rose*, de Jehan de Meung. Nul ne peut affirmer que des adeptes comme Artéphius, Flamel, le Trévisan, Arnaud de Villeneuve, Basile Valentin ou Philalèthe, ont effectivement mis en œuvre la rosée.

En revanche, c'est bien la rosée que Jacob Sulat, alias Altus, met en œuvre dans son *Mutus Liber*, à la quatrième planche, reproduite ci-après, ainsi que Cyliani, dans son *Hermès Dévoilé*, de même que l'auteur anonyme des *Scholies* et des *Récréations Hermétiques*.

Les planches du *Mutus Liber* sont très parlantes, en dépit du qualificatif *muet* utilisé par l'auteur. On remarquera sur la quatrième planche, la présence du bélier et du taureau symbolisant les deux mois printaniers, le rayonnement cosmique, en évantail, donnant son caractère mystique à l'opération, et l'agencement triangulaire des draps tendus sur des piquets, soulignant discrètement une certaine analogie avec le *feu secret*.

Le Cosmopolite précise : « Prends ce qui est, mais qui ne se voit pas, jusqu'à ce qu'il plaise à l'artiste ; c'est l'eau de notre rosée, de laquelle se tire le salpêtre des philosophes, par laquelle toutes choses croissent et se nourrissent. »

C'est également la rosée que Limojon de Saint-Didier met en œuvre dans son commentaire de « l'Ancienne Guerre de Chevaliers », et que la nymphe de Cyliani déclare être le véhicule indispensable.

Limojon de Saint-Didier : « Comme le sage entreprend de faire par nostre art une chose, qui est au-dessus des forces ordinaires de la nature, comme amolir une pierre, & de faire végéter un germe métallique, il se trouve indispensablement obligé d'entrer par une profonde méditation dans le plus secret intérieur de la nature, & de faire prévaloir des moyens simples, mais efficace qu'elle luy en fournit ; or vous ne devés pas ignorer que la nature dex le commencement du Printemps, pour se renouveler, & mettre toutes les semences, qui sont au sein de la terre, dans le mouvement qui est propre à la végé-

tation, imprègne tout l'air qui environne la terre, d'un esprit mobile & fermentatif, qui tire son origine du pere de la nature ; c'est proprement un nitre subtil, qui fait la fécondité de la terre dont il est l'ame, & que le Cosmopolite appelle le sel-petre des philosophes. »

Plus loin, assimilant la rosée au feu secret : « Tout ce que vous pouvez raisonnablement attendre de moi, c'est de vous dire que le feu naturel, dont parle ce Philosophe, est un feu en puissance, qui ne brûle pas les mains ; mais qui fait paraître son efficacité pour peu qu'il soit excité par le feu extérieur. C'est donc un feu véritablement secret que cet Auteur nomme Vulcain Lunatique dans le titre de son récit. »

On remarquera le caractère *Lunatique* attribué à *Vulcain*.

L'auteur des Récréations Hermétiques, manuscrit découvert par le savant hermétiste Bernard Husson, est le premier à mettre en valeur le pouvoir polarisant de la lune en termes scientifiques : « Tout le monde sait aujourd'hui que la lumière que la lune nous envoie n'est qu'un emprunt de celle du soleil, à laquelle vient se mêler la lumière des autres astres. La lune est par conséquent le réceptacle ou foyer commun dont tous les philosophes ont entendu parler; elle est la source de leur eau vive. Si donc vous voulez réduire en eau les rayons du soleil, choisissez le moment où la lune nous les transmet avec abondance, c'est-à-dire lorsqu'elle est qu'elle approche de son plein; vous aurez par ce moyen l'eau ignée des rayons du soleil et de la lune dans sa plus grande force. »

Conclusions

Nous venons de passer en revue les points les plus critiques de cet Art, touchant les matières premières ainsi que leurs propriétés.

Grâce à nos érudits précurseurs, Canseliet, Husson ou Atorène, il n'a pas été très difficile de révéler au grand jour ces secrets tant convoités au cours des deux millénaires écoulés.

Nous disposons donc, non seulement d'une idée précise et concrète des matériaux secrets utilisés par les adeptes, mais également d'un aperçu sur les techniques mises en œuvre.

La Pierre Philosophale en 5 points

Le procédé consiste à fabriquer une gemme aux propriétés physico-chimiques extraordinaires, inconnues de la physique moderne, la Pierre Philosophale.

Cette gemme qui se présente sous l'aspect d'un verre pilé de couleur tirant vers le rouge-grenat foncé, est dotée d'une densité inexplicablement élevée, peut-être vingt à trente fois celle de l'eau. Fusible à basse température, elle est très soluble dans l'eau ou l'alcool, lorsqu'elle n'est pas orientée vers la transmutation, et devient dans cet état le fameux élixir de jouvence (à consommer avec beaucoup de modération).

Dans son état indifférencié, elle peut être à la fois multipliée en qualité et en quantité à l'infini. Il suffit pour cela de reprendre le processus à partir du régime des *Aigles* ou des *sublimations*, avec une nouvelle portion de *Mercuré Philosophale*, et de réitérer la grande coction. Chaque phase d'augmentation et de multiplication ne demandera qu'une fraction du temps de la précédente, environ le huitième, selon Fulcanelli, la moitié selon d'autres auteurs. La Pierre verra aussi sa puissance décupler à chaque multiplication et sa fusibilité augmenter sensiblement jusqu'au point de devenir liquide puis gazeuse, si l'on excédait le nombre limite de réitérations. Dans cet état, elle irradie une forte lumière, et devient la très mystérieuse *lampe perpétuelle*.

Pour orienter la Pierre vers la transmutation métallique, il suffira de fermenter la Pierre avec quatre à dix fois son poids d'or dans un creuset à feu nu pendant quelques heures. Dans cet état elle sera sans effet sur les deux autres règnes.

Selon le degré de multiplication, son pouvoir tinctorial pourra varier de quelques centaines à plusieurs milliers de fois les masses métalliques mises en jeu. Le pouvoir tinctorial de la Pierre est fonction de la nature du métal utilisé lors de la projection. Des puissances transmutatoires de 1 : 20 000 ont été rapportées.

Enfin, au cours de la plupart des transmutations relatées et commentées par Bernard Husson dans *Transmutations Alchimiques*, des violations inexplicables du principe de conservation de masse ont été constatées, dotant la Pierre Philosophale de surprenantes propriétés telles que l'accroissement de la masse de métal, ainsi que la faculté, pour l'or synthétisé, de transmuter encore le vil métal de départ par inquartation et fusion.

En raccourci, le procédé par voie sèche, détaillé plus loin, peut être résumé de la manière suivante :

Au tout début, l'alchimiste doit élire les matériaux canoniques, révélés ci-dessus en toute honnêteté, et leur faire subir les toutes premières préparations qui sont du ressort de la chimie-physique ou de la métallurgie.

De ce qui précède, on retiendra qu'il faut en tout et pour tout quatre corps, soit deux sels un minéral et un métal.

Un axiome explique que l'Œuvre *n'admet ni ne reçoit ce qui vient de l'extérieur*. Cela signifie qu'il ne faut ajouter rien d'étranger à la Pierre, une fois le processus amorcé.

Les préliminaires effectués :

1 - La première opération consiste à obtenir la *Pierre Astrale* ou le *Griffon*. On nomme également cette opération *Séparation*, parce qu'il faut frapper un coup sec sur le creuset refroidi après l'épreuve du feu, afin de détacher la partie réguline (métal raffiné) pour la séparer des scories. C'est également le pèlerinage de *Compostelle* que l'*Artiste* accomplit métaphoriquement en vue d'obtenir le *compost étoilé*, selon Flamel et Fulcanelli.

2 - La seconde opération, que les alchimistes nomment souvent la première, parce que la plus importante et la plus secrète, conduit à l'élaboration du *mercure des sages*, à l'issue d'une longue

suite de manipulations dénommées *sublimations philosophiques* et qu'il ne faut pas confondre avec l'opération chimique moderne. En partant des matériaux obtenus au premier œuvre, l'alchimiste réalise une extraction liquide-solide pour obtenir un substrat, dénommé symboliquement le *Rémora*, le *Roi*, la *fève*, le *Rebis*, etc., qu'il récupère en écrémant la surface du compost en surfusion. Cette opération est également dénommée *Aigles*, par analogie au rapace qui enlève sa proie, c'est-à-dire le volatil qui enlève le fixe. Le motif de notre couverture illustre bien cette opération considérée comme la plus importante du magistère : le caducée d'Hermès – casque ailé surmontant un sceptre autour duquel s'enroule deux serpents – est lié à une ancre marine. La composition est bordée de deux cornes d'abondance, attestant l'importance du résultat final. Les deux lances, croisées afin d'insister sur la nécessité d'œuvrer au creuset de la voie sèche, sont ornées d'une coquille Saint-Jacques, représentation usuelle du *mercure philosophale*. un axiome important se rapporte à cette opération : « *Si tu sais dissoudre le fixe et fixer le volatil, tu as de quoi te consoler* ».

Dissoudre le *fixe* et coaguler le *volatil*, c'est toute notre philosophie, répètent à souhait Fulcanelli et les grands Maîtres.

Une précision, le volatil dont il est fait mention dans la voie sèche n'est pas une matière qui peut se distiller, c'est un corps solide à température ambiante et *liquéfiable* au creuset.

Il faut à tout prix éviter les voies sophistes, comme celles décrites par exemple sur internet par des faux alchimistes qui se sentent élevés au niveau des plus grands maîtres sans même avoir franchi le stade de l'apprentissage ou celui d'une saine initiation.

3 - La troisième opération, aussi appelée *Coction*, consiste à faire subir l'ultime transformation ignée à la matière. Fulcanelli, d'ordinaire plus prolixe, a été d'une extrême réserve sur cette phase et l'enseignement éparse qu'il en donne à travers sa trilogie est difficile à suivre. Cette opération permet l'obtention du soufre, dernière étape de la transformation, qui ne nécessitera plus qu'une gradation pour augmenter son pouvoir. La *Coction* requiert plus de doigté que toutes les autres phases. Il faut prendre le *Rémora du second œuvre*, sans le sortir du milieu où il se trouve, c'est-à-dire enfui dans son sel, puis lui faire subir une dernière cuisson dans un creuset à feu nu durant 4 à 6 jours. Le délai expiré, le creuset se fend et laisse apparaître l'escarboucle incarnat dans un écrin roux, boursoufflé et opaque, semblable quant à la forme, à une châtaigne ou un hérisson.

4 - La quatrième opération alchimique s'appelle *multiplication*. Elle consiste à augmenter le poids et la puissance tinctoriale de la Pierre. Selon les anciens adeptes, les propriétés de la Pierre s'améliorent progressivement, à chaque multiplication d'un facteur dix, alors que le temps requis pour chaque nouvelle imbibition diminue dans une proportion de un huitième du temps précédent. Enfin, à un certain stade des multiplications, la pierre ne peut plus se solidifier, elle devient liquide et très fluorescente, il faut alors suspendre les opérations sous peine de la perdre au cours du passage à l'état gazeux.

5 - La dernière opération s'appelle *fermentation* et consiste à orienter la Pierre vers la transmutation. Une fois les multiplications en poids et puissances achevées., la Pierre est simplement fondue avec trois ou quatre fois son poids d'or. Orientée vers la projection, la Pierre reste sans effet sur les autres règnes. Non fermentée, elle reste susceptible d'être augmentée en poids et on peut l'utiliser comme médecine dans certaines affections. Les alchimistes ont pour habitude de réserver une partie de la Pierre avant la fermentation dans le but de l'utiliser à des fins médicinales.

Avant d'aborder, par le menu et dans le bon ordre, les techniques alchimiques, ce qui à ma connaissance n'a jamais été fait à ce jour, je voudrai simplement donner mon sentiment sur un point fondamental dans le processus du Grand Œuvre : la rosée.

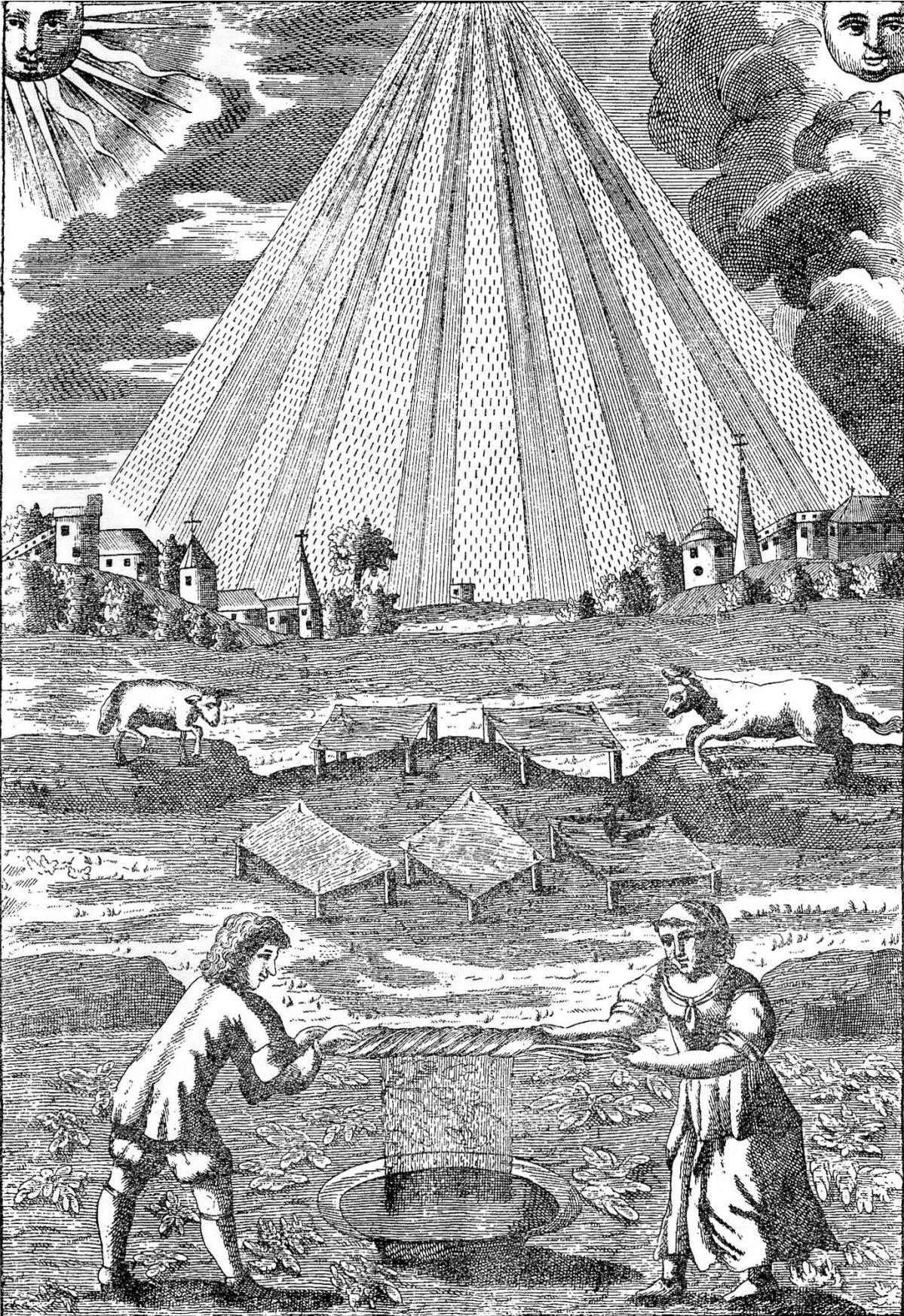
Selon Eugène Canseliet, grâce à son nitre subtil, la rosée anoblit tout sel et particulièrement ceux réservés au Grand Œuvre. En opérant la dissolution du sel binaire dans la rosée puis en distillant le mélange ainsi obtenu, on récolterait un substrat enrichi de nitre céleste « *exalté* » et doué de nouvelles propriétés, indispensables pour l'élaboration de la Pierre.

Je ne partage pas cette opinion, la rosée semble absente des processus mis en œuvre par beaucoup d'adeptes, bien que Canseliet, ainsi que d'autres auteurs modernes, soutienne que sans la rosée, il est impossible de recueillir le sel à coloration verte lors des premières calcinations. Et bien non, il est tout à fait possible d'obtenir la coloration verte sous certaines conditions dès le premier œuvre, sans nécessiter l'emploi de sel traité par la rosée.

Il reste donc à déterminer la nécessité de ces longues suites d'opérations pénibles qui mettent en jeu la rosée et qui compliquent sérieusement le processus alchimique.

Pour trancher ce nœud gordien, on pourrait, par exemple, mener deux séries de manipulations de front, l'une avec et l'autre sans utilisation de sel traité par la rosée, toutes les autres conditions étant rigoureusement identiques, il sera relativement simple de statuer sur ce point de doctrine.

Planche 4 du Mutus Liber - Récolte de la Rosée.

CHAPITRE V

Planche 12 du Mutus Liber - Exaltation de la rosée.

Art brevis.
Processus alchimique par voie sèche

L'alchimiste initié dispose des matériaux nécessaires et connaît leurs propriétés :

- la *vierge noire*, le *dragon* mythique, notre *stibine*, à l'état brut, l'unique dispensateur du *mercure*, ou peut être *notre galène*?
- *Mars*, le *vaillant chevalier*, la limaille de fer, notre *soufre*,
- Le bitartrate de potassium, *notre tartre*,
- le *salpêtre*,

Il lui faut maintenant :

- équiper le laboratoire,
- faire une bonne provision de rosée,
- établir un protocole aussi complet des procédures à mettre en œuvre, conditions opératoires, quantités et/ou proportions de réactifs, durée des opérations,
- définir les étapes intermédiaires, les caractéristiques des sous-produits,
- évaluer les dangers potentiels à chaque étape (explosion, intoxication).

Avant d'entamer les processus de la coction, il faut avoir effectué les préliminaires que sont les travaux hors d'œuvre. Ces préparatifs ne sont jamais évoqués par les auteurs, ils supposent tous que l'apprenti alchimiste dispose des éléments requis.

1 - Préparation du minerai

La liquation

Dans son sommaire, Flamel est le premier à indiquer clairement ce procédé d'enrichissement hors d'œuvre, à savoir la liquation, sans omettre de désigner symboliquement le sujet de l'art :

« ... Le *Mercur*e en cuident faire
Des philosophes & parfaire;
Mais jamais parvenir n'y peuvent,
Ainsi abusez ils se trouvent,
Qui est la *première matière*
De la pierre, & *vraye minière*:
Mais jamais ils n'y parviendront,
Ni aucun bien y trouveront,
S'ils ne vont dessus la *montaigne*
Des *sept*, ou il n'y a nulle plaine,
Et par dessus regarderont
Les fix de loin il verrons;
Et au-dessus de la plus *haute*
Montaigne, cognoistront sans faute
L'herbe triomphante Royale
Laquelle ont nommé *minerale*,
appelée est *saturniale*,
Mais laisser le marc il convient,
Et pendre le jus qui en vient
Pur et net : de cecy t'advise,
Pour mieux entendre ceste guise;

Car d'elle tu pourras bien faire
La plus grande part de ton affaire.
C'est le vray *Mercur*e gentil
Des Philosophes très subtil.

Le grand Adepté parisien dévoile le nom de la matière élue, laquelle est *saturniale*. Cette appellation d'*herbe triomphante et royale* est tirée d'un manuscrit attribué à Marie la Prophétesse, le qualificatif de *saturniale* étant, lui, emprunté à Artéphiüs. C'est notre stibine. L'Adepté recommande de prendre le *jus pur* et *net* qui vient de la *Saturnie* minérale et de laisser le *marc* (*la gangue*), ce faisant, on possèdera le vrai *Mercur*e gentil et subtil.

La stibine, à l'état pur, fond à 550 °C et sa masse volumique est de 4,65 kg/dm³. En général, les minerais commerciaux ont des teneurs comprises entre 40 et 70 % et, selon Atorène, le minimum acceptable correspond à environ 30 %, soit une masse volumique de 3 kg/dm³ pour le minerai le plus pauvre.

Pour débarasser le minerai de sa gangue, on le fait fondre à la lampe d'émailleur, dans un creuset dont le fond est percé d'un trou de 10 mm de diamètre. La stibine s'écoule par le fond tandis que la gangue surnage le sulfure en fusion. Atorène utilise pour ce faire un vulgaire pot de fleur en terre cuite.

Le broyage

Afin d'obtenir la réactivité maximum du minerai, il faut le réduire en poudre impalpable. Cette opération peut se faire dans un mortier en fonte. Pour éviter d'éparpiller les poussières, on peut procéder en milieu humide en ajoutant de l'eau, par petites quantités.

On laissera décanter deux ou trois heures la bouillie obtenue et on recyclera l'eau. On ira jusqu'au bout de cette opération avant de sécher la fine poudre au four, à température modérée.

L'assation

Cette opération, pratiquée par Fulcanelli et E. Canseliet, juste avant le séchage du minerai subtilement broyé en phase humide, consiste à soumettre au feu doux la bouillie ainsi obtenue, voire diluée, mélangée à du sable, en modulant le chauffage en fonction de l'activité lunaire. Le sable sera plus tard éliminé par tamisage.

L'assation est une technique spagyrique qu'on applique à des plantes ou des produits organiques, l'étendre aux minéraux paraît très empirique, on peut se passer de cette opération.

2 - Préparation du tartre

Le tartrate acide de potassium ou bitartrate de potassium est un produit naturel que l'on recueille dans des tonneaux de chênes ou dans des cuves en ciment ayant contenu du vin.

De formule C₄H₅KO₆, il contient énormément d'impuretés organiques qu'il convient d'éliminer. On procède par dissolutions à chaud dans de l'eau distillée ou de l'eau de pluie filtrée et par cristallisations successives.

Le tartre pur est soluble à raison de 110 g/litre d'eau à 100 °C, et il est peu soluble à froid (environ 10 g/litre à 20 °C).

En reprenant chaque fraction cristallisée que l'on soumet à une nouvelle solution dans de l'eau claire, en recueillant le précipité dans la solution refroidie et réitérant ainsi plusieurs fois

l'opération, on obtient finalement un sel suffisamment pur pour nos opérations. Le rendement étant déplorable, il faut prévoir au minimum trois fois plus de matière que la quantité requise en finale.

Certains auteurs préconisent une purification par calcination, à feu nu au creuset. Si cette opération permet effectivement d'éliminer les lies, il ya risque de décomposition, car à partir de 300 °C on obtient finalement du carbonate de potassium de formule CO_3K , voire même, sous certaines conditions, du cyanure de potassium.

Une question vient tout de suite à l'esprit.

Peut-on employer indifféremment le bitartrate ou le carbonate de potassium pour les opérations du Grand Œuvre ?

Pas sûr. Sachez simplement que le carbone et l'hydrogène, tous deux combinés dans le bitartrate, améliorent l'élimination des parties combustibles contenus dans le minéral. Les masses moléculaires des deux sels étant différentes, il semblerait logique que les proportions utilisées le soit aussi.

Mais cela a-t-il une réelle importance ? Je pense que oui.

D'un autre côté, vouloir fabriquer du carbonate de potassium en partant du bitartrate c'est un pur gâchis. En effet, on peut extraire plus facilement le carbonate des cendres de la plupart des essences végétales, et c'est ce que montre Basile Valentin dans ces «*Douze Clefs*».

3 - Récolte de la rosée

Rare sont les auteurs ayant abordé ce sujet, en dehors d'Armand Barbault qui se plaçait sur un plan strictement spagyrique.

Auteur anonyme, extrait des *Récréations Hermétiques* : «*Soyez donc assuré que sans l'eau ignée composée de la pure lumière du Soleil et de la lune, il vous sera impossible de vaincre les nombreux obstacles qui se multiplieront encore à vos regards, lorsque vous tenterez le passage de ce fameux Déroit qui conduit à la mer des sages, cette eau que quelques-uns nomment avec raison esprit universel et que l'Anglais Dickinson a suffisamment fait connaître, est d'une si grande vertu et pénétration, que tous les corps qui en sont touchés, retournent facilement à leur premier être.*

J'ai déjà fait connaître que ce n'était pas l'eau de pluie ni de Rosée qui convenait à cette opération, j'ajouterai ici que ce n'est point non plus l'eau d'une espèce de champignon appelé communément Flos Coeli ou Fleur du Ciel et que l'on prend fort improprement pour le Nostoch des anciens, mais une eau admirable tirée par artifice des rayons du soleil et de la lune. Je dirai encore que les sels et autres aimants qu'on emploie pour tirer l'humide de l'air, ne sont bons à rien dans cette circonstance et qu'il n'y a que le seul feu de Nature dont on puisse ici se servir utilement. Ce feu renfermé au centre de tous les corps a besoin d'un certain mouvement pour acquérir cette propriété attractive et universelle qui vous est si nécessaire, et il n'y a dans le monde qu'un seul corps où il se trouve avec cette condition, mais il est si commun qu'on le rencontre partout où l'homme peut aller ; c'est pourquoi j'estime qu'il ne vous sera pas difficile de le rencontrer. »

L'auteur anonyme vient d'écrire qu'il ne faut pas utiliser la rosée ou l'eau de pluie, mais affirme ensuite qu'il faut récolter les esprits astraux sous la pleine lune. C'est un procédé typique d'exposition mis là pour embarrasser le lecteur. Comme si l'auteur, regrettant un mensonge honteux, veut corriger ensuite son exposé, sous-entendant que l'esprit astral n'est plus la rosée.

«*J'ai dit que la lumière était la source commune, non seulement des Éléments, mais encore de tout ce qui existe, et que c'est à elle, comme à son principe, que tout doit se rapporter. Le Soleil et les Etoiles fixes qui nous l'envoient avec tant de profusion en sont comme les générateurs ; mais la Lune placée intermédiairement, l'attrempant de son humidité, lui communique une vertu générative au moyen de laquelle tout se régénère ici-bas.*

Tout le monde sait aujourd'hui que la lumière que la lune nous envoie n'est qu'un emprunt de celle

du Soleil, à laquelle vient se mêler la lumière des autres astres. La Lune est par conséquent le réceptacle ou foyer commun dont tous les philosophes ont entendu parler : elle est la source de leur eau vive. Si donc vous voulez réduire en eau les rayons du Soleil, choisissez le moment où la lune nous les transmet avec abondance, c'est-à-dire lorsqu'elle est pleine, ou qu'elle approche de son plein : vous aurez par ce moyen l'eau ignée des rayons du Soleil et de la Lune dans sa plus grande force.

Mais il est encore certaines dispositions indispensables à remplir, sans lesquelles vous ne feriez qu'une eau claire et inutile.

Il n'est qu'un temps propre à faire cette récolte des **esprits astraux**. C'est celui où la Nature se régénère ; car à cette époque l'atmosphère est toute remplie de l'esprit universel. Les arbres et les Plantes qui reverdissent, et les Animaux qui se livrent au pressant besoin de la génération, nous font particulièrement connaître sa bénigne influence. Le printemps et l'automne sont par conséquent les saisons que vous devez choisir pour ce travail ; mais, le printemps surtout est préférable. L'été, à cause des chaleurs excessives qui dilatent et chassent cet esprit, et l'hiver à cause du froid qui le retient et l'empêche de s'exhaler, sont hors-d'œuvre. Dans le midi de la France le travail peut être commencé au mois de mars et repris en septembre ; mais à Paris et dans le reste du royaume, ce n'est au plutôt qu'en avril qu'on peut le commencer et la seconde sève est si faible que ce serait perdre son temps que de s'en occuper en automne.

Ce point de la pratique est traité intégralement par Eugène Canseliet (*Mutus Liber, l'Alchimie expliquée sur ses textes classiques*) et par Atorène (*le Laboratoire Alchimique*).

Nous l'avons vu plus haut, sur la quatrième planche du *Mutus Liber*, puis confirmé par l'auteur anonyme des *Récréations*, la récolte de la rosée doit se faire au printemps, par temps serein et découvert, la lune étant dans sa phase ascendante, du premier quartier à son plein.

Bien entendu, la récolte doit commencer au coucher du soleil et cesser au matin. Il faut prendre garde de n'opérer que sur des champs non cultivés de crainte d'embarquer des engrais ou des pesticides, en promenant un drap propre, préalablement rincé dans de l'eau de pluie, sur les champs de luzernes ou de sainfoins à l'instar de Canseliet.

Une fois le tissu saturé, on récupère le liquide précieux en l'essorant au dessus d'une bassine.

Le rendement varie d'un litre pour 150 m² à un litre pour 18 m². On peut ainsi en moyenne récupérer 5 à 6 litres de rosée par heure.

Une fois la récolte achevée, il faut filtrer et conserver le liquide dans des vases opaques, à l'abri de la lumière solaire. Il faut prendre garde de mettre en contact la liqueur avec tout objet métallique et n'utiliser que des ustensiles en bois, en verre ou en porcelaine. Les matériaux plastiques peuvent également convenir.

Ainsi que le montrent les planches 9 et 12 du *Mutus Liber*, il est nécessaire d'enrichir la rosée d'influx cosmique, toujours la nuit, bien sûr, par temps calme et serein, sous un ciel dégagé.

La rosée ainsi « exaltée », pourra être plus facilement clarifiée en siphonnant le liquide surnageant ou par décantation, opération nécessaire pour éliminer les brindilles et particules terreuses accidentellement recueillies.

Une provision d'une vingtaine de litres sera collectée et, pour le stockage, on peut utiliser des réservoirs en matière plastique opaque du commerce, soigneusement lavés et rincés à l'eau de pluie ou à l'eau distillée.

4 - Préparation des sels

Selon Eugène Canseliet, la rosée transforme radicalement les sels en les rendant « philosophiques », ce qui provoquera alors l'apparition de l'émail vert, lors de la préparation du régule.

La rosée recueillie renferme un sel qu'il faut cristalliser en même temps que la provision tartre-salpêtre.

On pourra se procurer le matériel indispensable, pour cette partie humide en hors d'œuvre, chez les spécialistes de matériel de labo et de verrerie industrielle pour la chimie.

Voici donc le mode opératoire exposé par les cinquième et sixième planches du *Mutus Liber*, en pages 101 et 106 respectivement. Il faut noter que ces opérations devront être répétées autant de fois que nécessaire pour obtenir la quantité adéquate de sel, laquelle ne saurait être inférieure à 1 kg en finale.

Dans la cornue en verre, de cinq litres de préférence, et aux deux tiers pleine de rosée, on chauffera à feu doux jusqu'à 90 °C et l'on versera environ 300 g de tartre et autant de salpêtre, graduellement en agitant avec une spatule de verre jusqu'à dissolution complète.

La solubilité des sels dans l'eau varie fortement en fonction de la présence d'autres sels. En chimie, on parle de solubilités mutuelles, et il est assez difficile d'établir ces courbes de solubilités en fonction de la température avec précision. Dans le cas présent, le salpêtre étant le plus soluble des deux sels, il en résultera une diminution de la solubilité du tartre, même à chaud. Il faudra en tenir compte lors du passage au stade expérimental.

On couvrira la cornue de son chapiteau, avec un agencement comportant un serpentini refroidi faisant office de condenseur, puis on poussera le chauffage modérément jusqu'à ébullition. La distillation lente sera poursuivie jusqu'à ce que les quatre-cinquième de distillats soient passés.

Si vous avez disposé un thermomètre plongeant dans la cornue, il marquera une température légèrement supérieure à 110 °C à l'ébullition, à pression atmosphérique constante de 1020 mb, et qui augmentera sensiblement jusqu'à la fin de l'opération. Les anglais appellent ce phénomène connu *boiling point rise*, BPR, en français élévation de température. Le BPR est spécifique d'un sel ou d'un mélange défini de sel, et il varie légèrement avec la température d'ébullition (donc de la pression).

Le délicat stroma recueilli de la cornue sera mis à part dans un récipient opaque et bouché hermétiquement. Il sera mis à une lente digestion dans trois ou quatre fioles durant quarante jours. Un détail, je ne crois pas cette longue phase de digestion nécessaire car j'ignore sa contribution dans ce processus de préparation des sels. Je pense que l'auteur a voulu nous entraîner dans une des phases de fermentation de la voie humide.

Décidément, il y a beaucoup de points de pratique sujets à contestation. En cette discipline, il ne faut pas tout prendre pour argent comptant, surtout lorsqu'on peut faire valoir des arguments logiques ou expérimentaux.

À l'issue de cette digestion, si vous souhaitez l'exécuter, le liquide recueilli sera de nouveau distillé, dans la fraction des quatre-cinquième comme auparavant.

Le nouveau stroma obtenu doit être ensuite mélangé au stroma issu de la première distillation.

L'opération finale consiste à évaporer l'eau excédentaire du stroma à feu doux. Après refroidissement, on recueillera notre sel cristallisé à la manière de l'épouse, comme on peut le voir sur la septième planche du *Mutus Liber*. Son geste auguste figure la méthode de préparation de la vraie « crème de tartre ».

La femme tient une fiole sur laquelle on remarque les quatre étoiles figurant le sel « *harmoniac* » des philosophes et on comprend enfin pourquoi il ne faut pas le confondre avec le vulgaire chlorure d'ammonium du commerce. Selon les adeptes, le sel *harmoniac* ou sel d'*Ammon*, symbolisé par le bélier, réalise l'harmonie entre le Ciel et la Terre.

Enfin, détail important et rarement évoqué dans les préparatifs en hors d'œuvre; il faut sécher le sel enrichi à feu doux dans un creuset de porcelaine, humide, il s'opposerait à l'ingrès.

Les distillations décrites par les cinquième et sixième planches du *Mutus Liber*, sont juste

effleurées par Cyliani, dans *Hermès Dévoilé*, qui les expose sous la forme conventionnelle d'un songe, un voyage d'une région chaude vers une contrée froide. Ces distillations sont complètement ignorées de l'auteur anonyme des *Récréations Hermétiques*.

Un bon conseil, conservez vos sels dans des récipients bien bouchés et opaques, dans un endroit sec et à l'abri de la lumière.

Question : Canseliet a-t-il trompé ses lecteurs en leur recommandant d'utiliser les deux sels ensembles ?

Premier Œuvre

C'est à partir du premier œuvre que commence réellement le travail de l'alchimiste.

À ce niveau, et si l'on ne quitte pas ensuite le cadre de la voie sèche, le processus est entièrement métallurgique et l'équipement nécessaire se réduit à un four, quelques creusets, une lingotière et des pinces, un pyromètre.

Compte-tenu des produits utilisés, la plus grande prudence sera de règle.

Quelques conseils pour le débutant :

– il faut mener toutes les opérations sous une sorbonne protégée par une vitre en verre du type sécurit, ou par un panneau de plexiglass, cela réduira les dégâts en cas d'explosion,
– la sorbonne sera convenablement ventilée par un extracteur d'air relié à un conduit débouchant sur la toiture. Un ventilateur électrique de 100 m³/h environ fera l'affaire, cela correspond à un diamètre de conduit PVC normalisé de 100 mm.

Un détail important, il faut toujours laisser la vitre entr'ouverte pour permettre le passage d'air et éviter le confinement sous la sorbonne.

– *athanor* : on peut avantageusement se rapporter aux précieuses indications d'Atorène, expert en l'art, si l'on désire réaliser soi-même son *Athanor*. On trouve dans le commerce de nombreux fabricants de fours, et, en standard, il existe des fours à gaz de différentes capacités, livrés avec régulateur et sonde pyrométrique. On peut également réaliser soi-même un four électrique, dans la mesure où la résistance fait un aller-retour pour éliminer la création de champs électromagnétiques. L'avantage du four électrique, c'est qu'il peut être équipé d'un thermostat précis et accessoirement d'un programateur numérique. Les températures que l'on doit atteindre sont relativement modestes, elles plafonnent de 550 à 600 °C. L'important, c'est la fiabilité, le four doit pouvoir fonctionner en continu durant plusieurs semaines de suite,

– creusets : le type, la taille dépend de la nature et de la capacité du four et des propriétés chimiques des réactifs. On peut trouver aujourd'hui différents types de creusets, avec ou sans couvercle, en porcelaine, alundum, alumine, nickel, zirconium, graphite, carbure de silicium etc. Les creusets en alundum et en alumine étant les plus courants, ils sont de formes cylindriques ou coniques, de faibles hauteurs à grandes hauteurs.

Pour nos travaux, on se sert de creusets de forme conique de grande hauteur, avec couvercle, pour le premier œuvre et la grande coction, et toujours de forme conique, mais de hauteur moyenne pour le second œuvre.

Pratique

Nous disposons maintenant de tous les ingrédients requis pour cet art, ainsi que des équipements nécessaires pour mener à bien notre entreprise.

- Notre *Kohl*, *Ares*, stibine ou galène finement pulvérisée, 2 parts,

- *Aries*, simple limaille de fer, plus vigoureux qu'*Ares*, 1 part,
- le *Médiateur igné*, bien sec, le sel double, 1/15e du tout.

Le procédé décrit en termes peu voilés par Flamel a été repris depuis par les plus grands maîtres, avec plus ou moins de détails opératoires.

On retrouvera aussi des descriptions de ce procédé chez des auteurs tels que Basile Valentin, le Cosmopolite, Philalèthe, Monte-Snyders, Henri de Lintaut, Nicolas Vallois, Cyliani et Fulcanelli. Nonobstant, les proportions des ingrédients varient dans une fourchette relativement large – ce qui est cependant compréhensible – de 9 parts de stibine pour 4 de fer, à 8 parts pour 4, soit dans un rapport de 2,5 à 2 pour 1. Ces variations peuvent provenir des différences de pureté d'un minerai à l'autre ou des techniques de purifications particulières.

A propos de cette première réaction qui relève du domaine de la chimie, le chimiste dirait qu'il faut, afin d'établir les proportions idéales, tenir compte de la pureté des deux réactifs et doser correctement l'excès de fer. En effet, l'excès de l'un ou l'autre des constituants peut avoir une incidence fondamentale sur le résultat final. Un manque de fer laissera des traces de soufre dans le régule, mais un trop grand excès conduira à l'obtention d'un lingot d'antimoine dopé par le fer, ce qui peut se révéler gênant dans certaines applications, sauf, peut-être, en alchimie. Depuis que l'antimoine est utilisé industriellement et jusqu'au début du siècle dernier, le *staring* – retassure en forme d'étoile sur le lingot – était considéré, dans les transactions commerciales, comme l'indice absolu de pureté du régule.

Mais, contrairement aux idées reçues, l'*étoile*, en définitive, est caractéristique d'un régule légèrement pollué par du fer.

Replongeons nous dans la chimie élémentaire.

Dans une formulation classique, pour des corps purs, voici la réaction stœchiométrique :

En tenant compte des masses atomiques de chaque élément, les quantités stœchiométriques dans le même ordre que ci-dessus sont les suivantes :

En partant de corps chimiquement purs, la proportion idéale Stibine / Fer peut donc se calculer, notez que les proportions Galène / Fer sont très voisines :

$$339,72 / 167,55 = 2,0276 : 1$$

Notre minéral ne peut être utilisé à l'état brut, il faut lui faire subir une première préparation d'enrichissement, la liquation, qui permet d'obtenir environ 90 % de pureté.

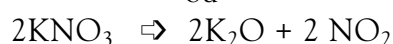
Le bon ratio, compte-tenu de la pureté réelle du minerai préalablement enrichi, devient :

$$339,72 / (0,90 \times 167,55) = 2,253 : 1$$

Pour le nitrate, la décomposition a lieu ainsi :

ou

Dans l'hypothèse où l'on désire mettre en œuvre 2 kg de sulfure à 90 % environ de stibine après liquation, les calculs théoriques nous donnent :

Au départ :

Stibine (Sb ₂ S ₃) à 90 % de pureté	2 000,0 g
Fer - ratio 2,253 : 1	887,7 g
Sel double, 1 ^{ère} purification, 1/15 ^e	<u>192,5 g</u>
Total	3 080,2 g

A l'arrivée :

Antimoine, Sb	1 290,3 g
Sulfure de fer,	1 397,4 g
Tartre	96,3 g
Oxyde de potassium, K ₂ O	56,3 g
Gangue antimoniale, gaz divers	239,9 g

Ce sont bien entendu des calculs très théoriques, peu vérifiables analytiquement, pour des opérations faites au laboratoire, car les rendements obtenus sont généralement très inférieurs à ceux de l'industrie.

On ne pourra pas mesurer des valeurs comme les quantités de gaz émis durant la réaction, les pertes par volatilisation de l'antimoine sous forme d'oxydes volatils et la masse de gangue résiduelle. Les chiffres ci-dessus nous renseignent néanmoins parfaitement sur les paramètres fondamentaux que sont les poids, et sur ce que les anciens alchimistes entendaient par poids de nature et poids de l'art dans cette première opération. Ils ignoraient le mécanisme des équilibres stœchiométriques, ils pensaient que les équilibres s'établissaient d'eux-mêmes de manière aléatoire et que les *poids de nature* présidaient aux équilibres.

On aura noté au passage que Flamel et Philalèthe utilisaient beaucoup moins de fer que Fulcanelli qui connaissait indubitablement les calculs stœchiométriques. En partant des indices gracieusement divulgués dans les Demeures Philosophales, les poids pour Fulcanelli se déduisent ainsi :

Au départ :

Stibine (Sb ₂ S ₃), après liquation ,	2 000 g
Fer - ratio 2 : 1	1 000 g
Sel double, 1 ^{ère} purification, 1/15 ^e	<u>200 g</u>
Total :	3 200 g

Comme on le constate, Fulcanelli utilisait un dosage fer largement excédentaire, soit 12,7 % de plus que la valeur théorique. Il se peut également que le minerai de départ très bien enrichi par la liquation imposait ces proportions. En tout état de cause, la pureté du minerai ne pouvait être absolue. Mais c'est peut-être une anomalie car fer en excès = oxyde de fer au second œuvre. Les déviations entre les proportions de fer théoriques et celles préconisées par les alchimistes apparaissent donc dans une fourchette relativement large, atteignant jusqu'à 20%, avec du sulfure d'antimoine en excès la plupart du temps.

La question se pose de savoir quelle importance ont ces valeurs dans le processus alchimique. Mais un excès d'oxyde de fer peut entraver la marche du second œuvre.

En ce qui concerne la proportion de sels par rapport à la masse des réactifs mise en œuvre, seul Fulcanelli a indiqué des valeurs aussi modestes que 1/15e du mélange Fer-Stibine, cette proportion peut varier entre 1/5 et 1/20e.

Les rares auteurs qui ont fait allusion aux sels, comme par exemple Flamel ou Tollius, ont mentionné des proportions beaucoup plus importantes. Tolluis, du reste, défend d'utiliser le fer dans cette opération du premier œuvre.

Certains auteurs ont utilisé jusqu'à 50% de sels par rapport aux deux autres constituants, ce qui est énorme.

Quelle peut en être l'explication ? Le dosage du sel aurait-il une importance toute relative ?

D'autres auteurs, plus avisés peut-être, ne mentionnent qu'un seul sel, le nitre. Ils savaient de toute façon que les deux sels finissent par s'alkaliser pour ne donner que du carbonate de potassium *in fine*.

On ne peut formuler que des hypothèses sur les proportions, mais en premier examen, il ne semble pas, au-delà d'un seuil minimum, que les proportions de sels aient une réelle incidence sur le résultat final, bien que la qualité du *vitriol* puisse s'en ressentir.

Les sels ne réagissent peu avec les deux autres constituants, ou, à défaut, avec quelques impuretés contenues dans le minerai utilisé, selon sa provenance. Les sels protègent surtout contre l'oxydation et réduisent sensiblement la température de fusion.

Il auront cependant un incidence fondamentale dans la production vitriolique., laquelle dépend à la fois de la nature intime des protagonistes mais également de la température et de la durée de l'opération.

Trois conditions sont donc indispensables pour l'obtention du sel vert :

- la nature des matériaux de base et du médiateur salin
- la température de calcination
- la durée du processus.

Mais on peut envisager dans la molécule du bitratre une substitution du radical organique en décomposition pour donner soit un sulfure soit un sulfate de potassium en partie mélangé avec du carbonate potassique et une ferrite de potassium en proportion variable.

Avant Fulcanelli, on ne trouve aucune indication aussi précise concernant le rôle des sels dans le corpus alchimique. Il semble bien que Fulcanelli, après avoir recueilli toutes les informations techniques et scientifiques disponibles à son époque et traitant des méthodes de purification de l'antimoine, a naturellement déduit que la bonne proportion ne devait pas être trop éloignée du 1/15e que l'industrie pratiquait par souci d'économie

Il faut également noter, et toujours à propos des techniques de purification de la stibine, que les industriels d'outre Manche utilisaient un mélange de carbonate de sodium et de salpêtre. La proportion de carbonate de sodium avoisinait le huitième du mélange mais celle du salpêtre n'a pas été clairement précisée. Cette particularité a le mérite de nous rappeler que le carbonate de potassium a pu être utilisé en lieu et place du tartrate, ce qui est chimiquement valable.

Je reviendrai plus loin apporter de nouveaux éclaircissements sur la fonction du sel et des secrets que nul n'a dévoilés à ce jour.

Revenons à notre processus avec le résumé complet des opérations du Grand Œuvre, tel que Bernard Husson a eu l'amabilité de nous laisser.

C'est un cadeau d'une valeur inestimable, un condensé très révélateur du processus de la voie brève, plus court mais plus précis que la Table d'Émeraude, écrit par une alchimiste peu connue, nommée Leona Constantia :

« Pour conclure, je vais exposer très véridiquement à l'aimable lecteur, quoique d'une manière différente, comment il doit préparer notre pierre :

Qu'il fasse combattre les deux héros belliqueux Saturne et Mars (encore que le premier soit d'hu-

meur pacifique). Après trois ou quatre assauts réitérés, ils feront la paix et en témoignage de réconciliation, feront voir la splendide bannière, semblable à une étoile. A ces héros belliqueux, à présent unis, et quelque peu fatigués par leur ardent combat sera offerte, pour les restaurer, l'eau de vie (laquelle requiert cependant encore une rectification) par l'usage de laquelle ces duellistes triomphants noueront un lien d'alliance à jamais indissoluble. Comme signe de cette union solide et immuable apparaissent les deux colombes de Diane, tenant en leur bec la branche d'olivier. Et pour que cette paix soit annoncée au monde tout entier, apparaît un héraut qui la proclame d'une voix retentissante, à 7 ou 9 reprises, par tout l'univers. A présent, ceux qui étaient contraires se trouvent unis ; à présent, après bien des tempêtes qui ont déchiqueté les rochers, après les tremblements de terre, après le feu dévorant, se manifeste à nouveau un sifflement, doux et tranquille. Que celui qui a des oreilles pour entendre, entende, car je puis assurer que tout l'art est contenu en ce peu de paroles si claires pour un fils de l'Art qu'il n'est aucunement besoin d'en ajouter d'autres. »

Leona Constantia fait partie de ce petit nombre d'Adeptes qui ont obtenu le *caput mortuum* et évoqué les manifestations sonores propres à la grande coction de la voie sèche.

L'exposé ci-dessus peut être traduit en clair :

– Saturne représente notre dragon écaillé, la première matière, notre sulfure finement broyé issu de la prime liquation, tandis que Mars représente le fer.

– Les trois ou quatre assauts réitérés correspondent aux épreuves au creuset, à feu nu, du premier œuvre.

– L'eau de vie rectifiée symbolise le médiateur salin, le double ou le triple sel.

– Les colombes de Diane n'apparaissent que lorsque la purification est terminée et que le double sel ressort aussi blanc qu'avant utilisation. La coloration verte (*les rameaux d'olivier*) caractérise le *lion vert* du premier œuvre, notre mercure.

– Le héraut proclamant la paix par une voix retentissante à 7 ou 9 reprises à trait aux indices sonores de la coction qui suit les *Aigles* ou *sublimations philosophales* de Phylalèthe, la matière en pleine transformation laissant échapper les sifflements mentionnés par Canseliet, à chaque palier d'augmentation du feu.

Le feu dévorant qui manifestera le sifflement doux et tranquille se rapporte à la fin de la coction, lorsque le vase se rompt.

La phrase sybilline « *Que celui qui a des oreilles pour entendre, entende* » est mise là, tout exprès pour bien souligner, de manière redondante, les indices sonores jalonnant la coction évoqués plus haut.

Opérations du Premier Œuvre

Au risque de ressasser les mêmes recommandations de prudence, récapitulons ensemble les précautions d'usage :

– il faut avoir des creusets neufs, secs et de très bonne qualité,

– il faut opérer sous une sorbonne correctement ventilée, afin d'éviter d'être incommodé, voire intoxiqué, par les fumées issues de la réaction, ou en plein air,

– pour chauffer le tout, un bec bunsen fera l'affaire avec du gaz naturel, ou en bouteille de butane comme source d'énergie, mais il vaut mieux utiliser un four à charbon,

– il faut opérer par petites fractions de 150 à 200 g maximum et garder son sang froid en toutes circonstances, sans se préciter.

Dans un creuset contenant de la limaille de fer et du sulfure pulvérisé, le tout chauffé aux alentours de 700/800 degrés, on versera chaque fraction de sel à petite dose, et on remettra immédiatement le couvercle sur le creuset pour limiter les risques d'oxydation.

Chaque fois que l'on verse une fraction de sel, il se fait une petite détonation, c'est le chant

du Cygne, qui, selon Basile se meure. Nous verrons plus loin pourquoi les alchimistes recommandent de tuer le vif pour ressusciter le mort.

Le salpêtre se décompose à partir de 400 °C environ, alors que la réaction peut atteindre ou dépasser 800 °C, il réagit en détonant au contact d'impuretés présentes dans le mélange et du soufre fixé sur l'antimoine.

– Le sel doit être versé en deux ou trois fois afin d'éviter le percement du creuset.

– La quantité requise étant introduite, on laisse chauffer le tout une demi heure à une heure afin de parachever la réaction et d'homogénéiser le mélange. Ensuite, on prend soin de renverser le creuset dans un cornet de fer ou un moule fait de deux pièces, préalablement graissées, puis on frappe dessus un coup sec pour provoquer la séparation de la fraction réguline. Cette opération est dénommée *Separatio*.

Rappelons les recommandations d'Atorène :

« Pour six livres, une vingtaine de coulées seront donc nécessaires. Chacune sera maintenue au four assez longtemps pour que la liquation soit complète – la densité du premier régule ne doit pas être inférieure à 6,7. Il faut, pour cela, veiller durant une heure environ à ce que la température soit suffisante pour maintenir les scories en fusion. » ,

Plus loin il prend le soin d'ajouter :

« ... durant la cuisson, le reste du sel ne doit être ajouté que peu à peu, sinon le vase se fissure, surtout s'il n'est pas trempé. »

La séparation réalisée, on obtient un régule blanc brillant et des fèces brunes. Il faut réitérer deux ou trois fois l'opération de purification de manière à ce qu'il n'y ait plus de scories en surface, ainsi on obtiendra, à la dernière purification, environ 1/3 du minerai mis en œuvre, proportion que rappelle discrètement la figure mystique de Diane de Poitier (*la lune de poids tiers*).

Cette opération s'appelait jadis « *la décapitation du Maure* » (le Maure, c'est notre *Al Kohol*, l'homme noir).

À propos de ce *caput mortuum*, voici le sentiment de Canseliet :

« L'artiste, à ses débuts, se tromperait grossièrement, si l'idée lui venait qu'il fallût rejeter comme inutile et sans valeur, ce chaos surprenant et curieusement homogène, lequel est aussi dénommé la tête morte - *caput mortuum*. »

C'est aussi à propos de ce résidu sans valeur, que Fulcanelli prévient très charitablement le lecteur, de l'apparence insensée des opérations alchimiques, au regard de la science officielle. Effectivement, quel chimiste expérimenté songerait à faire réagir les scories provenant d'une opération d'affinage métallurgique, avec le métal affiné ?

Cela équivaldrait pratiquement à vouloir recombinaison un corps purifié avec ses propres impuretés.

À la dernière réitération on doit voir apparaître l'étoile parfaitement dessinée sur le régule. Si elle n'apparaît pas alors, elle n'apparaîtra jamais. Cette étoile est provoquée par la formation de retassures lors du refroidissement lent du lingot, c'est un phénomène bien connu des métallurgistes. Les alchimistes insistent sur la nécessaire apparition de ce signe, moyen certain d'identification du sujet initial de l'œuvre. Mais ces stigmates ne sont pas indispensables pour la suite des opérations. En tout état de causes, les anciens ont signalé cette propriété pour désigner sans équivoque la matière secrète du Grand Œuvre.

Au dessus de l'étoile on cueille alors le culot jaunâtre qui très vite verdira...

On aura ainsi récolté pour une mise en œuvre de 2 000 g de stibine :

- régule, environ 1 200 à 1 300 g,
- scories ferriques, environ 1 500 g,
- sel vitryolique 200 à 300 g.

Le nitrate de potassium s'est décomposé en oxyde de potassium et en gaz nitreux qui s'échappera durant la réaction, entraînant d'autres gaz au passage d'où émanera une odeur nauséabonde qualifiée de *toxicum venenum*.

À la dernière purification le sel ressortira blanc.

Le tartrate acide de potassium s'est transformé en carbonate et sulfure de potassium, dioxyde de carbone et vapeur d'eau.

Carbonate, sulfure et oxyde de potassium ; ce sont là, sans doute, les vrais constituants de ce mystérieux *Alkaest*.

Il y a ici un détail important à signaler pour l'hermétiste : les Maîtres assuraient que la première opération consistait à réincruder le métal, ce que contestait Fulcanelli, pour lui la réincrudation consiste à réduire le minerai en poudre subtile.

Ce n'est pas suffisant comme explication, Fulcanelli voulait dissimuler un détail important concernant le fer, qui, réagissant avec le soufre de la stibine, se transforme en sulfure de fer et dont la formule chimique, FeS, correspond rigoureusement à celle du sulfure naturel de fer, la pyrite.

Les vieux alchimistes étaient à la fois très savants et malins, ainsi l'axiome *Tuer le vif et ressusciter le mort* prend alors toute sa signification : dans cette première opération, l'artiste a bien tué le vif (la stibine), pour ressusciter le mort, (le fer-métal tué par la fusion), en lui faisant retrouver sa forme primitive de sulfure vivant (FeS).

Nul ne l'ignore de nos jours, pour les anciens maîtres, les métaux raffinés issus de l'industrie humaine étaient considérés comme morts, mais les minerais d'où ils provenaient et qui n'avaient pas encore subi l'action du feu, leurs paraissaient vivants.

Je dois faire une mise en garde à propos des manipulations décrites ci-dessus. Elles correspondent pourtant point par point au processus décrit par Canseliet dans l'"Alchimie expliquée" puis par Atorène dans le "Laboratoire Alchimique", mais hélas, elles ne conduisent pas à la véritable et antique *fontaine*.

En réalité il existe une grande différence entre le processus décrit par Fulcanelli et celui de son élève.

Cette différence réside dans l'application des sels. L'étudiant curieux pourra confronter avec profit les textes du Maître et de son disciple.

Second Œuvre

Après avoir achevé le premier œuvre, l'alchimie prend une route qui s'écarte résolument des voies de la chimie moderne ou de la métallurgie.

Plus rien, après cette phase préliminaire, ne semble cohérent ou rationnel.

C'est également ici que se séparent les voies sèche et humide. À ce stade plusieurs variantes sont proposées par les adeptes.

Les deux voies, sèche et humide, commencent bien de la même manière.

Pour Fulcanelli, les processus se différencient au sortir du premier œuvre. Il précise, dans son commentaire relatif au voyage initiatique de Flamel à Compostelle, que les deux voies commencent par le même procédé jusqu'aux sublimations à l'issue desquelles elles se séparent.

Le but des opérations du second œuvre est l'obtention du *mercure philosophique* ou *double*, le *rebis* :

– dans le cas de la voie sèche, l'alchimiste va s'appliquer à soumettre le composé à une série d'opérations au creuset, nommées *Sublimations* ou *Aigles*.

– dans celui de la seconde voie, la *voie longue* ou *humide*, il s'agit de soumettre la terre alchimique à une lente dissolution humide à température ambiante ou modérée, alternée par des phases de séchages puis de nouvelles dissolutions et ainsi de suite jusqu'à l'obtention du soufre. La double difficulté de cette voie réside dans l'identification du solvant secret et dans la lenteur des opérations d'imbibition.

Ce n'est pas tout, il y a aussi des variantes pour ces deux voies, elles passent toutes les deux par l'utilisation du mercure ordinaire (Hg) et de l'or naturel.

Fulcanelli a d'emblée rejeté l'hypothèse de cette troisième voie dans son premier livre, le *Mystère des Cathédrales*. Nonobstant, Flamel, Philalhète, Urbiger, Le Vallois, Kerdanec de Pornic mettent bien en œuvre l'hydrargyre exalté.

Il faut se souvenir ici que les alchimistes ont toujours entretenu une confusion entre voies sèche et humide, entre le *mercure commun* et *notre mercure*, dans le but de dérouter le profane. Même Eugène Canseliet s'est laissé abusé en pensant pouvoir réaliser l'animation de l'or par le mercure, dans une lente exposition de l'amalgame dans un ballon de verre.

Dans son *Alchimie expliquée sur ses textes classiques*, il expose d'une façon détaillée le procédé qu'il suivit en 1931.

« Nous avons d'abord procédé à la modification du mercure, par la méthode ordinaire de la distillation, en cornue ou retortes de grès, aujourd'hui complètement introuvables. Quant à l'or, afin que nous fussions certain de sa totale pureté, nous l'avons soumis à l'épreuve du plomb et de la coupelle, et nous en avons ensuite confectionné un trichlorure, en le dissolvant, par fragments, dans l'eau régale. Nous avons évaporé doucement au bain de sable, puis au bain-marie, nous avons débarrassé nos cristaux de l'hydrate superflu. Le métal précipité de sa solution, c'est-à-dire réduit de son chlorure, s'offre en poudre fine qui, bien lavée est fort propice à l'amalgamation. Le mercure de la sorte ensemencé, c'est-à-dire par amalgamation, est introduit dans un matras à panse ovoïde ou sphérique, en verre de bonne épaisseur, tout de suite fermé d'un lut solide, sinon avec le chalumeau. Ensuite la coction de l'amalgame est réglée et entretenue sans défaillance, pendant de nombreux mois et toujours au-dessous de la température de l'ébullition. »

Ce type d'opération ne peut aboutir qu'à la fabrication d'un amalgame, rien d'autre qu'un simple alliage inerte, incapable de provoquer la moindre réaction. Les alchimistes du Moyen-Âge savaient que « *les corps n'ont pas d'action sur les corps, et que seuls les esprits ont une action sur les corps* ». Le disciple du grand Maître, spécialiste de la *voie sèche*, ignorait-il le vrai processus humide, celui de Cyliani ou celui d'Huginus à Barmâ ?

Fulcanelli assure qu'il faut, pour la voie longue, *partir de l'or naturel dissous dans le mercure philosophique*, (il ne s'agit donc pas du vulgaire mercure utilisé par Canseliet). Pour Cyliani et l'auteur anonyme des *Récréations Hermétiques*, le tronc commun aux deux voies s'arrête dès l'obtention de *l'étoile* ou du *régule* au premier œuvre, c'est-à-dire juste avant d'entamer les sublimations, et donc une étape avant celle indiquée par Fulcanelli.

La voie décrite par Cyliani et qui mène aux sublimations est bien une voie *humide*, elle consiste à traiter une terre pulvérulente par un « *esprit* » liquide, c'est une sorte d'extraction liquide-solide, associée à des réactions chimiques à température ambiante.

Pourtant, le message de Flamel ou Philalhète paraît clair : le processus qu'ils ont tous deux exploré consiste à modifier le mercure coulant, en le soumettant à des distillations complexes et répétées en amalgame avec le *mercure philosophique*. Leur voie est donc complètement différente de celle explorée par Albert Poisson ou par Canseliet entre autres.

Voici donc le détail des opérations décrites par Flamel dans son *Bréviaire* :

« *Adonc est male et femelle et notre hermaphrodite qu'est mercure et est icelle besogne en image au septième feuillet et prime du Juif Abraham qu'est à savoir deux serpents à l'environ d'une baguette d'or, ainsi que verras en icelui livre que ai fait moi-même à ma fantaisie du mieux que*

ai pu te le figurer pour la clairvoyance et document philosophal. Avise donc d'en besogner bonne pourvoyance et munition car c'est métier d'en avoir moult, c'est à savoir 12 ou 13 livres voire même davantage selon que voudras oeuvrer en moult opération.

« Adonc marieras le jeune Mercure c'est à savoir vif argent avec icelui qui est mercure philosophal saturnial, afin que par icelui tu puisses éviter et fortifier ledit vif argent courant par 7 voire même 10 à 11, reprises avec le susdit agent qu'est nommé clef ou sabre d'acier affilé, pour qu'icelui coupe incise et pénètre le corps des métaux, et quand fait auras telle maîtrise, lors auras l'eau double et triple peinte en l'image du rosier du livre d'Abraham Juif laquelle sorte du pied d'un chêne c'est à savoir de notre saturnie qui est la clef égale, et va icelle se précipiter en abîmes comme le dit le susdit Juif, c'est à savoir en notre réceptoire qu'est agencé au col de la retorte où va se jeter le susdit mercure double par art et engin d'un feu proportionne et idoine.

« Mais se trouve ici épine anxieuse avec voire même impossible d'oeuvrer si Dieu ne révèle le susdit secret ou que maître ne le baille, car mercure ne se marie mie avec Saturnie régale sans une chose qu'est cachée en engin droit à examiner comme se fait et se labore, car si ne sais l'engin comme se fait ladite vaillance et paix avec le susdit vif argent, trouveras rien qui vaille. Adonc cher et aimé neveu, n'ai vouloir de te rien cacher ains te dire tout sans rien garder et te montrer comme dois aviser à droit au fait et au point qu'est métier en cette maîtrise philosophale, adonc te dis que sans soleil ou lune ne te sera mie profitable ledit ouvrage. Tu feras adonc manger à icelui notre vieillard ou loup vorace de l'or ou de l'argent en poids et mesure comme te dirai. Donne toute oreille a mes dits afin que n'erres mie et ne faille comme ai fait en icelle besogne. Comment est donc que faut bailler à manger de l'or à notre vieux dragon ? Avise droit engin en naturelle raison, car si donnes un petit d'or à la Saturnie fuse, il est bien moult appert, mais vif argent ne prendra vie voilà chose incongrue qui n'est mie profitable, et moi ai moult grandement labouré en tristesse avant de trouver droit engin a ce fait. Adonc si moult d'or lui bailles à dévorer, ne sera mie tant appert et dispos, mais prendra lors icelui vif argent et se marieront tous deux en pâte. Fais comme tu m'as vu faire. Note que faut oeuvrer en tout selon poids que te dis car sans cela ne laboureras à ton profit mais à ton détriment, recorde de ce, voilà l'engin trouve. Scelle donc ledit secret car icelui est tout et ne l'écris oncques sur papier ni autre chose qui se puisse voir écrit car serions cause du dommage de l'universalité mondaine. Or moi te le baille sous le sigille du secret de la conscience en amour qu'ai envers toi. Avise prendre X parties d'or à savoir fin net et purgé 9, 10 à 11 reprises par le loup vorace seul, en après 11 parties de Saturnie régale, fais-les fuser en creuset ; adonc icelle fuse, jette dedans alors X d'or fin, fais fuser les deux et remueras avec un charbon enflambé, adonc ton Or sera appert un petit peu ; jette icelui en un marbre, pilé en poudre avec 12 de vif argent. Fais iceux prendre comme beurre ou fromage en pilant et agitant çà et là quand et quand l'autre et lavant avec l'eau claire vulgale tant que l'eau en sorte claire, et que la masse semble claire et blanche (ainsi feras-tu sur lune fuse) alors est faite conjonction d'icelui avec la saturnie régale solaire. Quand est donc maintenant ainsi que beurre, prendras la nasse que sécheras doucement avec toile ou drap fin moult engin. Voila notre plomb et notre masse du Or et Lune non vulgals ainsi philosophaux, adonc mets icelui dans une bonne retorte de terre à creuset, moult mieux d'acier, puis en fourneau, et donne feu en allant petit à petit. Agence un réceptoire à la retorte comme est métier deux heures, et après vigore ton feu tant que le mercure sote dans le réceptoire dessus-dit, et est icelui mercure l'eau du rosier fleurissant, voire le sang des innocents occis dans le livre du Juif Abraham, étant donc icelle eau d'Or e de Argent philosophale. Adonc ayez en croyance qu'icelui mercure a mangé un petit du corps du Roi et qu'icelui aura jà moult plus grande force de dissolver l'autre ci après que sera moult plus couvert du corps de la saturnie.

« Adonc as monte en l'échelle de l'art un degré ou échelon. Là prends les fèces de la retorte, fais-les fuser en creuset à feu fort et fais en sortir toute la fumée saturnienne et quand l'Or en fusion

sera net infuse dedans comme la prime fois deux de Saturnie. Adonc est le soleil IX infus en lesdites fèces moult plus appert que la prime fois. Et comme mercure est jà plus aigre qu'il n'était avant, ice-lui aura jà moult davantage caché force et vigueur de scruter et par ainsi dire le manger encore et d'ice-lui emplir son ventre petit a petit. Avise donc cher neveu les degrés de l'engin de Nature et de Raison, afin de monter par échelons à la plus haute partie de Philosophie qui est sur tout le cours de Nature et que n'eusses oncques trouvé si ne te baille icelle maîtrise. Adonc bénis le Seigneur de ce que m'a baillé vouloir envers toi, car sans ce eusses œuvré néant comme aucuns font avec dommage de moult pécune, infinies peines et labeurs, vigiles anxieuses et cures détrimenteuses. Fais donc de même que les primes fois, marie avec le mercure sorti dessus-dit et fort en degré en broyant et pilant afin que s'en sorte toute noirceur, sèche comme t'ai dit. Mets tout en la retorte dessus-dite et ne fais ne plus ne moins tout comme viens de labourer deux heures à feu petit et idoine, en après fort et bon à pousser et faire issir le mercure dans le réceptoire, et auras encore le mercure moult davantage accué, et jà seras monté au second degré de l'échelle philosophale. Fais et œuvre encore ainsi que viens de besogner en jetant fils saturnien en poids idoine, c'est-à-dire petit à petit et œuvrant avec l'engin ni plus ni moins comme as œuvré au commencement, tant que tu sois au dixième degré de l'échelle, et lors te reposes et est jà ledit mercure igné acuité, engrossé pleinement, gros de soufre mâle et vigueur de sel astral qu'est en les plus profondes cavernes et viscères de l'or et de notre dragon saturnien, et tiens en croyance que t'écris chose laquelle nul Philosophe n'a oncques dit ni écrit. »

On aura finalement compris qu'il y a une troisième voie, la voie évoquée par Flamel qui est une variante de la voie primitive. Elle s'accomplit avec le mercure (Hg) exalté, conventionnellement nommé notre mercure, faisant office de « serviteur fugitif », pour extraire le soufre de l'or (Au). Cette voie est différente de la voie canonique qui utilise le dissolvant Alkaest pour extraire le soufre philosophique de l'or alchimique.

C'est d'ailleurs le sentiment de Fulcanelli :

« la dissolution de l'or alchimique par le Dissolvant Alkaest caractérise la première voie ; celle de l'or vulgaire par notre mercure indique la seconde. Par celle-ci on réalise le mercure animé. »

Dans la voie ancienne l'or naturel est exclu ainsi que le mercure coulant car il n'a aucun effet sur le fer.

Les Aigles ou sublimations

Arrivé à ce stade du processus, la plupart des auteurs se taisent et reprennent leurs commentaires à un niveau plus avancé, omettant tout un régime absolument indispensable pour la bonne réalisation de la Pierre. Cet écueil est signalé par Fulcanelli qui s'en prend, après Limojon de Saint Didier, à Philalèthe, accusé d'avoir frelaté l'ordre des opérations et falsifié les réactifs par l'introduction d'hydrargyre dans son processus. Mais, si le lecteur a bien compris les opérations de Flamel dans son *Bréviaire*, il pourra constater que Philalèthe ne fait que suivre la voie décrite par son prédécesseur et nul n'est besoin de le blâmer.

Le sieur Limojon de Saint Didier expose un grand secret, celui des deux mercures :

« La femme qui est propre à la pierre et qui doit lui être unie est cette fontaine d'eau vive dont la source, toute céleste, qui a particulièrement son centre dans le soleil et dans la lune, produit ce clair et précieux ruisseau des sages, qui coule dans la mer des philosophes, laquelle environne tout le monde. Ce n'est pas sans fondement que cette divine fontaine est appelée par cet auteur la femme de la pierre ; quelques-uns l'ont représentée sous la forme d'une nymphe céleste ; quelques autres luy donnent le nom de la chaste Diane, dont la pureté et la virginité n'est point souillée par le lien spirituel qui l'unit à la pierre. En un mot, cette conjonction magnétique est le mariage magique du ciel avec la terre, dont quelques philosophes ont parlé ; de sorte que la source seconde de la teinture physique, qui opère de si grandes merveilles, prend naissance de cette union conju-

gale toute mystérieuse.»

Les conseils de l'Adeptes se rapportent aux *sublimations philosophiques*, autrement dit les *Aigles*. Canseliet explique que ces opérations étaient voilées par Flamel sous l'allégorie du *massacre des innocents*. Cette allégorie, précise-t-il, a trait au fractionnement des matériaux pour faciliter la sublimation.

En bref, tous le secret des *Aigles* consiste à faire réagir l'antimoine métallique sur les scories de fer avec l'aide protectrice du sel.

Nous avons recueilli du premier *caput* :

- le régule,
- les scories ferriques, la *terre adamique* de Fulcanelli,
- le *sel vitryolique*, *notre mercure vert*.

Il y a des anomalies de taille si l'on se réfère aux proportions requises pour le second œuvre, il faut maintenant vous révéler le secret des poids.

Le premier œuvre, pour 2 kg de stibine pré-traitée, nous livre environ 1,5 kg de scories ferriques qui nécessiteront alors 3 kg de régule et 675 g de sel pour entreprendre les *Aigles*.

Or, à l'issue du premier œuvre, la réaction nous livre théoriquement 1,3 kg de régule.

Il faut donc prendre toutes ses précautions dès le début et faire une bonne provision de *mercure commun* ainsi que de sel si l'on ne veut pas être arrêté au second œuvre.

Il vous faut « *foison d'eau d'esprit distillé* », selon Arnaud de Villeneuve et la Nympe de Cyliani. Le *poids de l'eau doit être pluriel*, selon un autre alchimiste.

L'artiste sera donc avisé de mettre en œuvre au moins 6 à 7 kilogrammes de minerai dont il réservera l'excédent pour les opérations des second et troisième œuvres. Il fera de même une bonne provision de sel.

Le processus des *Aigles* est une suite d'opérations identiques, répétées de 7 à 9 fois et destinées à la fabrication du *Rémora*. Il permettra d'extraire le soufre du fer pour l'unir au *mercure*.

Canseliet explique que ce procédé consiste à faire circuler la terre au travers du *mercure philosophique* en fusion, par une sorte d'ascension, et sublimer le substrat qui a pris naissance au sein du *mercure igné*, sous la protection de la couche saline.

Philalèthe expose une suite de distillations dans ses « *expériences sur la préparation du mercure philosophique par le régule martial étoilé* ».

Cette différence de procédé s'explique du fait que Canseliet exploite la voie ancienne, au contraire de Philalèthe, qui met en œuvre la variante du *mercure commun exalté*.

Avant d'entreprendre les sublimations, Il faut purifier les scories du premier œuvre. On les abandonne quelque temps à la cave ou dans un lieu humide et obscure. Le mélange est hygroscopique, il se délite et on récupèrera la phase solide.

Ici Fulcanelli fait une révélation qui est loin d'être anodine :

« *Un grand nombre de sels métalliques en solution se transforment ou se précipitent en plus ou moins de temps à la lumière du jour. Le sulfate ferreux se change ainsi en sulfate ferrique* » (le *Mystère des Cathédrales*).

La solution liquide obtenue « *par défaillance* » contient essentiellement du sel que l'on pourra recristalliser. Une fois la phase liquide éliminée par décantation, il faut ensuite calciner le résidu jusqu'à siccité et à feu nu pour obtenir notre terreau.

Le sulfure de fer est peu soluble dans l'eau mais il peut se transformer en sulfate de fer, beaucoup plus soluble. Calciné, il deviendra pour Eugène Canseliet :

« *Le terreau pulvérulent et parfumé, à la fois vivant et fécond, prêt à livrer son soufre au mercure...* »,

« ... L'épais magma, qui a été recueilli de l'industrielle calcination du caput, a été calciné dans le têt à rôtir et s'y est transformé en une poudre érugineuse, grasse et peut-être isotope du colcotar ; en tout cas, for semblable au sesquioxyde qu'on appelle aujourd'hui oxyde ferrique. » .

S'agit-il vraiment d'oxyde de fer ? Pour en obtenir en calcinant du sulfure de fer, il faut une température très élevée et souffler beaucoup d'air sur le creuset.

L'oxyde et le sulfure de fer sont tous deux de couleur sombre, l'hydroxyde de fer est roux. Le sulfure de fer, on l'a vu plus haut, peut s'hydrolyser en milieu aqueux et donner un sulfate de fer hydraté à la lumière solaire, analogie troublante avec le *vitryol* des alchimistes ou bien la couperose de Fulcanelli. L'oxyde de fer, inerte, ne sera d'aucune utilité.

La calcination des scories n'a qu'un seul but : éliminer toute l'humidité qui entraverait la bonne marche des *Aigles*, l'hydrophobie néfaste à laquelle fait allusion Philalèthe.

Voici la bonne recette d'Atorène afin d'entrer plus facilement dans le second œuvre :

« Le principe consiste à disposer dans le creuset trois couches distinctes, c'est-à-dire en partant du fond :

– 1 partie de soufre amalgamé à 1 partie de mercure,

– 1 partie de mercure,

– 1/15e de vitryol.

(tous trois philosophiques) »

Bien entendu, le *mercure* se rapporte à notre régule et le *soufre* à nos scories calcinées.

À la suite de son ami Eugène Canseliet, Atorène vient d'exposer le « truc », condition *sine qua non* pour gravir l'échelon des *sublimations*. L'opération dénommée *Aigles* ne peut être correctement entreprise qui si l'ordre d'étagement des différents réactifs est respecté.

Atorène précise également que l'opération se fait de nuit. Il ajoute qu'il faut prendre soin de morceler la seconde partie de *mercure* et la verser par petite quantité sur le magma.

Il y a dans cette opération une appréciation à faire pour suspendre très à propos l'imbibition pour éviter de *noyer le poisson, par les eaux du déluge*. En effet, selon l'axiome alchimique, « *tout sec pompe avidement son humide* » et un excès de *mercure* liquide conduirait droit au gâchis. Un conseil, il faut également éviter toute surchauffe qui ruinerait inexorablement le compost.

Fulcanelli ne manque pas d'indiquer les bonnes proportions lorsqu'il dévoile l'énigme des *Colombes de Diane* ;

« On peut envisager les *Colombes de Diane* comme deux parties de mercure dissolvant, – les deux pointes du croissant lunaire, – contre une de *Vénus*, laquelle doit tenir étroitement embrassées ses colombes favorites. La correspondance se trouve confirmée par la double qualité volatile et aérienne, du mercure initial dont l'emblème a toujours été pris parmi les oiseaux, et par la matière même d'où provient le mercure, terre rocailleuse, chaotique, stérile sur laquelle les colombes se reposent.

Ce paragraphe du grand initié nous livre la solution du rébus RE.RE et RER, évoqué dans le *Mystère des Cathédrales*.

Un détail utile pour l'hermétiste, la *Venus*, divinité alchimique souvent évoquée, correspond à notre *soufre* (*Cupros*), les *scories de Mars*, et ne doit surtout pas pas être prise pour le cuivre.

Il s'agit maintenant de doser correctement le chauffage pour éviter une prise en masse que le sulfure ne surnage le magma, ce qui provoquerait l'inextricable « *bourbier* ». La température du compost avoisine les 530 °C. Lorsque le sublimé apparaît en surface, il faut écrémer et rassembler à part tout ce qui monte.

Il y a un très grand mystère dans cette opération. Un phénomène d'attraction admirable qui se manifeste dès que la bonne température est atteinte. Le soufre est attiré par le vitriol sur-

nageant et remonte à la surface du bain. En traversant la couche de régule il va acquérir une nouvelle propriété.

C'est ici que l'alchimie se distingue de la chimie rationnelle et moderne.

On retrouve alors la confirmation de la thèse de Fulcanelli ; la sublimation alchimique ne consiste pas à volatiliser un corps pour le récupérer ensuite sur une surface froide, lors de la condensation, mais doit permettre son élévation au-dessus du compost.

C'est le *Solve et Coagula*, au creuset. Dissoudre le volatil et volatiliser le fixe, par une sorte d'extraction liquide-solide, associée à une réaction chimique encore inexpliquée. Cette opération a souvent été mal interprétée par des chercheurs qui ont inventé tout un attirail de vases sublimatoires ou autres aludels, en vue de réaliser des ascensions et descentes de la matière par distillation, ces auteurs n'ayant en vue que l'aspect liquide de la matière.

Cette grossière erreur a été également faite par Georges Ranque, qui montre l'illustration d'une petite fiole en verre scellée, dans son livre « *la Pierre Philosophale* ».

Georges Ranque partait du principe que la matière devait être liquide et qu'il fallait vaporiser partiellement le compost pour que la phase distillée, en se condensant dans le col, puisse redescendre dans le vase et irriguer la partie fixe.

Que se passerait-il, si d'aventure vous faisiez chauffer un produit susceptible de se décomposer à 500 °C, dans un ballon de verre scellé « *hermétiquement* » ?

L'explosion de l'ampoule scellée, sans aucun doute.

La clôture du vase est une erreur d'interprétation très courante du *lut de sapience*. La fermeture d'*Hermès* n'est pas une fermeture hermétique, étanche au sens moderne du terme, inutile et néfaste, le *lut d'Hermès* c'est le vase se fermant de lui-même, durant l'ultime coction, et n'intervient pas au second œuvre.

Le Psautier d'Hermophile insiste sur le caractère solide des matériaux de base, excepté que l'*humide*, dont il est question ici, n'est liquide, en réalité, que vers 530 °C :

« *La sublimation est l'élévation d'une chose sèche avec adhérence au vaisseau, par le moyen du feu. La chose sèche étant notre aimant qui attire naturellement son vaisseau qui est l'humide, car le sec attire l'humide et l'humide tempérera le sec, s'unit à lui par le moyen du feu qui participe de la nature de l'un et de l'autre* ».

Cette opération d'extraction a peut-être son équivalent en chimie. Dans le laboratoire moderne on utilise un appareil en verre assez complexe pour réaliser différentes extractions combinées avec des réactions entre phases liquides et solides : le Soxhlet, du nom de son inventeur.

J'ai fait quelques expériences de labo sur cet appareil, le Soxhlet, et il faut un bon coup de main pour les réussir car les réglages sont très pointus. Ce système devrait pouvoir être adapté à la sublimation alchimique, à condition de réduire sensiblement la température des réactifs car l'appareillage est en Pyrex, et de modifier quelque peu sa géométrie.

Durant la sublimation, la chaleur provoque des mouvements browniens au sein du magma en fusion, mais un phénomène électromagnétique est à l'origine de ces phases d'ascension et de descente figurées souvent par l'*Aigle* enlevant sa *proie*. Le soufre de l'étage inférieur est fortement attiré par le vitriol, cette attraction se fait grâce au parfait conducteur électrique que constitue le régule.

Telle est notre philosophie, s'exclame Fulcanelli.

L'indice que l'artiste attend se manifeste à la surface du bain sous la forme d'un dessin ressemblant à une résille, les *tresses* de la corbeille de Bachus ou la *galette des rois* évoquées par Fulcanelli, qui doit restituer la *fève* à l'heureux élu. C'est aussi le *champ de Mars* enfin labouré

et dans lequel il faudra semer les dents du *Dragon*.

On réitérera les *Aigles* jusqu'à la neuvième inclusivement, l'ensemble des opérations s'échelonnant sur plusieurs nuits.

Toute la pratique alchimique consiste donc à extraire la quintessence métallique, concentrée sous un très faible volume, le *bouton de retour*, le *rebis* ou le *ré mora* selon Fulcanelli, qui est le *fer radical*, mélange parfait de *soufre* et de *mercure*, très brillant dans sa cassure, doué d'une magnifique couleur violette.

À chaque sublimation, la couleur violette se renforce.

Cette quintessence métallique se transformera plus tard, par un procédé de cuisson linéaire, en une gemme dotée de propriétés spectaculaires. La difficulté de cette opération réside dans le choix du creuset et de la manière dont la chaleur sera appliquée.

Ainsi, la dernière *Aigle* livrera la *fève*, le *dauphin royal* ou le *Rebis* prêt à subir la grande coccion.

Pour mémoire, Fulcanelli a obtenu un *bouton mercuriel* de 7,24 g à 7,32 g, en partant d'un kilogramme de fer de Suède. Canseliet, quelques décennies plus tard, mettra en œuvre un *ré mora* de 4,15 g.

Fulcanelli a commenté la devise ornée d'un phylactère de Dampierre-sur-Boutonne, montrant un dauphin enroulé sur la tige d'une ancre marine :

Sic Tristis Avra Resedit - Ainsi l'effroyable vent s'apaisa.

« Soulevée de tous côtés, ballottée par les vents, l'arche flotte néanmoins sous la pluie diluvienne. Astérie s'apprête à former Délos, terre hospitalière et salvatrice des enfants de Latone. Le dauphin nage à la surface des flots impétueux, et cette agitation dure jusqu'à ce que le *ré mora*, hôte invisible des eaux profondes, arrête enfin, comme une ancre puissante, le navire allant à la dérive. Le calme renait alors, l'air se purifie, l'eau s'efface, les vapeurs se résorbent. Une pellicule couvre toute la superficie, et, s'épaississant, s'affermissant chaque jour, marque la fin du déluge, le stade d'atterrissage de l'arche, la naissance de Diane et d'Apollon, le triomphe de la terre sur l'eau, du sec sur l'humide, et l'époque du nouveau Phénix. ».

Que se passe-t-il réellement dans la phase des *sublimations* ?

Une transformation du noyau métallique ou l'extraction de la quintessence du fer ?

indépendamment des propriétés intrinsèques des protagonistes en jeu, les mouvements d'ascension et de descente évoqués plus haut vont dépendre de trois paramètres :

- la puissance calorifique en jeu, la déperdition de chaleur,
- la forme du creuset, c'est-à-dire le rapport entre la hauteur et le diamètre du vase.
- la manière dont le feu est appliqué

Troisième Œuvre

À l'issue des Aigles, l'heureux opérateur dispose maintenant des ingrédients requis pour achever l'Œuvre.

- le *réмора* de 7 à 8 g pour environ 1,5 kg de scories,
- une provision vitreuse qui sera notre coquille.

Nous allons aborder maintenant la grande coction, étape où achoppent la plupart des artistes infortunés.

Le succès de la coction dépend de la conduite des opérations du premier et second œuvre, beaucoup plus que des accidents pouvant quelquefois survenir dans cette dernière étape.

Il faut, sans perdre un instant, conforter le *réмора*, selon l'expression de Canseliet qui ne donne pas d'explication pour cette précipitation peu commune chez les alchimistes.

Confection de l'œuf philosophique :

- disposer approximativement la moitié de la masse vitreuse dans un creuset cylindrique haut flambant neuf, en terre réfractaire, préalablement séché, et tasser légèrement,
- creuser un petit trou central pour y loger le *réмора*,
- remettre par dessus le reste de provision vitreuse, tasser légèrement et poser le couvercle sur le creuset.

L'Athamor

Voici quelques bons conseils pour avoir un engin performant et économique.

On peut modifier les fours destinés à la cuisson des céramiques utilisés par les prothésistes dentaires. Il faut simplement refaire la résistance électrique pour éliminer les risques d'interférences magnétiques qui pourraient être néfastes. Il vaut mieux réaliser une double résistance à enroulage en sens inverse, cela aura pour effet d'annihiler toute production indésirable de champs électromagnétiques. Le régulateur thermique, incorporé dans ce type de four qui peut atteindre des températures de 1 000 °C, avec un affichage digital permanent et un contrôle de température avec une précision de l'ordre du degré.

N'ayons pas peur du progrès, pour le contrôle du poids, le four peut être disposé sur un système de pesée du type jauge de contrainte électronique reliée à un enregistreur, délivrant un signal électrique proportionnel à la variation de poids, et le tour est joué. Une fois le système de pesée correctement taré et étalonné, on peut enregistrer les pesées et températures en continu !

N'ayant aucune certitude que la progression thermique doit effectivement suivre une loi linéaire, il convient de tester différentes allures de chauffe. Un équipement électronique permettrait même de programmer une courbe de températures en fonction du temps écoulé ou de l'accroissement massique, de tout centraliser et de tout enregistrer sur des périodes de plusieurs jours.

La Grande Coction

Le creuset est en place, bien assis sur son fromage, on met le four en service.

Il faut ensuite procéder au chauffage à allure modérée. Eugène Canseliet donne de précieuses informations et moult détails, pour la première fois de toute l'histoire de l'alchimie, dans son *Alchimie expliquée sur ses textes classiques*.

La température du four, que l'on considèrera ici égale à celle du compost, doit progresser depuis la température ambiante, disons 20 °C, à 555 °C en fin de coction, vers le septième jour.

Ainsi pour imprimer une courbe ascendante de 20 à 555 °C en sept jours, une allure de chauffe

de 3,2 °C / heure peut être programmée. Que se passe-t-il alors ? Le composé des composés se met à jouer de la musique, une note toutes les vingt-quatre heures. Le do, au démarrage, puis le ré, le mi et cela jusqu'au do suivant, soit une octave entière.

Ce qu'il y a de plus extraordinaire, c'est la correspondance entre chaque intervalle sonore, l'accroissement pondéral du compost, et l'accroissement de température.

Atorène en fait une brillante démonstration avec calculs à l'appui. Sachant que les intervalles entre chaque note dépendent d'une échelle d'harmoniques non linéaire, il est surprenant de constater que l'accroissement pondéral du *Rebis*, au sein du compost, suit rigoureusement la même progression.

Mais que dire de cet accroissement massif de l'œuf philosophal ?

Le rémora passe ainsi, dans la coction de Canseliet, de 4,15 g à 131,7 g, soit une augmentation fantastique de 127 g. Le volume du creuset étant immuable, on peut raisonnablement penser que l'accroissement massif se traduit par une formidable augmentation de densité.

À la dernière note doit succéder la rupture du vase.

C'est le signe de la réussite certaine :

« *Intus sola fient manifesta ruina* »,

Seule ma ruine manifeste l'intérieur, peut-on lire sur la légende latine du phylactère entourant la tirelire du Château de Dampierre.

Alors apparaît l'escarboucle resplendissante, rousse, ressemblant à du verre pilé, émergeant de sa gangue hérissée. La terre entourant la pierre sera éliminée, c'est la terre damnée, selon Fulcanelli, résidu sans aucune valeur, qui empêcherait l'ingrès.

La multiplication

L'heureux élu aura peut-être la joie d'entendre le son des trompettes de verre et d'admirer le pourpre du pourpre en forme de grenaille de verre rappelant le rouge rubis.

Il n'aura plus qu'à procéder à l'augmentation en poids et en puissance en plaçant la pierre obtenue avec une nouvelle portion de *mercure philosophique*, puis de recommencer la coction.

« *Prends de la matière fixe, qui teigne, à savoir trois parties de la teinture préparée, et du mercure des Philosophes une partie, mets-le dans le vase, scelles-le, et poses-le dans les cendres chaudes, comme plus haut, fais dessécher et réduire en poudre. Puis ouvres le vase, imbibes à nouveau et sèches comme ci-dessus. Et l'eau, c'est-à-dire l'argent vif ou le mercure, n'ajoute ou ne donne pas plus de poids au corps que ce dernier n'attend d'humidité métallique* ».

On l'aura bien compris, il faut de nouveau réitérer l'opération des Aigles, en partant cette fois-ci de la Pierre obtenue à l'issue de la première coction, on recommence la série d'opération jusqu'à la nouvelle coction.

À chaque multiplication, la Pierre augmente en poids et en puissance, et à chaque nouvelle phase elle nécessitera davantage de mercure, ce qui explique les provisions qu'il faut réaliser dès le début des opérations, afin de ne pas être pris de court au milieu du troisième œuvre.

Au bout de la troisième ou quatrième multiplication, il sera temps d'orienter la moitié de la pierre vers la transmutation, l'autre partie servira comme remède universel.

Une autre difficulté surgit dans l'interprétations des données opératoires, les proportions des ingrédients qui varient fortement d'un auteur à l'autre, et qui pourraient s'expliquer par des différences qualitatives (pouvoir tingeant) et quantitatifs (augmentation pondérale à chaque coction).

La fermentation

Il s'agit de l'ultime opération qui permet à l'artiste de confirmer son accession au grade d'Adepté.

Cette opération consiste à faire fondre la Pierre avec quatre à dix fois son poids en or, au

creuset et à feu nu. Ces proportions varient d'un opérateur à l'autre. Il est probable que la proportion d'or pour cette ultime opération, dépend en grande partie de la qualité obtenue à la suite des multiplications.

Une fois orientée vers la transmutation, la Pierre sera sans effet sur les autres règnes.

La Pierre non fermentée constitue la *médecine du troisième ordre*, puissant remède, utilisé fortement dilué dans une boisson légèrement alcoolisée.

Transmutation

Une fois la Poudre de Projection obtenue et orientée vers le règne métallique, il suffit simplement de faire fondre du plomb dans un creuset à feu nu et incérer une portion de poudre enrobée dans de la cire.

La puissance transmutatoire de la Pierre dépendra du nombre de multiplications opérées lors du troisième œuvre et, peut-être, de la qualité du *Rebis* obtenu à l'issue des *Aigles*.

L'action de ce catalyseur sur le métal fondu laisse supposer que le processus du Grand Œuvre a doté la Pierre d'une propriété énergétique phénoménale, une mini centrale nucléaire dans quelques grammes de poudre.

Une énergie nucléaire tout à fait pacifique.

Quel est la nature de ce puissant catalyseur ? De quel façon réagit-il avec la matière ?

D'autres questions apparemment sans réponses ont été soulevées par Fulcanelli, comme par exemple la possibilité de soumettre au *dissolvant alchimique* d'autres métaux que le fer avec des résultats surprenants.

Un jour prochain, avec les moyens modernes d'investigations sans cesse améliorés, la physique sera certainement en mesure de retrouver le mythique *filet d'Ariane*.

CHAPITRE VI

Planche 5 du Mutus Liber - La distillation secrète

Considérations pratiques

En étudiant la littérature alchimique abondamment publiée de nos jours, on est frappé par les multiples facettes que présente cette vieille discipline.

Je souhaite mettre une fois de plus l'accent sur la réputation surfaite de certains auteurs, dont on peut assurer dès la lecture des premières pages, que leur appartenance à l'ancien Collège Invisible est douteuse. Cette assertion n'est pas gratuite, elle découle simplement d'un examen critique du contenu de ces nombreux ouvrages, vides de toute substance *moellifique*, comme dirait Rabelais, et qu'une analyse objective permet rapidement d'écarter du corpus hermétique.

Les bons auteurs sont reconnaissables aux détails opératoires qu'ils indiquent, aux matériaux mis en œuvre et à la manière dont est exposé le processus du Grand Œuvre.

Il faut cependant une longue expérience, doublée d'une excellente connaissance du corpus, pour se faire une réelle opinion. Par bonheur, il n'est pas nécessaire de posséder une bibliothèque imposante, pour compléter l'étude dans laquelle on se trouve peut être engagé. Au contraire, il vaut mieux quelque fois ne pas se disperser, l'abondance de références accroît les difficultés du fait de la prolifération de moyens d'exposition non convergents.

Les processus alchimiques, tels que développés et commentés dans cet ouvrage, ne proviennent pas d'une extrapolation empirique, rapide, superficielle ou gratuite, mais d'une longue et patiente étude des meilleurs auteurs ainsi que de l'analyse des différents points de doctrine, leurs confrontations avec l'expérience.

L'étude de l'alchimie nécessite, pour être correctement entreprise, soit un bon maître, un réel initiateur selon la tradition, soit la lecture continue et réitérée du plus grand nombre possible d'ouvrages alchimiques, confortée par l'expérimentation. Accomplir l'auto-initiation est à la portée de tout chercheur opiniâtre et persévérant, comme, en définitive, de nombreux maîtres l'ont réalisé durant les dix derniers siècles écoulés.

L'alchimie, la Science Ésotérique par excellence, est un univers dans lequel l'humilité est la plus fondamentale des qualités requises pour achever son initiation. En alchimie, tout demeurera flou, incertain, pour l'artiste labourant au founeau, tant que l'ultime transformation, celle du métal vil en or — preuve indéniable de la réussite — n'a pas été accomplie. Il faut se méfier de tous les auteurs, sans exception. Les pistes sont brouillées à en perdre la raison. De plus, au cryptage cabalistique intentionnel, est venu s'ajouter l'influence de certaines croyances irrationnelles, que je qualifierai d'hérétiques, d'origines astrologiques, et dont on peut constater les conséquences chez de nombreux auteurs.

En effet, il faut s'interroger sur la validité de ces concepts empruntés à l'astrologie en les confrontant avec les axiomes bien ancrés dans la tradition hermétique.

Pour illustrer cette interrogation, on peut d'abord évoquer l'utilité de la rosée dans le processus alchimique tel que défini par certains auteurs à partir de la fin du XIVe siècle et bien que nulle allusion n'y est faite chez leurs prédécesseurs. Ensuite, on remettra en cause les recommandations relatives à la saison propice pour l'œuvre, aux phases lunaires ou à l'orientation de l'appareillage etc., sachant qu'un des plus importants axiomes précise que l'œuvre peut se faire en tout lieu et en tout temps.

Ce qui précède est, bien entendu en parfaite contradiction avec les procédés exposés par le Cosmopolite, le *Mutus Liber*, par Limojon de Saint Didier, par Gobineau de Monluisant, par l'auteur anonyme des Récréations Hermétiques et enfin par Cyliani. En ce qui concerne Fulcanelli, il est resté plutôt laconique, la *Rosée de Mai*, selon lui, s'extrait aisément d'un corps vil et abject, le *sujet de la philosophie*, il indique néanmoins qu'il faut utiliser un second sel, extrait de la *rosée de mai*, pour parfaire les opérations du premier œuvre.

En dernier lieu, il apparaît nécessaire d'évoquer les anomalies et contradictions, relatives

aux processus décrits par différents auteurs réputés.

Ainsi, on pourra dénombrer trois procédés différents susceptibles d'aboutir à la Pierre :

- le procédé sec, la voie brève, suivi par Basile Valentin, Fulcanelli et son disciple,
- le procédé mi-sec, mi-humide, suivi par Huginus à Barmà, Urbiger, Flamel, Philalèthe, Monte-Snyder, entre autres,
- le procédé humide ou la voie longue, suivi par Cyliani et l'auteur anonyme des *Récréations Hermétiques*.

Le premier procédé semble être la voie ancienne, suivie par Marie la Prophétesse et Artéphius, excepté pour toute la partie en hors d'œuvre où la rosée semble absente.

J'ajouterai les quelques commentaires qui suivent.

Tout d'abord, s'agissant de la phase des sublimations, le risque de « brûler les fleurs » est manifestement le plus fréquent à ce stade du processus, le *bouton de retour* recueilli présente souvent des boursoufflures. Les alchimistes avaient donc un moyen secret pour limiter la température de liquéfaction du compost lors du deuxième œuvre. Ils y introduiraient un autre élément non répertorié ni mentionné chez les auteurs les plus prolifiques, ou peut-être ignoraient-ils que ce corps était présent comme impureté dans les éléments qu'ils mettaient en œuvre ? Cette remarque au passage, pourrait également expliquer les échecs répétés de Canseliet, le seul avec Fulcanelli, au siècle dernier, capable de maîtriser l'ensemble du processus de la voie brève.

Fulcanelli expert es qualité connaissait certainement l'écueil signalé par de rares auteurs. Concernant ce mystérieux corps, il semble qu'il y ait des indices çà et là, en premier lieu chez De Pontanus, puis Limonjon de Saint Didier et enfin Cyliani, qui confortent mes déductions.

Je pense avoir plusieurs idées à soumettre à l'expérimentation, avant de communiquer mon sentiment sur ce sujet imparfaitement exploré.

Le deuxième procédé que j'ai intentionnellement nommé « *mi-sec* », est en réalité une adaptation de la voie ancienne où l'on substitue l'or naturel à l'or philosophique. La caractéristique essentielle de cette voie concerne le contournement de la difficulté à accomplir correctement les *Aigles* et de l'impossible tour de main qu'elle exige.

Il semblerait que grâce aux équilibres thermiques modifiées par la présence de mercure (Hg), l'extraction du *rebis* est grandement facilitée, à une température bien plus basse que celle du composé traditionnel. De plus, une simple distillation du composé, un amalgame mercurique, permet à la fois d'éliminer le mercure indésirable, et de sublimer la partie active nécessaire pour la réalisation du *rebis* de la coction. Le mercure présentant le double avantage d'être inerte dans les conditions de la réaction, et de modérer la température de transformation du compost, tout en maintenant constante jusqu'à la distillation du dernier atome de mercure, la température de 360 °C . Ce procédé offre également l'avantage de ne nécessiter qu'un ballon de verre Pyrex, agencé avec un chapiteau et un condenseur. Cette variante, fortement critiquée par Fulcanelli dans le *Mystère des Cathédrales*, permet d'éviter de « brûler les fleurs ».

Le troisième procédé, celui de la voie longue et humide, pose une véritable énigme. On a vu plus haut que Canseliet, après Albert Poisson, s'était laissé abuser par le fallacieux procédé (c'est lui-même qui le dit) qui met en œuvre une circulation de mercure (Hg) et d'or (Au) sous forme de fulminate. En fait, ce qu'il a cru être le procédé humide ne correspond pas à la voie décrite par Cyliani, c'est en réalité une très mauvaise interprétation de la variante du procédé « *mi-sec* » décrit plus haut.

La voie humide et acqueuse exposée par Cyliani débute comme celle de Fulcanelli, avec les mêmes préparatifs en hors d'œuvre y compris la calcination du premier œuvre. C'est certainement à la fin des opérations du premier œuvre que Cyliani quitte la voie sèche pour choisir la voie humide.

Au début des imbibitions, il va utiliser un élément liquide qui n'est pas le mercure coulant (Hg), pour réaliser la longue suite des dissolutions. Il utilisera toutefois le mercure coulant ultérieurement, dans une variante déjà signalée pour l'extraction du soufre de l'or.

Oui, mais alors, d'où vient cet élément liquide servant à faire les imbibitions ?

On peut envisager plusieurs hypothèses :

- celle de l'irruption d'un nouveau personnage sur la scène du théâtre alchimique, la *Fontaine Mercurielle*, dont la source est plus céleste que terrestre, selon les propos de Limojon de Saint Didier. Cette hypothèse est évoquée par Bernard Husson,
- ou l'*Eau Philosophique* de Fulcanelli, celle qui doit être révélée en songe, autant dire...
- celle de l'eau recueillie par défaillance des scories ferriques,
- celle de la rosée (*voir le Mutus Liber*) ou de sa distillation (*esprit astral*),
- enfin celle de la distillation des sels de l'œuvre pour produire le *menstrual puant*, l'*eau forte*.

Dans cette dernière hypothèse, le salpêtre, en se décomposant à chaud, libère la fraction NO_3 que l'on peut tout simplement absorber dans un courant d'eau froide pour en faire de l'acide nitrique. (L'*eau forte* ? Le *menstrual puant* ?)

Le radical NO_3 produit lors de la décomposition du salpêtre, interviendrait directement, dans la voie sèche, aux températures voisines de 500 °C.

Alors pourquoi ne pas envisager l'utilisation de l'eau forte (l'acide nitrique), pour réaliser les réactions à température modérée de la voie humide ?

Cyliani décrit un procédé ne nécessitant que des gobelets dans lesquels la matière alchimique est répartie en petites fractions, puis aspergée d'un liquide, à température ambiante – il est important de le souligner. Dans ce procédé, on humecte le fixe, c'est-à-dire notre *terre adamique*, les scories provenant du compost étoilé, avec le volatil (l'acide nitrique ? qui est effectivement volatil). Cette opération ne nécessite pas de fermeture du vase, au contraire, le vase est ouvert pour permettre l'évaporation et le dessèchement de la terre, puis la nouvelle aspergion de liquide et ainsi de suite. Cette voie est jalonnée par une variation des couleurs signalée par la plupart des auteurs.

Du point de vue strictement scientifique, la chimie moderne est en mesure d'expliquer l'accélération du processus alchimique de la voie courte. En effet, je l'ai déjà indiqué, en admettant qu'un processus de nature chimique intervient bien, même d'une façon secondaire, dans le Grand Œuvre, comme par exemple l'action du radical NO_3 sur l'un des composés, il est logique de penser que l'implication de ce même radical à température ambiante, provoquera le même type de réaction chimique, mais avec des vitesses de réaction nettement plus lentes.

Les lois cinétiques prédisent une accélération importante de la plupart des processus chimiques, pratiquement le doublement de la vitesse de réaction à chaque palier de 10 °C pour les réactions de premier ordre, comme c'est le cas ici.

Imaginez donc le gain de temps obtenu lorsque la température de réaction passe de 20 °C à 530 °C.

Ce qui précède accrédite donc l'existence des deux voies.

La suite des opérations de la voie humide est amplement décrite dans *Hermès Dévoilé*, ainsi que dans les *Récréations Hermétiques*. Les manipulations sont trop longues pour pouvoir être résumées ici.

Si Cyliani a utilisé du mercure coulant et de l'or, à un moment donné, c'est pour faciliter la production du *mercure philosophique* en extrayant le *soufre* de l'or, tout comme l'utilisation du même mercure dans la variante de la voie sèche. Tout cela est très cohérent. Le seul handicap de la voie humide est donc due à la lenteur des réactions et du processus alterné d'imbibition-séchage. Mais cette voie est beaucoup plus sûre que la voie sèche. La durée totale des

L'Or des Sages

opérations de la voie humide s'étale entre 6 et 24 mois selon les auteurs.

Un autre point de la voie humide mérite d'être évoqué, il s'agit des poids. Ici, pas de balance, les imbibitions se font par appréciation de consistance. Poids de l'art, poids de nature ?

Transmutations alchimiques et particulières

Il y a de nombreux témoignages de transmutations réussies. Des catalogues entiers ont été écrits sur des transmutations effectuées au cours des siècles, le dernier en date est celui qu'a rédigé en 1974 Bernard Husson, « *Transmutations Alchimiques* ». Le savant hermétiste y fait également état des pièces de monnaies immédiatement battues avec l'or ou l'argent des transmutations réussies, devant témoins. Quelques unes de ces pièces de monnaie sont conservées dans des musées.

Invariablement, la Pierre Philosophale décrite par des Adeptes ou par des témoins ayant assisté à des transmutations, a toujours les mêmes propriétés.

De couleur rouge tirant vers le grenat, ressemblant à du verre pilé, de très forte densité, elle réagit avec effervescence avec les métaux en fusion. A la suite d'une transmutation alchimique, une fois la coulée effectuée, on obtient un or dont la plus surprenante des propriétés est de pouvoir encore anoblir une certaine quantité de métal vil.

On sait également que l'or synthétique ainsi obtenu est d'une incroyable pureté. Les orfèvres ne l'ignoraient pas, à tel point qu'ils savaient reconnaître l'or obtenu par transmutation uniquement par le titre.

Dans les anomalies constatées au cours de ces expériences, il faut noter quelquefois des apports en masse inexplicables. Le lingot d'or obtenu par transmutation, à la pesée, dénotait un accroissement pondéral important par rapport à la quantité de métal initialement mise en œuvre. Dans d'autres cas, moins fréquents, il y a, au contraire, perte de poids.

De tout temps les détracteurs ont cru y voir le résultat de manipulations ou de tricherie. Ils en furent pour leur frais et ceci pour des raisons connues de longue date :

– Premièrement, la falsification d'un métal comme le fer, par dépôt de cuivre par exemple, par déplacement d'équilibre, était connu de longue date, et la réalisation d'un alliage ressemblant à l'or, relève d'hypothèses ridicules, c'est mettre en doute la compétence des joailliers ou des essayeurs de l'époque.

Depuis Archimède, on sait faire la différence entre l'or et n'importe quel alliage, par le système de double pesée. Depuis l'antiquité, on sait également extraire l'or d'un alliage par coupellation, avec éventuellement un affinage préalable par l'antimoine.

La pierre de touche permettait un dosage relativement aisé et rapide. En dernier ressort, les attaques acides ou à l'eau régale pouvaient faire la différence.

– Secondement, lors de très nombreuses transmutations relatées, ce n'était pas l'alchimiste lui-même qui procédait à la démonstration, mais un témoin, un notable ou un orfèvre qui opérerait de manière tout-à-fait neutre et impartiale.

– Troisièmement, la plupart du temps, l'or alchimique restait la propriété des témoins des démonstrations, dont certains refusaient de s'en séparer même au prix fort, ce qui prouve au besoin, le désintéressement total de l'Adeptes qui offrait ces démonstrations.

Il y a également plusieurs procédés non alchimiques de transmutations que je n'ai pas encore évoquées en détail, ce sont les procédés dits « *particuliers* ».

Fulcanelli y fait référence en de nombreuses occasions dans sa trilogie. Le plus rentable de ces *particuliers* est, semble-t-il, celui de Basile Valentin et dont une variante fut exploitée par un alchimiste tunisien. Ce procédé fut rapporté par Saint Vincent de Paul au retour de sa captivité en Tunisie.

Le procédé de Basile Valentin part de l'argent ayant probablement subi un traitement de *pré-conditionnement*, associé au *soufre alchimique* du fer et du cuivre. La recette qui suit est une variante de l'or des deux ciments décrite par Fulcanelli.

Le grand initié donne une recette facile à mettre en œuvre.

« La lune a en soit un mercure fixe par lequel elle soutient plus longtemps la violence du feu que les autres métaux imparfaits; et la victoire qu'elle remporte montre assez combien elle est fixe, vu que le ravisant Saturne de peut rien lui ôter ou diminuer. La lascive Venus est bien colorée, et tout son corps n'est presque que teinture et couleur semblable à celle du Soleil, laquelle, à cause de son abondance, tire grandement sur le rouge. Mais d'autant que son corps est lépreux et malade, la teinture fixe ne peut y faire sa demeure, et le corps s'envolant, la teinture doit nécessairement suivre, car ce dernier périssant, l'âme ne peut pas demeurer, son domicile étant consumé par le feu, n'apparaissant pas et ne lui laissant aucun siège et refuge, laquelle au contraire étant accompagnée demeure avec un corps fixe. Le sel fixe fournit au guerrier Mars un corps dur, fort solide et robuste, d'où provient sa magnanimité et grand courage. C'est pourquoi il est grandement difficile de surmonter ce valeureux capitaine, car son corps est si dur qu'à grand'peine on peut le blesser. Mais si quelqu'un mêle sa force et dureté avec la constance de la Lune et la beauté de Venus, et les accorde par un moyen spirituel, il pourra faire non point tant mal à propos mais une douce harmonie, par le moyen de laquelle le pauvre homme, s'étant servi à cet effet de quelques clefs de notre art après avoir monté au haut de cette échelle et parvenu jusqu'à la fin de l'Œuvre, pourra particulièrement gagner sa vie. Car la nature phlegmatique de la Lune peut être échauffée et desséchée par le sang colérique de Venus, et sa grande noirceur corrigée par le sel de Mars. »

Dans le procédé décrit par le plus fameux des adeptes du Moyen-Âge on constate que le fer semble jouer un rôle prépondérant dans les processus de transmutation. Cela confirme bien l'importance de ce métal dans le Grand Œuvre comme dans la plupart des procédés particuliers, ce qui fait dire Limojon de Saint-Didier à Pyrophiles que :

« le succès que quelques artistes ont eu dans certains procédés particuliers viennent uniquement de la pierre ».

Fulcanelli, dans le premier tome de ses *Demeures Philosophales* nous donne des descriptions de procédés particuliers mettant en œuvre l'argent et le fer, car dit-il, le fer est le métal qui a le plus d'affinité avec l'or et on peut facilement extraire du fer un mercure et un soufre utilisables dans les procédés dits particuliers pour générer ou augmenter l'or. Mais le cuivre peut aussi convenir.

Dans le procédé décrit par Saint Vincent de Paul, à son retour de captivité en Tunisie, l'argent, en feuille, est interposé entre des feuilles d'or préalablement enrichi d'un soufre extrait du fer, en présence d'un flux, contenant vraisemblablement du salpêtre mêlé à de la brique pilée. Après passage de 24 à 48 heures au four réglé à une température inférieure à celle de fusion de l'alliage, on chauffe ensuite jusqu'à fusion et on coule un étincelant lingot d'or. L'or exalté, corallin, selon Fulcanelli, est toujours susceptible de transmuter une certaine quantité d'argent par inquartation. Bien que Fulcanelli ait soutenu que les procédés particuliers n'ont aucun rapport avec l'alchimie, il faut reconnaître cependant que toutes les transmutations archimiques ou spagyristes, doivent être rangées dans la même catégorie que celles de l'alchimie car elles relèvent du même ordre de phénomène physique et il ne pourrait en être autrement.

Un détail important : l'azote semble jouer, dans les transmutations, un rôle majeur, tout comme dans l'élaboration de la Pierre Philosophale. Est-ce une simple coïncidence ?

Dans le registre des transmutations à partir de procédés dits particuliers, il est intéressant de signaler les entreprises menées parallèlement, à la fin du XIXe siècle, par deux hyperchimistes. Il s'agit des expériences de Tiffereau et du Docteur Emmens, relatées dans un curieux ouvrage attribué à J. Marcus de Veze, *l'Or alchimique*¹. Ces deux chercheurs, travaillant séparément, et employant deux procédés, apparemment distincts, mais qui avaient en commun le métal de départ, l'argent, et une réaction chimique avec de l'acide nitrique. Ils ont réussi des transmutations pondérales d'argent en or. Ces expériences ont été attestées par plusieurs témoins dignes de

confiance, de plus le Docteur Emmens a réussi à vendre plusieurs lingots d'or synthétique au Gouvernement des États Unis d'Amérique.

Tiffereau, en soumettant de l'argent allié à du cuivre au rayonnement solaire, puis sous certaines conditions, à de l'acide nitrique, obtint de l'or, à la suite de nombreuses manipulations effectuées en alternant attaque nitrique et évaporation, procédé ressemblant à la voie humide de Cyliani. Il refît deux fois cette expérience avec succès à Guagalajara, au Mexique, et transforma en or tout l'alliage mis en œuvre.

A son retour en France, fort de ses réussites successives en Amérique latine, il tenta de nouveau les expériences sur l'argent mais sans obtenir le moindre succès.

Le docteur Emmens, quant à lui, avait mis au point un procédé mixte, mécanique et chimique. Partant de pièces de dollars mexicains en argent, il les soumettait à des compressions mécaniques en utilisant une presse de plusieurs tonnes bricolée. Il fondait ensuite l'argent et soumettait le métal à une attaque chimique par l'acide nitrique. Après affinage, Emmens récupérait environ 30 % d'or pur, provenant de la transmutation de l'argent.

Il y a beaucoup d'analogie entre les procédés décrits ci-dessus et ceux des particuliers mentionnés par Basile Valentin et Fulcanelli, ainsi que le procédé par voie humide. Tiffereau et Emmens utilisaient de l'argent Mexicain qu'ils soumettaient, quoique de manière différente, à l'action de l'acide nitrique. Tiffereau qui n'obtint le moindre succès en France, attribua ses échecs au climat hostile de la métropole, moins ensoleillé qu'au Mexique.

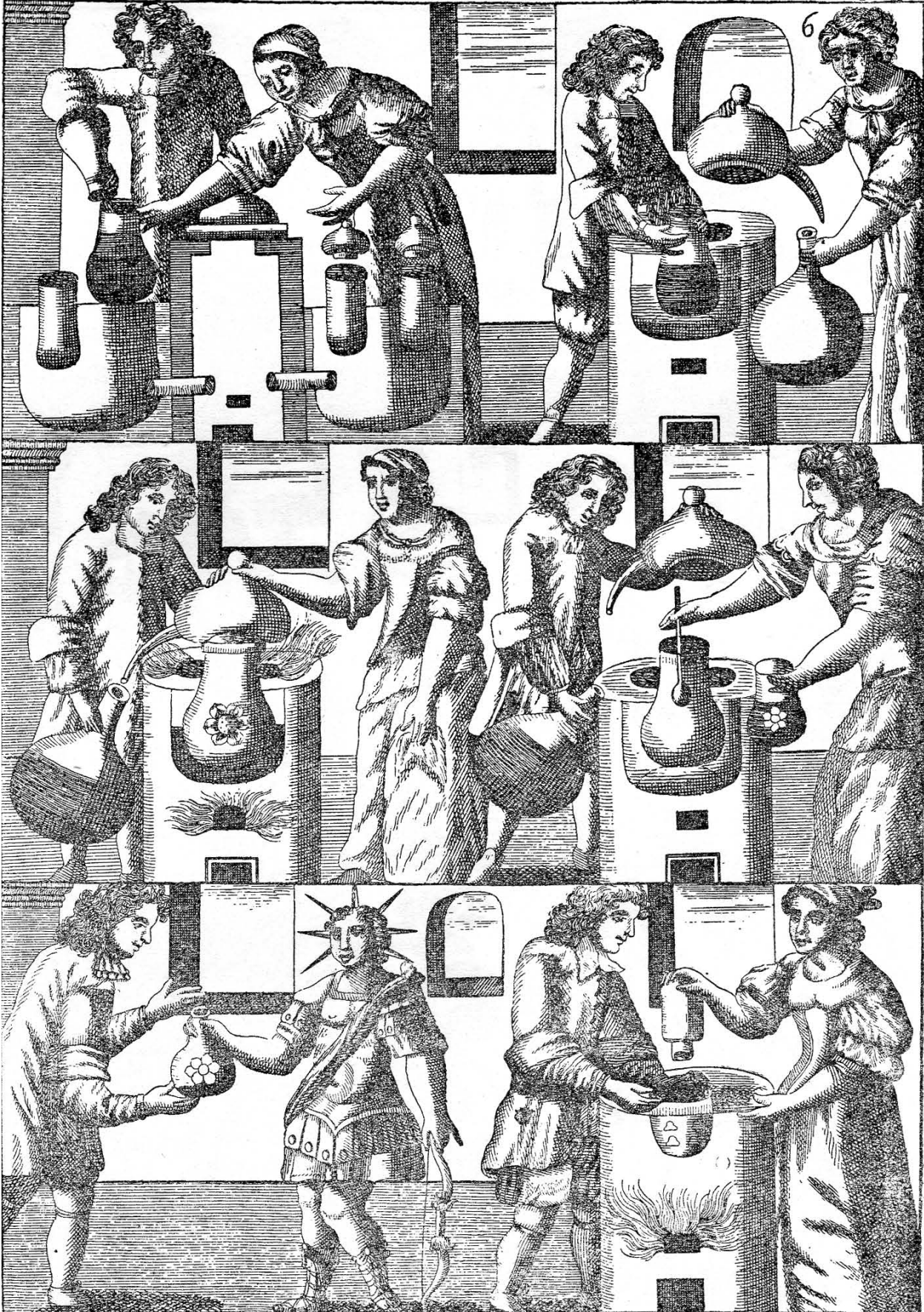
Dans les expériences menées par Tiffereau, on notera l'utilisation d'un alliage de cuivre et d'argent soumis à l'action énergique et répétée de l'acide nitrique. Il était à deux doigts de redécouvrir le particulier de Basile Valentin.

Enfin, je voudrais signaler un détail important, l'usage de l'acide nitrique qui revient dans de très nombreux procédés dits « *particuliers* », souvenez-vous donc des quelques réflexions soulevées plus haut sur le procédé alchimique par voie humide.

Ce n'est donc plus un hasard si l'on retrouve une fois de plus l'*azote*, dans un procédé de transmutation,

1. J. Marcus de Veze, *l'Or alchimique*. Éd. du Cosmogone, 2001, 1 Vol.

Planche 6 du Mutus Liber - Seconde distillation

Science et alchimie

La transmutation des éléments a cessé d'être une chimère dès la découverte de la radioactivité naturelle, celle de l'uranium en 1896, par Becquerel, et celle du radium par Pierre et Marie Curie en 1899.

La transmutation artificielle fut expérimentée par Rutherford en 1919, en bombardant des atomes d'azote par les rayons α du radium.

En ce qui concerne la radioactivité naturelle, il subsiste, un siècle après la découverte de Becquerel, de nombreux points d'ombre. Il est par exemple impossible d'expliquer les lois régissant la désintégration des atomes autrement que par les statistiques. Ce qui caractérise la radioactivité naturelle d'un élément, c'est sa période, celle-ci représente l'intervalle de temps nécessaire pour que la masse radioactive perde 50% de son poids. Cette loi stipule que la quantité de matière se transformant à chaque instant est proportionnelle à la quantité présente. Le phénomène suit donc une loi de hasard, la loi des grands nombres, loi fortuite qui embarrasse toujours les physiciens.

Pour quelle raison les atomes instables d'un corps radioactif ne se désintègrent-ils pas tous au même moment ?

Mystère.

Dans son cours de physique, Becquerel écrit :

« il est possible que la radioactivité soit une propriété générale de la matière. Il est naturel de penser que toute matière subit une évolution mais que la lenteur des transformations ou la faible énergie des particules émises, qui échappent alors à nos moyens d'investigation, nous donnent l'illusion de la stabilité ».

Avec Einstein, les idées révolutionnaires de l'équivalence masse-énergie allaient bouleverser tous les concepts de la physique. En 1932, Chadwick bombarde du glucinium avec des particules α et obtient des rayons de charge électrique neutre, les neutrons, capables de percer de lourds blindages de plomb et de désintégrer des atomes. Ainsi, on démontra l'incroyable faculté d'un projectile neutre à pénétrer les atomes et y créer des désordres.

Après Hiroshima et Nagasaki, on se soucia enfin de domestiquer l'atome pour fabriquer de l'énergie. On utilise depuis la radioactivité naturelle d'uranium enrichi pour déclencher un processus de fission en chaîne et récupérer une partie de l'énergie libérée sous forme de chaleur. La fission nucléaire met en œuvre des énergies colossales, lesquelles, mal maîtrisées peuvent conduire à des catastrophes comme celle de Tchernobyl, elle rend aussi possible, hélas, la production d'éléments enrichis permettant la fabrication d'armes atomiques.

Georges Ranque¹ est, à ma connaissance, le seul scientifique à avoir tenté une approche scientifique de l'alchimie, bien qu'ayant émis de fausses idées sur le processus, ainsi que je l'ai signalé plus haut.

Cet ancien élève de Polytechnique a écrit un livre aux éditions Robert Laffont, en 1972, intitulé *« la Pierre Philosophale »*.

Georges Ranque, partant du principe que la Pierre Philosophale était sans aucun doute réalisable, a étudié toute une série de transmutations métalliques, et calculé les énergies considérables en jeu dans de telles transformations.

Lors de la transmutation de plomb en or, par exemple, il démontre que parmi les différentes réactions susceptibles de se produire, peuvent coexister des réactions exothermiques et des réactions endothermiques. En clair, cela signifie que, pour autant que l'on laisse le temps aux équilibres thermodynamiques de se faire, ce qui est le cas dans une transmutation qui dure plusieurs

dizaines de minutes, il peut y avoir coexistence entre des réactions qui dégagent de l'énergie et des réactions qui absorbent de l'énergie, de sorte que l'apport extérieur, que l'on croyait alors considérable, peut devenir ridiculement faible, voire inutile en cas d'équilibre.

Georges Ranque lève ainsi l'une des objections les plus tenaces de la physique officielle, celle de la nécessité d'utiliser des énergies colossales pour réaliser des transmutations pondérales.

Georges Ranque analyse ensuite différents textes dont il fait de substantiels commentaires, sans pouvoir expliquer le processus alchimique.

Malheureusement, il ne semblait pas beaucoup priser les auteurs modernes. Excepté Magophon ou Auriger, qu'il cite dans son ouvrage, « *comme des auteurs ayant peut-être connu la théorie de l'œuvre, mais certainement pas le mystère du Mercure et son animation* », il s'abstient pourtant de toute référence à ses contemporains, Fulcanelli, Canseliet ou Claude d'Ygé, comme s'il ignorait leur existence. C'est tout de même étrange si l'on tient compte de la notoriété de ces auteurs. Il en résulte que, ayant sous-estimé la portée des œuvres de ces alchimistes modernes, il s'est privé de toutes les réponses aux questions qu'il ne manqua pas de se poser tout au long de sa quête. Son étude était tronquée et toutes ses tentatives d'interprétation ont échoué.

Il faut cependant rendre hommage à cet honorable polytechnicien pour l'effort réalisé dans l'étude et l'analyse de ce qu'il croyait être une science, et le remercier pour la réédition de trois anciens traités d'alchimie.

Matières et énergies inconnues

Le lecteur sait maintenant que les processus alchimiques aboutissent à la matérialisation d'une substance aux propriétés inconnues de la chimie et de la physique. Il est cependant en droit de se poser quelques questions :

1 - Quel est l'artifice qui permet à certaine matière de décupler sa masse sans réaction apparente avec d'autres agents ?

2 - Par quel procédé miraculeux, cette substance est-elle capable ensuite de se multiplier en masse et en puissance, juste en réitérant le processus qui lui a donné naissance, pour être enfin orienté vers la transmutation par simple fusion avec un métal noble ?

3 - S'agit-il d'un nouvel élément, créé par une énergie encore inconnue, ou bien d'un catalyseur puissant extrait de minéraux connus mais dont les propriétés restent à découvrir ?

Je ne peux pas donner de réponses précises à ces questions, il y a néanmoins quelques pistes sérieuses à explorer mais ce ne sera que spéculation.

La physique théorique évolue, lentement, mais sûrement. Ainsi, on avait assisté, dès la fin de la dernière guerre mondiale, à la multiplication de découvertes sur les constituants fondamentaux de la matière.

Au début c'était tout simple, il y avait les neutrons, les protons et les électrons. Pour être électriquement équilibré, un atome devait être constitué d'autant de protons (charge positive), que d'électrons (charge négative). Quant aux neutrons, ils sont constitués d'un électron et d'un proton, et leur nombre est spécifique de chaque élément, il avoisine celui des protons.

On trouva que certains atomes d'un même élément pouvaient contenir des nombres différents de neutrons, on les qualifia d'isotopes. On se rendit également compte que certains de ces isotopes instables, se désintégraient de manière aléatoire, provoquant ainsi une radioactivité naturelle.

Les physiciens fabriquèrent alors de puissants canons, les accélérateurs de particules, pour bombarder et briser les atomes, espérant ainsi récupérer les éléments constitutifs de la matière. Ensuite, pour expliquer certains phénomènes observés au cours de ces expériences et réajuster leurs équations, ils ont éprouvé la nécessité d'inventer de nombreuses particules élémentaires,

telles que les quarks, les bosons, les muons, les gluons, et ainsi de suite. Aujourd'hui la liste d'éléments constitutifs de la matière comporte pas moins de 24 éléments plus l'antimatière résultant paraît-il des énergies colossales en jeu.

À ce niveau, on ne fait plus de la physique ou de la chimie, mais plutôt de la cuisine mathématico-physique. On invente même des quarks *charmés* qui n'ont, rassurez-vous, rien à voir avec l'alchimie ou la magie, et on veut raccorder l'univers et la matière à une théorie du tout que l'on va tenter d'expliquer dans une gigantesque équation, de quoi satisfaire nos mathématiciens.

Du microcosme au macrocosme il n'y avait qu'un pas à franchir. On retrouve ici le vieil axiome alchimique « *ce qui est en haut est comme ce qui est en bas, et réciproquement* ».

Macrocosme et Microcosme se rejoignent. Ce qui se passe à l'intérieur d'une étoile à neutrons, d'un quasar, ou bien lors de l'effondrement d'une super étoile, ne peut s'expliquer qu'à condition de disposer de modèles décrivant la physique des particules élémentaires et celle des champs gravitationnels et électro-magnétiques. Mais à ce niveau faut-il appliquer la mécanique quantique ou la mécanique corpusculaire ? Comment effectuer le passage d'une onde vers un corpuscule et vice-versa ?

Les astrophysiciens se sont ingénies à développer des modèles mathématiques pour décrire les lois régissant les phénomènes de la matière, de l'espace et du temps. Einstein, en s'appuyant sur un concept simple de conservation énergie-matière a pu développer la théorie de la Relativité Restreinte mais il a eu quelques soucis avec celle de Relativité Générale.

Au tout début, la physique postulait un univers stationnaire, qui ne cadrerait pas avec certaines observations. On détermina ensuite qu'il était en expansion, mais les équations étaient difficiles, voire impossibles à vérifier compte-tenu des distances considérables entre les étoiles et les observateurs. Grâce au télescope spatial Hubble on recula les limites du cosmos visible, on entreprit de mesurer le rayonnement fossile, on remarqua des incohérences sur certains *red shift* (glissement vers le rouge par effet Doppler, de la lumière émise par des objets stellaires s'éloignant de notre Galaxie).

On s'aperçut également (depuis longtemps) qu'il manquait de la matière, énormément de matière, pour expliquer la cohésion des galaxies. On suggéra alors l'existence d'immenses trous noirs au centre de chaque galaxie et l'existence de matière *sombre* pour combler ces lacunes.

Parallèlement, la recherche théorique fut en panne des décennies durant. Dans les années 90, des physiciens téméraires inventèrent une nouvelle théorie délirante, la théorie des supercordes, puis des branes, impliquant un univers à dix ou onze dimensions, voire davantage ! Tout s'est mis à vibrer comme de toutes petites cordes. On venait d'inventer la théorie du *tout*. On reparla même d'énergie du vide. Le concept de l'éther du XIXe siècle allait-il reprendre du service ?

Nos maîtres avaient une théorie. Où est donc ce *lieu* qui selon Limonjon, est la véritable origine des teintures :

« vous n'êtes pas du nombre de ceux qui ignorent où les philosophes puisent leurs trésors, sans crainte d'en tarir la source. Je vous ai clairement dit et sans ambiguïté, que le Ciel et les astres, mais particulièrement le soleil et la lune sont le principe de cette fontaine d'eau vive, seule propre à opérer toutes les merveilles que vous savez. Ce qui fait dire au Cosmopolite dans son énigme, que dans l'Île délicieuse dont il fait la description, il n'y avait point d'eau ; que toute celle qu'on s'efforçait de faire venir, par machines et par artifices, était ou inutile ou empoisonnée, excepté celle que peu de personnes savaient extraire des rayons du soleil, ou de la lune. Le moyen de faire descendre cette eau du Ciel, est certes merveilleux ; il est dans la pierre, qui contient l'eau centrale, laquelle est véritablement une seule et même chose avec l'eau céleste, mais le secret consiste à savoir convertir la pierre en un Aimant, qui attire, embrasse, et unit à soi cette quintessence astrale, pour ne faire ensemble qu'une même essence, parfaite et plus-que-parfaite, capable de

donner la perfection aux imparfaits, après l'accomplissement du Magistère. »

Deuxième indice : un dialogue, ayant eu lieu en 1937 entre Bergier et un alchimiste, est relaté dans le *Matin des Magiciens*.

« *Pouvez-vous me dire en quoi consistent vos recherches ?* », questionna Bergier,

L'alchimiste répondit :

« *– Vous me demandez de résumer en quatre minutes quatre milles ans de philosophie et les efforts de toute ma vie. Vous me demandez en outre de traduire en langage clair des concepts pour lesquels n'est pas fait le langage clair. Je puis tout de même vous dire ceci : vous n'ignorez pas que, dans la science officielle en progrès, le rôle de l'observateur devient de plus en plus important. La relativité, le principe d'incertitude vous montrent à quel point l'observateur intervient aujourd'hui dans les phénomènes. Le secret de l'alchimie, le voici : il existe un moyen de manipuler la matière et l'énergie de façon à produire ce que les scientifiques contemporains nommeraient un champ de force. Ce champ de force agit sur l'observateur et le met dans une situation privilégiée en face de l'univers. De ce point privilégié, il a accès à des réalités que l'espace et le temps, la matière et l'énergie nous masquent d'habitude. C'est ce que nous appelons le Grand Œuvre. »*

1. Georges RANQUE, *La pierre philosophale*. Paris. Robert Laffont, 1972, 1 Vol.

Index Bibliographique

ALLEAU, René, *Aspects de l'alchimie traditionnelle*, Paris, Éd. de Minuit, 1953, préface d'Eugène Canselier, 1 Vol. *Alleau est un initié aussi érudit que réservé, il a dirigé une superbe collection de chefs d'œuvres littéraires alchimiques dans les années 70.*

ALTUS, le Mutus Liber, voir Canselier et Magophon.

ARNAULD DE VILLENEUVE, *Le chemin des chemins*, Milan, Arché, 1974, 1 Vol.

ARTEPHUIS, *Le livre secret du très ancien philosophe Artephuis*. Paris, Éd. de l'Echelle, Bibl. d'Alchimie n°2, 1977, 1 Vol.

Artéphius est l'un des premiers auteurs à avoir révélé le véritable nom du sujet de l'Art.

ATORÈNE, *le Laboratoire Alchimique*, Paris, Guy Trédaniel La Maisnie, 1982, 1 Vol.

Atorène est l'un des meilleurs auteurs contemporains dans la spécialité. Son livre est plein de bons tuyaux.

BARBAULT, Armand, *l'or du millième matin*, Paris, J'ai Lu, 1970, 1 Vol.

Armand Barbault a tenté de développer sans succès un procédé utilisant l'action de la rosée sur de la terre végétale. Il a tout de même réussi à fabriquer des solutions d'or colloïdal.

BARCHUSEN, Johann Conrad, *figures hermétiques*, dans *Alchimie les cahiers de l'hermétisme*, commentaires de François Trojani Paris, Éd. Dervy, 1996, 1 Vol.

Le commentateur, très réservé, se contente d'une description minutieuse des symboles sans faire de révélations.

BADEAU, Fabrice, *Les clefs secrètes de la chimie des anciens*, Paris, Robert Laffont, 1975, 1Vol.

Contient : *Le livre secret d'Artéphius.*

Excellent ouvrage. Fabrice Bardeau est le tout premier chercheur moderne à avoir révélé d'importants secrets d'ordre pratique.

BARRENT COENDERS Van Helpen, *l'escalier des sages*, Milan, Arché, 1976, 1 Vol.

BASILE VALENTIN,

- *Les douze clefs de la philosophie*, traduction et commentaires d'Eugène Canselier, Paris, Éd. de Minuit, 1968, 1 Vol.

- *Le Char triomphal de l'antimoine*, introduction de Sylvain Matton, Paris, Retz, coll. Bibliotheca Hermetica, 1977, 1 Vol.

- *Le dernier testament*, introduction de Sylvain Matton, Paris, Retz, coll. Bibliotheca Hermetica, 1978, 1 Vol.

- *Révélation des mystères des teintures des sept métaux*, Paris, Psyché, 1954, 1 Vol.

Les douze clefs de Basile Valentin enrichis des commentaires charitables de Canselier en font un outil indispensable pour l'hermétiste. Basile Valentin reste, avec, Flamel, Le Cosmopolite, Philalèthe et Fulcanelli, l'un des piliers de la science hermétique.

BATFROI, Séverin,

Alchimique métamorphose du mercure universel, Paris, Guy Trédaniel, 1976, 1 Vol. *Étude des fresques du monastère de Cimiez (près de Nice) signalées par Canselier.*

Les illustrations de ce livre contiennent d'importantes révélations opératoires, elles donnent envie d'effectuer un voyage à Nice. Rendons hommage à cet excellent hermétiste contemporain.

BELIN, Dom Jean-Albert,

Les aventures du philosophe inconnu, suivi de *l'Apologie du Grand Œuvre*, introduction de Sylvain Matton, Paris, Retz, coll. Bibliotheca Hermetica, 1976, 1 Vol.

BONARDEL, Françoise, *Philosopher par le feu*, *Anthologie des textes alchimiques occidentaux*. Paris, Éd. du Seuil, 1995. 1 Vol.

BURCKHARDT, Titus, *Alchimie, science et sagesse*. Traduction Andrée Ossipovitch, introduction Serge Hutin, Paris, Éd. Encyclopédie Planète, 1967. 1 Vol.

BURLAND, Cottie Arthur, *Le savoir caché des alchimistes*. Paris, Robert Laffont, 1969, 1 Vol.

Un écrivain contemporain qui ignore Cyliani, Magophon, Fulcanelli, Claude d'Ygé, Canselier. Est-ce bien sérieux ?

CAMBRIEL, Louis-Paul-françois, *Cours de philosophie hermétique en 19 leçons*. Voir HUSSON Bernard.

L'Or des Sages

CANSELIET, Eugène,

- *Deux logis alchimiques*, Paris, Éd. Jean Schemit, 1945, 1 Vol.
- *Alchimie, études diverses de symbolisme hermétique et de pratique philosophale*. Paris, J.-J. Pauvert 1964, 1 Vol.
- *L'Alchimie et son livre muet, Mutus Liber*. Paris, J.-J. Pauvert 1967, 1 Vol.
- *Trois anciens traités d'Alchimie*. Paris, J.-J. Pauvert 1975, 1 Vol.
- *L'Alchimie expliquée sur ses textes classiques*. Paris, J.-J. Pauvert 1980, 1 Vol.

LE COSMOPOLITE, *Nouvelle lumière chymique*. Introduction de Bernard Roger, Paris, Retz, coll. Bibliotheca Hermetica, 1976, 1 Vol.

Excellent classique à lire et relire.

CYLIANI, *Hermès dévoilé*. Voir HUSSON Bernard.

ECKARTSHAUSEN, Karl von, *Essais Chimiques*. Paris. Psyché, 1963. 1 Vol. Introduction de A. Savoret. *C'est de la cuisine spagyrico-hermétique.*

ESPAGNET, Jean d', *L'Œuvre secret de la philosophie d'Hermès*.

Introduction et traduction de J. Lefebvre-Desagues, Paris, E.P. Denoël, 1972, 1 Vol.

Excellent classique. La théorie est assommante, en revanche, la pratique développée est très riche.

ETTEILA, *Les sept nuances de l'œuvre*, Neuilly sur Seine. Arma Artis 1977. 1 Vol.

VADIS, Egidius de, *Dialogue entre la Nature et le fils de la Philosophie*. Paris. Éd. Dervy, 1993, 1 Vol.

EYQUEM de MARINEAU, Mathurin, *le Pilote de l'onde vive*. Paris, E..P. Denoël, 1972, 1 Vol.

Excelent exercice de style pour les étudiants en langue verte.

FABRE, Pierre-Jean, *Abrégés des secrets chymiques* Paris, Gutenberg Reprint, 1980, 1 Vol.

Excellent classique.

FIGUIER, Louis, *L'Alchimie et les alchimistes*. Paris. Éd. Denoël, Coll. Bibliotheca Hermetica, 1970, 1 Vol. *Ouvrage d'un auteur sceptique.*

FLAMEL, Nicolas

- *Le livre des figures hiéroglyphiques, Le Sommaire, Le Désir désiré* Paris, S.G.P.P. Denoël, 1970, 1 Vol. Historique de Eugène Canseliet.
- *Les œuvres de Nicolas Flamel, contient Le livre des figures hiéroglyphiques, Le Sommaire, Le livre des laveures, le Bréviaire de Nicolas Flamel*. Paris, Pierre Belfond 1973, 1 Vol.

Flamel est un grand classique, ses livres sont aussi indispensables que les Fulcanelli. J'aime tout particulièrement le Bréviaire.

FULCANELLI

- *Le Mystère de Cathédrales et l'interprétation des symboles hermétiques du Grand Œuvre*. Paris, J.-J. Pauvert 1964, 1 Vol. 3e édition.
 - *Les Demeures Philosophales et le symbolisme hermétique dans ses rapports avec l'art sacré et l'ésotérisme du Grand Œuvre*. Paris, Jean-Jacques Pauvert 1965, 2 Vol. 3e édition.
- Les troisièmes éditions comportent trois préfaces du disciple E. Canseliet.*

Les dessins de Champagne qui illustraient les premières éditions ont été remplacés par des photos. Une quatrième édition des Demeures comporte de nouveau les dessins du peintre hermétiste ami de Fulcanelli et Canseliet.

GEBER, *La somme de la perfection*. Paris, Guy Trédaniel, 1976, 2 Vol.

Ouvrage accessible aux spécialistes uniquement, bien plus spagyrique qu'alchimique.

GLASER, Christophe, *Traité de la chimie*. Paris, Gutenberg Reprint, 1980, 1 Vol.

Ouvrage spagyrique très intéressant pour les débutants.

GOBINEAU DE MONTLUISSANT, voir *Trois traités d'Alchimie* d'Eugène Canseliet et également *La Nouvelle Assemblée* de Claude d'Ygé.

GRASSOT, Louis, *La lumière tirée du chaos*. Paris, Gutenberg Reprint, 1980, 1 Vol.

GRILLOT DE GIVRY, Émile-Jules,

- *Lourdes, ville initiatique*. Paris, Éd. Traditionnelles 1979, 1 Vol.

Cet ouvrage est recommandé par Claude d'Ygé pour ses révélations mystiques. Portée pratique médiocre, impossible d'y voir une relation quelconque avec l'alchimie.

- *Le Grand Œuvre*. Paris, Éd. Traditionnelles 1981, 1 Vol.

Cet ouvrage mystique sous forme de poème ne concerne pas la pratique, aucun intérêt.

GROSPARNY Nicolas, voir VALOIS Nicolas.

HERMÈS TRIMÉGISTE, *La table d'Émeraude et sa tradition alchimique*. Paris, Belles Lettres, 1994, 1 Vol.

Contient :

- *Le livre du Secret de la création d'Appolonius de Tyane*.
- *La Table d'Émeraude*.
- *Le livre des sept traités d'Hermès Trimégiste*.
- *Le livre de Crates*.

Ces ouvrages ne sont accessibles qu'aux spécialistes, le recueil contient plusieurs versions de La Table d'Émeraude.

HUGINUS À BARMÂ, *Le Règne de Saturne changé en siècle d'Or, suivi de la Pierre de Touche*. Paris, Éd. Pierre Derieu, 1780, 1 Vol. Traduit du latin par M. P. T.

Excellent classique, autant apprécié par Fulcanelli que par Bernard Husson.

HUSSON, Bernard,

- *Deux anciens traités d'alchimie du XIXème siècle*.

Paris, Éd. Omnium Littéraire, 1964, 1 Vol.

Présentation et commentaires, contient les traités ci-dessous :

- CAMBIEL, Louis-Paul-François, *Cours de Philosophie hermétique en 19 leçons*, 1843.
- CYLIANI, *Hermès Dévoilé*, 1832.
- ANONYME, *Récréations Hermétiques*.

- *Anthologie de l'Alchimie*. Paris, Pierre Belfond 1971, 1 Vol.

Cet ouvrage contient notamment :

- FRANÇOIS, René, *Essais sur la Rosée*. Paris. 1621.
- ANONYME, *La parabole de Mars de Busto Nicenas*. 1619.
- TOLL, Jacques, *Le chemin du Ciel Chimique*. Amsterdam, 1688.
- URBIGER, *Aphorismes*. Hambourg, 1705.
- *Transmutations Alchimiques*. Paris. Éd. J'ai lu 1974, 1 Vol.
- *Trois Textes inédits du XVIIème siècle*. Paris, Librairie de Médecis. 1979, 1 Vol.

Cet ouvrage contient:

- *L'or potable des anciens*.
- *Lettres philosophiques*
- *Le testament d'Or*.
- *Viridarium Chemicum, traduction et commentaires*, Paris, Librairie de Médecis, 1975, 1 vol.

Grâce à Bernard Husson et à ses commentaires le lecteur réussira à percer de très nombreux secrets opératoires, en particulier ceux laissés dans l'ombre par Fulcanelli et son disciple.

KHUNRATH, Henri, *Amphithéâtre de l'éternelle sagesse*. Lyon, Paul Derain, 1957, 1 Vol.

Commentaires très hermétiques de Papus et du Dr. Marc Haven.

LAMBSPRINK, *Traité de la Pierre Philosophale*. Paris, E.P. Denoël, 1972, 1 Vol. Contient également :

- *Le Pilote de l'Onde vive*, du Sieur Mathurin Eyquem. Avertissement de René Alleau, notes de Bernard Roger.

René Alleau présente deux grands classiques de l'Alchimie en un volume.

LE BRETON, *Les Clefs de la philosophie spagyrique*. Paris, Gutenberg Reprint, 1976, 1 Vol.

Fulcanelli l'a rendu célèbre pour un seul axiome.

LE TRÉVISAN, Bernard. Paris, Trédaniel-La Mesnie, 1991. 1 Vol. Note bibliographique de C. Gustave Burg, il contient :

- *Le livre de la philosophie naturelle des métaux,*
- *La parole délaissée,*
- *Le songe vert,*
- *Le traité de la nature de l'Œuf philosophique.*

Auteur classique, grand spécialiste des allégories et des paraboles.

LIMOJON DE SAINT-DIDIER, Alexandre Toussain, *Traité de la Pierre Philosophale*. Paris, E.P. Denoël, 1971, 1 Vol. Contient :

L'Or des Sages

- *Le Mutus Liber*, hypotypose de Magophon,
- *Le Triomphe hermétique*, introduction et note par Eugène Canseliet.

Alexandre Toussain est un auteur très charitable et moderne. Il est apprécié par tous les auteurs modernes.

LINTHAUT, Henri de, *L'Aurore suivi de l'Ami de l'Aurore*. Paris, Trédaniel-La Mesnie, 1978. 1 Vol. Introduction notes et commentaires de Bernard Biebel.

ANONYMES

- *La Lumière sortant par soi-même des ténèbres*. Paris. E.P. Denoël, 1971, 1 Vol. Introduction et notes de Bernard Roger.

Contient aussi :

- *Aphorismes chimiques ou véritable théorie de la Pierre*, de Bruno de Lanzac.

Excellent ouvrage, apprécié des auteurs et commentateurs contemporains.

- *Le Livre de Senior, Lettre de Psellos sur la Chrysope*. Paris, Éd. Dervy, 1993, 1 Vol.
- LEO, Irénéus, *Compendium des trois Œuvres Chymiques*. suivi de *Initiation à la voie de l'Oratoire*. Comportant 10 photos couleur. Paris, Éd. Ramuel, 2003, 1 Vol.
- *Le Rosaire des Philosophes*. Paris, Librairie de Médicis, 1973, 1 vol. Traduction, note et préface d'Étienne Perrot.
- *La Table d'Émeraude*, Voir HERMÈS TRIMÉGISTE.
- *Traité sur la Matière des Philosophes en général*. Paris, Trédaniel- La Mesnie, 1983. 1 Vol. Considérations liminaires de Bernard Biebel.
- *La Tourbe des philosophes*. Paris, Dervy 1993. 1 Vol.
- *La Pierre Aqueuse de sagesse ou l'Aquarium des Sages*. Paris. La Table d'Émeraude, 1989, 1 Vol. Préface et traduction par Claude Froidebise.

MARCUS DE VEZE, Jean, *L'Or Alchimique*. Lyon, Éd. du Cosmogone 2001. 1 Vol. Cet ouvrage traite de procédés particuliers du XIXe siècle.

MAIER, Michel, *Atalante Fugitive*. Traduction d'Étienne Perrot. Paris, Éd. Dervy 1997. 1 Vol.

MONTE SNYDERS, Johannes de, *Commentaire sur la Médecine Universelle*. Milan, Arché, 1977. 1 Vol. Traduction par Pierre Pascal.

Cet auteur fut très apprécié de Newton et de Bernard Husson, jamais cité par Fulcanelli ou Canseliet.

MORAS DE RESPOUR, *Rares expériences sur l'Esprit minéral*, Paris. Jobert, 1975, 1 Vol.

PARACELSE, *Quatre traités*. Paris, Éd. Dervy, 1992, 1 Vol. Contient :

- *Le Labyrinthe des Médecins errants*,
- *Cinq traités de Philosophie*,
- *Le Livre de la restauration*,
- *Le Livre de la longue vie*.

PERNETY, Dom Antoine Joseph,

- *Dictionnaire Mytho-Hermétique*, Paris E.P. Denoël, coll. Biblioteca Hermetica, 1972, 1 Vol.
- *Les Fables Égyptiennes et Grecques dévoilées*, Paris, La Table d'Émeraude, 1981, 2 Vol.

PHILALÈTHE, Eyrénée,

- *L'Entrée ouverte au Palais fermé du Roi*. Paris. S.G.P.P. Denoël, 1970, 1 Vol.
- *Expérience sur la préparation du Mercure des Sages pour la Pierre par le Régule de Mars ou Fer tenant de l'Antimoine étoilé et par la Lune ou l'Argent*.
- *Règles du Philalèthe pour se conduire dans l'œuvre hermétique*. Gènes, Phœnix, 1979. 1 Vol.

PICCOLPASSI, Cyprian, *Les Trois livres de l'art du potier*, Paris, Éd. Ramuel. 1 Vol.

PLANYS-CAMPY, David de, *Ouverture de l'Escholle de philosophie transmutatoire*, Paris. Guttenberg Reprint, fac simulé 1980, 1 Vol. Notice de B. Biebel.

PONTANUS, Jean, *Épître du feu philosophique*. Paris. Guy Trédaniel-La Mesnie, 1981, 1 Vol. Introduction et traduction de Bernard Biebel.

Anonyme : *Le Psautier d'Hermophiles envoyé à Philalèthe suivi du Dictionnaire à l'usage des jeunes disciples d'Hermès*. Paris. Éd. Dervy, 1997, 1 Vol.

Voici un excellent ouvrage, aussi important que celui de Philalèthe.

PYRAZEL, *L'Ambroisie du Soleil ou la Pierre Héroïque, suivi du Tractat de Toeltius*. Paris, Éd. Ramuel. 2000. 1 Vol.

Sans commentaire.

RANQUE, Georges, *La Pierre Philosophale*. Paris. Robert Laffont. 1972, 1 Vol.

Contient :

- LAMBSPRINCK, *Traité de la pierre philosophale*,
- BASILE VALENTIN, *Des choses naturelles et surnaturelles*,
- LIMONJON de Saint-Didier, *le Triomphe Hermétique*.

RIPLEY, George, *Les douze portes de l'Alchimie, La vision du Chevalier George*. Paris. Trédaniel-La Mesnie, 1979. 1 Vol. Introduction notes et figures de Bernard Biebel.

RICORDEAU, Joseph, *l'Œuvre au Blanc*, Paris. Éd. Traditionnelles, 1975. 1 Vol.

RIVIERE, Patrick, *Alchimie et Spagyrie, du Grand Œuvre à la médecine de Paracelse-Caen*. Éd. de Neustrie, 1988.

- *La Médecine de Paracelse*, Paris, Éd. Traditionnelle 1988,
- *L'Alchimie science et mystique*, Paris Éd. de Vecchi 1990. 1 Vol.
- *Fulcanelli, sa véritable identité révélée*. Paris. Éd. de Vecchi 1 Vol.
- *Alchimie et Archimie, l'art des particuliers*, Paris Éd. de Vecchi. 1 Vol.

SADOUL, Jacques, *Le trésor des alchimistes*. Paris Denoël 1970, 1 Vol.

Excellent ouvrage d'un journaliste qui, une fois n'et pas coutume, maîtrise parfaitement le sujet.

STOLCIUS, Daniel, *Viridarium Chymicum, ou le Jardin Chimique*, Paris. Librairie de Médecis, 1975, Traduction, note et commentaires de Bernard Husson.

Pour enseigner le processus opératoire à travers des figures symboliques, la mythologie ainsi que toutes les subtilités des anciens, nul n'aurait su le faire mieux que Bernard Husson.

STUART DE CHEVALIER, Sabine, *Discours Philosophiques sur les trois principes, animal, végétal et minéral*, Paris. Gutenberg Repint, 1982, 1 Vol.

Excellent ouvrage, à la portée de tous.

TOLLIUS, Jacques, *Le chemin du Ciel Chimique*. Amsterdam. 1688, in *Anthologie de l'Alchimie*. (Voir Bernard Husson).

TRÉVISAN, Bernard, *La parole délaissée, Voir d'Ygé, Claude, in Nouvelle Assemblée des Philosophes Chymiques*.

TRISMOSIN, Salomon, *La Toison d'or*, Paris, Retz, 1975, 1 Vol. Traduction et commentaires de Bernard Husson. Étude iconographique par René Alleau.

VALOIS, Nicolas et GROSPARMY, Paris, Retz, 1975, 1 Vol.

Contient :

- Nicolas, *Le Trésor des Trésors*,
- *Les 5 Livres ou la Clef du Secret des Secrets*.

VEZE, Marcus, *L'Or Alchimique*, Lyon, Éd. du Cosmogone, 2001, 1 Vol.

VIGÈRE, Blaise de, *Traité du Feu et du Sel*. Paris, Jobert, 1976, 1 Vol.

d'YGÉ, Claude, *Nouvelle assemblée des philosophes chymiques*, Paris, Dervy-Livres, 1954, 1 Vol.

Contient :

- *Extrait des 5 livres de Nicolas Valois*,
- *Extrait des Aventures du Philosophe Inconnu, de Belin*,
- *Science écrite de tout l'art hermétique (anonyme)*,
- *Explication très curieuse des énigmes et figures hiéroglyphiques de Gobineau de Monluisant*,
- *La parole délaissée, de Bernard le Trévisan*.

C'est une excellente anthologie, Claude d'Ygé était sans doute le premier disciple de Canseliet, il a, parait-il, initié Beranrd Husson.

Façade de la BNP-Paribas rue Bergère, Paris 9^e
Le Frontispice d'Hermès Trimégiste

Photographies : Thierry Chataignier

TROISIÈME PARTIE

Étude et explication du symbolisme hermétique
de deux monuments parisiens.

Le Frontispice d'Hermès Trimégiste

Notre capitale est certainement parmi les cités européennes les mieux pourvues en matière d'œuvres d'art, et plus particulièrement en ce qui concerne les monuments érigés à la gloire d'Hermès.

Sur le portail de l'ancien Comptoir d'Escompte de Paris, au numéro 14 de la rue Bergère, immeuble abritant aujourd'hui les bureaux de la BNP-Paribas, en plein cœur du neuvième arrondissement, l'artiste sculpteur Aimé Millet a signé un véritable chef d'œuvre. C'est une composition élégante, un frontispice visible depuis le boulevard Poissonnière, du haut de la rue Rougemont.

Ce qui a particulièrement retenu mon attention, la première fois que je contemplais cette magnifique fresque, ce sont les deux proues de navire, flanquées de part et d'autre du frontispice. Chaque nef est en réalité constituée de trois nefs distinctes, enchassées l'une dans l'autre, et cela apparaît plus nettement lorsque l'on regarde la façade de profil, la triple nef émergeant en une élégante saillie, semble flotter sur une guirlande de fruits. Pour accroître l'intrigue suscitée par ce motif, un caducée s'inscrit dans l'axe de la proue, en guise de mât de misaine. Enfin, dernier détail, la figure de proue est une tête de Méduse.

Quelle subtile façon de représenter le *Triple Vaisseau* alchimique associé au sujet de la philosophie.

Dans l'ouvrage du Président d'Espagnet, on peut lire au cent neuvième canon :

« Le vase dans lequel les philosophes font cuire leur œuvre est de double origine ; l'un est de la Nature, l'autre est de l'Art. Le vase de la Nature, qu'on appelle aussi le vase de la philosophie, est la terre de la Pierre, ou la femelle, ou encore la matrice dans laquelle la semence du mâle est reçue, se putréfie et est préparée pour la génération. Or le vaisseau de l'Art est triple, en effet, le secret se cuit dans un triple vaisseau. »

Ce vaisseau, notre *Athanor*, est notre *matrice*, il représente également l'assemblage des matériaux, mercure, soufre et sel que le sage doit élire pour accomplir l'œuvre. Il représente également la composition du compost de la coction finale. Il est associé ici au caducée, figurant le *mercure des sages*, reconnaissable aux deux serpents entrelacés et surmonté d'une paire d'ailes. Curieux ce navire, qui flotte sur un phylactère constitué d'une tresse, abondamment fournie en fruits, légumes et céréales de toutes sortes, signe incontestable d'abondance.

Ultime raffinement, la figure de proue est l'une des Gorgones, la Méduse, la même qui figure aussi sur le torse d'Hermès et qui, selon Fulcanelli, personnalise à la fois la prudence et la sagesse.

Dans la mythologie grecque, Méduse, l'une des trois Gorgones, eut commerce avec le Dieu

Neptune dans le temple de Minerve. La Déesse, indignée de la profanation de son temple, changea alors en serpents les cheveux de Méduse et lui donna la faculté de pétrifier tous ceux qu'elle regardait. Persée à l'aide d'un bouclier magique sut détourner son regard et lui trancha la tête. Du sang de Méduse naquit Chrysaor et Pégase. Cette légende se rapporte aux trois œuvres dont elle constitue un abrégé, Chrysaor évoquant la chrysope.

La pièce centrale du frontispice est l'effigie du dieu Mercure-Hermès, trônant majestueusement encadré par deux robustes griffons, sur un linteau, au-dessus des trois portes du bâtiment. Notre illustre personnage, dans une attitude majestueuse, arbore sereinement un sceptre surmonté d'un coq de bronze en sa dextre, et un miroir orné d'un serpent en sa sénestre, tandis qu'il laisse reposer son avant bras sur la crinière du griffon. Le coq symbolise également le *mercure philosophique*, et sa présence sur cette scène n'est pas fortuite.

Les deux griffons de cette composition ont une tête de lion, ce qui est inhabituel. Conventionnellement les imagiers leur sculptent une tête d'aigle et un corps de fauve muni d'ailes. La tête de lion marque ici la puissance, le principe mâle, et les ailes la volatilité. L'assemblage donne un être hybride, mi-fixe, mi-volatile, le griffon du premier œuvre.

D'autres détails surprennent. Le Messenger porte également sur son buste la tête de Méduse, entrelacée de serpents, et deux mérelles ornent le trône. Cette répétition du motif de la Méduse doit dissimuler un important secret de la pratique, celui de l'ultime coagulation de la Pierre.

Les mérelles, ou coquilles Saint-Jacques, au-dessus de chaque griffon, attestent la qualité philosophale du *mercure* obtenu par la voie canonique et signifient que l'opérateur a choisi les bons matériaux.

Revenons aux Griffons.

Pour Fulcanelli, dans le deuxième tome des *Demeures Philosophales*, le griffon marque le résultat de la première opération :

« *Du combat que le chevalier, ou soufre secret, livre au soufre arsenical du vieux dragon, naît la pierre astrale, blanche, pesante, brillante comme pur argent, et qui apparaît signée, portant l'empreinte de sa noblesse, la griffe...* »

Plus loin, le Maître indique les bonnes proportions :

« *Si donc, vous désirez posséder le griffon, – qui est notre pierre astrale, – en l'arrachant de sa gangue arsenicale, prenez deux parts de terre vierge, notre dragon écaillé, et une de l'agent igné, lequel est ce vaillant chevalier armé de la lance et du bouclier...* » .

Nous savons déjà que le *dragon écaillé* figure la stibine et le *chevalier* le fer. Dans la cryptologie alchimique, la stibine avait comme symbole le globe crucifère, ce même globe figurant sur toutes les représentations peintes ainsi que les statues de papes ou de souverains.

À l'issue du combat alchimique que se livrent le vieux *Dragon* et le *Chevalier Martial*, Bernard Husson explique un détail opératoire jamais évoqué auparavant, figurant sur l'illustration de la quatrième clef de Basile Valentin, la *Roue de la Fortune*.

« *Le globe crucifère désignait sans ambiguïté le trisulfure d'antimoine, alors que l'antimoine proprement dit étant son régule. Le globe crucifère renversé ou retourné s'identifie au signe de Venus. Basile Valentin apparente Vénus avec la déesse romaine Fortuna, debout sur un globe, bras écarté pour conserver son équilibre, exprimant ainsi la précarité de la Fortune.... ... Les alchimistes du XVIIe siècle connaissaient bien cette sphère, dont la surface lisse glisse entre les doigts de l'artiste parce qu'elle est humide des larmes lunaires, qui exercent sur les doigts une action légèrement caustique...* »

Il faut surtout retenir le qualificatif *caustique*, terme on ne peut plus approprié, exprimant l'action de l'oxyde de potassium partiellement transformé en hydroxyde (KOH), et que l'on retrouve à la surface de ce globe à l'issue du combat.

Il était simplement *généreux*, Bernard Husson. Nul ne peut plus douter maintenant qu'il expérimenta personnellement la phase décrite plus haut.

L'opération du *Griffon* achevée, l'alchimiste doit entreprendre le *renversement du monde* (entendez le *bouleversement* ou plutôt le *renversement de la boule*), ce qui justifie l'utilisation du symbole de Vénus, qu'il ne faut pas prendre pour le vulgaire cuivre.

Une fois le combat des deux protagonistes achevé, il faut simplement renverser le creuset dans un cornet de fer, préalablement graissé. Ensuite, l'artiste opérera la *séparation* en frappant un coup sec sur le moule froid afin de recueillir le *vil trio*. Il pourra enfin ouvrir la porte du second œuvre.

Un autre détail pratique intéressant, figure sur la composition, le miroir au serpent. Le *miroir* est l'hiéroglyphe de la matière universelle. *Miroir* et *Sujet des sages* sont synonymes en langage

alchimique. Mais la symbolique se complique car il y a ambivalence, c'est de règle en alchimie. Le *miroir* peut représenter aussi bien le *soufre* que le *mercure*, ou les deux, simultanément, dans le personnage emblématique du *Rebis*.

Pour le Cosmopolite, parlant du *Soufre* : « En son royaume, il y a un miroir dans lequel on voit tout le monde. Quiconque regarde en ce miroir, peut voir et apprendre les trois parties de la Sapience de tout le monde, et de cette manière, il deviendra très savant en ces trois règnes, comme ont été Aristote, Avicenne, et plusieurs autres. »

Pour Basile Valentin : « le corps entier du vitriol doit être reconnu pour un Miroir de la Science philosophique. »

Mais le *Miroir de l'Art* est aussi, dans sa concavité, l'emblème du *mercure réfléchissant*, androgyne contenant à la fois l'agent et le patient, ce qu'indique le serpent sculpté sur son revers.

En ornement, de part et d'autre de la voûte, on remarque symétriquement deux couronnes mortuaires, posées sur une branche de laurier, soulignant l'importance du *caput mortuum* dans l'œuvre. Les deux couronnes mortuaires nous informent qu'il y a, dans l'élaboration philosophale, deux opérations aboutissant chacune au *caput mortuum* :

– la première, dans l'opération du *griffon*, où il convient surtout de ne pas rejeter les scories.

– le second *caput mortuum* apparaît à la fin de la coction, lorsque l'heureux artiste reçoit l'*escarboucle* dans un écrin opaque, rugueux et roux, dénommé la *terre damnée de la pierre*, résidu inutile qu'il faut jeter.

Sous le linteau de la composition, on retrouve le motif du caducée, répété deux fois et apparaissant au-dessus des portes extrêmes.

Au même niveau, au-dessus de la porte centrale, on remarque un casque ailé, symbolisant la volatilisation du fixe mais également les proportions requises : une part de fixe (le casque) contre deux parts du *volatil*, les ailes.

Plus haut, au-dessus de notre héros Hermès-Mercure et à la base de la toiture de forme pyramidale, le sculpteur a mis en scène deux personnages.

La statue de gauche est fort ressemblante à celle de la Justice du tombeau de François II, à Nantes, abondamment commentée par Fulcanelli dans le second volume des *Demeures Philosophales*. Ici, elle est voilée et sans épée. Le voile est mis tout exprès, pour souligner la nature ésotérique du symbolisme. Le même enseignement provient du livre fermé faisant corps avec la balance, symboles des poids et de la

matière brut. Sur la couverture du livre on devine l'inscription *Grand Livre*, en lettres capitales, quoi de plus naturel qu'un *livre de comptes* pour un organisme bancaire ?

L'artiste, pince sans rire, a voulu dérober au profane l'hiéroglyphe de la matière première ou du minéral brut, le *grand livre* de la nature, dispensateur du dissolvant secret, livre fermé par excellence, représentant la matière première brute au sortir de la mine, que le travail alchimique s'efforce d'anoblir afin d'obtenir le mercure *vivant et ouvert*, la balance indiquant la nécessité du respect des poids.

La statue de droite représente une jeune femme non voilée, serrant dans sa main gauche le caducée

L'absence de voile nous informe du changement d'état du sujet de l'art qui, à la suite d'une série d'opérations secrètes, est transformé en *mercure philosophique*.

L'utilisation de personnages féminins est constante dans la symbolique du mercure, afin de souligner la nature passive et volatile de ce principe.

La Fontaine de Mars

La Fontaine de Mars

Il y a, rue Saint-Dominique, à deux pas du Champs de Mars de Paris, une magnifique fontaine dont les eaux sont paraît-il excellentes, à tel point que de nombreux amateurs du tout Paris y viennent quotidiennement faire provision.

Ce petit monument fait partie des nombreuses curiosités de notre capitale, mais les motifs de la façade, trop discrets, n'ont apparemment pas intrigué les quidams.

La fontaine de Mars, érigée sous l'Empire, au 188 de la rue Saint-Dominique, à proximité de la Tour Eiffel, était également appelée la Fontaine de l'Hospice Militaire du Gros Caillou.

Sur la face avant, le sculpteur a mis en scène un couple figurant de plein pieds Mars et Vénus enlassés.

Le dieu de la guerre, pratiquement nu, est coiffé de son casque. Il serre dans sa main gauche une épée dans son fourreau, tandis que son bras droit semble s'appuyer sur un bouclier situé en arrière plan.

Sa compagne Vénus, en robe vaporeuse, la chevelure ornée d'une couronne de laurier, tient une coupe dans sa main droite. Sur son avant-bras droit s'enroule un serpent.

Deux autres détails retiennent l'attention de l'amateur de vieilles pierres : l'ondée qui se profile discrètement derrière nos deux personnages et qui semble provenir d'une tour en arrière plan (elle pourrait tout aussi bien y aboutir), et un coq qui se dresse sur le bouclier, aux pieds de Mars.

En guise d'ornement complémentaire, on remarquera, flottant chacun sur l'onde, deux animaux fabuleux, le motif se répétant sur les quatre faces de la base de l'édifice. Ces deux animaux ont un corps de poisson, celui de gauche a une tête de lion et celui de droite une tête de bélier.

Enfin, sur chaque coté, de part et d'autre de la face avant du monument, on retrouve une urne en relief sur laquelle apparaissent trois personnages : un homme tenant un disque dans chaque main, une femme qui court avec un rameau bourgeonnant à la main et un gnome, brandissant un instrument semblant être un tambourin, de la main droite, et tenant dans sa main gauche, un petit rameau bourgeonnant.

La façade arrière est nue.

Le lecteur ne sera pas surpris d'apprendre que cette magnifique fontaine est entièrement consacrée à l'alchimie.

Examinons en premier lieu les personnages de la façade.

Le couple Mars-Venus se rapporte aux matériaux du Grand Œuvre. Mars, planète figurant le fer, symbolise l'agent actif, masculin. La femme que l'on pourrait associer à Vénus, mais qu'il ne faut surtout pas confondre avec le cuivre, symbolise le *sujet féminin et passif de l'art*. Pour qu'il n'y ait aucune confusion, le sculpteur a fait figurer un serpent autour du bras de Vénus, lequel est consacré au dieu Mercure, principe femelle. Le coq, placé sous la protection de Mars, souligne le caractère ésotérique de la composition. L'artiste qui a conçu cette œuvre a multiplié tous les détails permettant l'interprétation indiscutable du motif hermétique, en faisant figurer un dernier détail, attestant la qualité de l'agent féminin : la coupe que Vénus tient en sa main droite et qu'elle semble offrir au dieu Mars. La coupe symbolise notre *vase*, et cette composition se rapporte au premier œuvre.

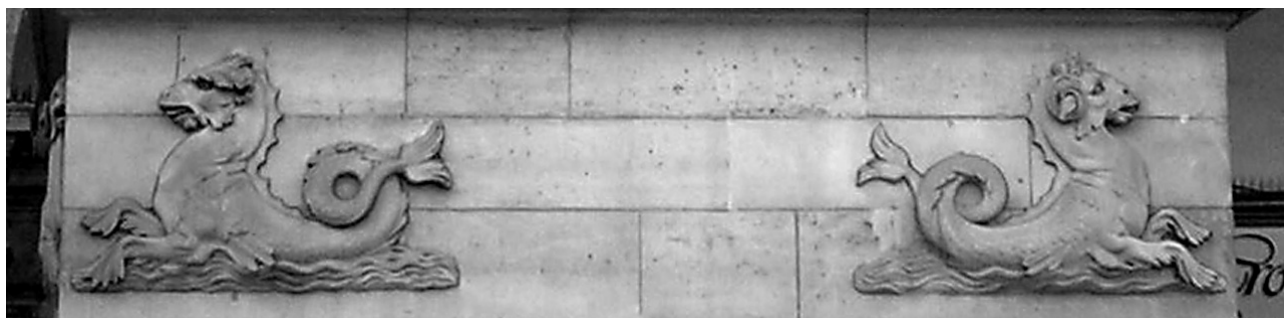
Notre Vénus, légèrement vêtue, figure le minéral ayant subi une première préparation avant la cérémonie nuptiale, et Mars, pratiquement nu, le vaillant chevalier maintes fois évoqué. Bernard Husson a montré que les vêtements des personnages figurant sur des scènes alchimiques, sont, la plupart du temps, en relation avec la phase opératoire et son état d'avancement.

La petite colonne que l'on voit saillir légèrement, en bas à gauche de la composition, juste

derrière Vénus, ressemble soit à une tour vers laquelle l'ondée presque effacée semble se diriger, ou bien, autre éventualité, à un four d'où se dégage des fumées. Dans la première hypothèse, cette représentation est à rapprocher de la fresque de la cathédrale d'Amiens, figurant la *rosée des philosophes*, tombant sur le four secret. Dans la seconde éventualité, qui semble la plus probable, la tour se rapporte à notre athanor en activité, comme en témoigne une fumée relativement fournie qui s'en échappe.

Les figurines fabuleuses nageant sur les flots sont emblématiques du résultat obtenu à l'issue des *aigles* ou *sublimations* du second œuvre.

En effet, c'est le résultat de la première coagulation de l'eau mercurielle que l'Adepté Fulcanelli, commentant en page 33, tome II des Demeures Philosophales, qualifie de mystérieux, « tant par son développement contraire aux lois chimiques que par son mécanisme obscure, mystère que le savant le mieux instruit et l'Adepté le plus expert ne saurait expliquer. »

Ces monstres marins offrent la même signification que le *dauphin* ou le *rémore* ; ils symbolisent le *mercure* à l'issue des sublimations philosophiques. Les écailles du corps de poisson flottant sur les ondes figurent les lignes entrecroisées qui apparaissent sur la matière convenablement préparée, de même que l'onde marine ressemble à cette tresse ou résille, qui figure quelques fois sur des représentations ésotériques, assimilables au filet de Vulcain qui surprit Mars et Vénus en alcutère.

Les têtes de lion et de bélier se rapportent à la condition indispensable de mise en route, dès le début de l'œuvre, « C'est là un des plus grands secrets du travail, et, quoi qu'il en soit, la pierre d'achoppement sur laquelle se brise, dès le seuil, le chercheur trop pressé » prévient Claude d'Ygé dans sa *Nouvelle Assemblée*.

Pour Fulcanelli, « c'est la phase la plus délicate du travail que celle où la prime coagulation de la pierre, onctueuse et légère, paraît à la surface et flotte sur les eaux. Il faut alors redoubler de précaution et de prudence dans l'application du feu, si l'on ne veut la rougir avant terme et la précipiter. Elle se manifeste au début sous l'aspect d'une pellicule mince, très vite rompue, dont les fragments détachés des bords se rétractent, puis se soudent, s'épaississent, prennent la forme d'un îlot plat, – l'île du Cosmopolite et la terre mythique de Délos, – animé de mouvements giratoires et soumis à de continus déplacements. Cette île n'est qu'une autre figure du poisson hermétique, né de la mer des Sages, – notre mercure qu'Hermès appelle *mare patens*, – le pilote de l'Œuvre, premier état solide de la pierre embryonnaire. »

Le symbolisme des sculptures latérales est moins transparent. L'athlète en relief qui paraît sur l'urne, tient un disque dans chaque main. Le disque de droite est percé en son centre, c'est le symbole de l'or ou du soleil hermétique.

Le second disque, largement masqué par la main gauche correspond à l'hiéroglyphe lunaire. Ces deux disques ont la même signification ésotérique que ceux de la statue de Saint-Marcel terrassant le dragon, dont Fulcanelli fit une magistrale démonstration dans *Le Mystère des Cathédrales*. Les disques, ici, évoquent les matériaux ouverts et prêts à livrer leur principe actif. On retrouvera également un motif de signification similaire sur les anses de l'urne, sous forme de rosaces. Dans ce dernier cas, il s'agit des deux principes exaltés, *soufre et mercure philosophiques*.

La Vénus de l'urne est dévoilée. L'allégorie de ce tableau est une version allégée de celle figurant sur la gravure illustrant la deuxième clef de Basile Valentin :

« Une vierge, devant être donnée en mariage, est tout d'abord magnifiquement parée d'une variété de vêtements les plus précieux, afin qu'elle plaise à son fiancé et que, par son aspect, elle allume

en lui, profondément, l'embrassement de l'amour. Mais lorsqu'elle doit être mariée à son fiancé, suivant l'usage de l'union charnelle, on lui enlève tous ses différents vêtements et elle n'en garde aucun, si ce n'est celui qui lui a été donné par le créateur, au moment de sa naissance. »

Bien que l'évêque bénissant l'union magique de Mars et Vénus soit absent de la scène, l'imagier n'a pas, pour autant, omis le médiateur salin dans cette composition. Mieux, il fait figurer, en lieu et place de l'évêque, un petit personnage monstrueux dont la partie postérieure ressemble aux membres inférieurs d'une chèvre ou d'un bouc. Serait-ce un *gnome* ?

Le commanditaire de cette œuvre connaissait donc parfaitement le symbolisme et la portée de cette opération, l'une des plus secrètes du processus.

Fulcanelli, dans son analyse du cadran solaire du palais Hollywood d'Edingbourg, fait appel à la langue des oiseaux. La racine grecque du mot *gnome*, précise-t-il, signifie esprit, intelligence, et il poursuit :

« Or, les gnomes, génies souterrains préposés à la garde des trésors minéraux, veillent sans cesse sur les mines d'or et d'argent, les gîtes de pierres précieuses, apparaissent comme des représentants symboliques, des figures humanisées de l'esprit vital métallique et de l'activité matérielle. La tradition nous les dépeint comme étant fort laids et de très petite stature; en revanche, leur naturel est doux, leur caractère bienfaisant, leur commerce extrêmement favorable. »

Plus loin, complétant l'analyse de l'arcane, évoquant la marche du soleil des sages dans l'ouvrage de la philosophie, il ajoute :

« Et cette marche est réglée par l'icosaèdre, qui est ce cristal inconnu, le Sel de Sapience, esprit ou feu incarné, le *gnome* familier et serviable, ami des bons artistes, lequel assure à l'homme l'accession aux suprêmes connaissances de la Gnose antique. »

Nul doute qu'il s'agit bien, ici, du même *gnome*, symbolisant le *Sel de Sapience*, l'émeraude des philosophes, c'est-à-dire le catalyseur secret.

Il y a encore un détail qui mérite peut-être d'être souligné : le *gnome* semble faire de la musique avec son tambourin qu'il brandit de la main droite. L'alchimie, en effet, est synonyme d'Art Musique pour grand nombre d'artistes ayant réalisé la merveilleuse *harmonie*. C'est une discrète allusion à certains signes sonores de la coction.

En ce qui concerne les rameaux bourgeonnant que tiennent à la fois notre personnage féminin et le *gnome*, il s'agit d'une allusion à la Gemme que l'artiste heureux pourra contempler à l'issue du troisième œuvre. Le mot bourgeon vient du latin *burriōnem*, accusatif de *burrio*, de *burra*, qui veut dire bourre, gemme, pousse ou rejet, ce qui n'est aucunement en contradiction avec notre sujet. Gemme ou jeune pousse, l'alchimie n'est-elle pas considérée comme étant l'Agriculture Céleste ?

Enfin, l'une des branches feuillues de la composition s'enroule, comme un serpent, autour du rameau de notre déesse. L'imagier a vraisemblablement voulu souligner discrètement le caractère mercuriel de la déesse.

Quant à l'urne, elle symbolise de nouveau notre vase, vaisseau secret et réceptacle de l'eau philosophale, notre vase en terre de la voie du pauvre, convenant parfaitement à l'*art brevis*.

